

ПАМЯТНИКЪ ЛИТТЕРАТУРЫ

Ф. М.
ДОСТОЕВСКИЙ

ЗАПИСКИ ИЗЪ ПОДПОЛЬЯ

ImWerdenVerlag
München 2006

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПОДПОЛЬЕ.

I.	3
II.	5
III.	6
IV.	8
V.	9
VI.	10
VII.	11
VIII.	14
IX.	17
X.	19
XI.	20

II. ПОВѢСТЬ по поводу мокрого снѣга.

I.	22
II.	28
III.	31
IV.	36
V.	41
VI.	43
VII.	49
VIII.	53
IX.	58
X.	62

I. ПОДПОЛЬЕ.

И авторъ записокъ и самыя «Записки» разумѣтся вымышлены. Тѣмъ не менѣе такія лица какъ сочинитель такихъ записокъ не только могутъ, но даже должны существовать въ нашемъ обществѣ, взявъ въ соображеніе тѣ обстоятельства, при которыхъ вообще складывалось наше общество. Я хотѣлъ вывести передъ лицо публики, повиднѣе обыкновеннаго, одинъ изъ характеровъ протекшаго недавняго времени. Это — одинъ изъ представителей еще доживающаго поколѣнія. Въ этомъ первомъ отрывкѣ, озаглавленномъ: «Подполье», это лицо рекомендуетъ самого себя, свой взглядъ, и какъ-бы хочетъ выяснитъ тѣ причины, по которымъ оно явилось и должно было явиться въ нашей средѣ. Въ следующихъ отрывкахъ придутъ уже настоящія «записки» этого лица о нѣкоторыхъ событіяхъ его жизни. Такимъ образомъ этотъ первый отрывокъ должно считать какъ бы вступленіемъ къ цѣлой книгѣ, почти предисловіемъ.

I.

Я человѣкъ больной... Я злой человѣкъ. Непривлекательный я человѣкъ. Я думаю, что у меня болитъ печень. Впрочемъ я ни шиша не смыслю въ моей болѣзни и не знаю навѣрно что у меня болитъ. Я не лѣчусь и никогда не лѣчился, хотя медицину и докторовъ уважаю. Ктому-же я еще и суевѣренъ до крайности; ну, хоть настолько, чтобъ уважать медицину. (Я достаточно образованъ, чтобъ не быть суевѣрнымъ, но я суевѣренъ.) Нѣтъ-съ, я не хочу лѣчиться со злости. Вотъ вы этого навѣрно не изволите понимать. Ну-съ, а я понимаю. Я разумѣтся не сдумѣю вамъ объяснить кому именно я насолю въ этомъ случаѣ моей злостью; я отлично хорошо знаю, что и докторамъ я никакъ не смогу «нагадить» тѣмъ, что у нихъ не лѣчусь; я лучше всякаго знаю, что всѣмъ этимъ я единственно только себѣ поврежу и никому больше. Но все-таки, если я не лѣчусь, такъ это со злости. Печонка болитъ, такъ вотъ пускай-же ее еще крѣпче болитъ!

Я ужь давно такъ живу, — лѣтъ двадцать. Теперь мнѣ сорокъ. Я прежде служилъ, а теперь не служу. Я былъ злой чиновникъ. Я былъ грубъ и находилъ въ этомъ удовольствіе. Вѣдь я взятокъ не бралъ, стало быть, долженъ же былъ себя хоть этимъ вознаграждать. (Плохая острога; но я ее не вычеркну. Я ее написалъ, думая что выйдетъ очень остро; а теперь какъ увидѣлъ самъ, что хотѣлъ только гнусно пофорсить, — нарочно не вычеркну!) Когда къ столу, у котораго я сидѣлъ, подходили бывало просители за справками, — я зубами на нихъ скрежеталъ и чувствовалъ неутолимое наслажденіе, когда удавалось когонибудь огорчить. Почти всегда удавалось. Большею частію все былъ народъ робкой: извѣстно — просители. Но изъ фертовъ я особенно терпѣть не могъ одного офицера. Онъ никакъ не хотѣлъ покориться и омерзительно гремѣлъ саблей. У меня съ нимъ полтора года за эту саблю война была. Я наконецъ одолѣлъ. Онъ пересталъ гремѣть. Впрочемъ это случилось еще въ моей молодости. Но знаете-ли, господа, въ чемъ состоялъ главный пунктъ моей злости. Да въ томъ-то и состояла вся

штука, въ томъ-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже въ минуты самой сильнѣйшей жолчи, постыдно сознавалъ въ себѣ, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человѣкъ, что я только воробьевъ пугаю напрасно и себя этимъ тѣшу. У меня пѣна у рта, а принесите мнѣ какую нибудь куколку, дайте мнѣ чайку съ сахарцемъ, я пожалуй и успокоюсь. Даже душой умилюсь, хоть ужъ навѣрно потомъ буду самъ на себя скрежетать зубами и отъ стыда нѣсколько мѣсяцевъ страдать безсонницей. Таковъ ужъ мой обычай.

Это я навралъ про себя давеча, что я былъ злой чиновникъ. Со злости навралъ. Я просто баловствомъ занимался и съ просителями и съ офицеромъ, а въ сущности никогда не могъ сдѣлаться злымъ. Я поминутно сознавалъ въ себѣ много-премного самыхъ противоположныхъ тому элементовъ. Я чувствовалъ, что они такъ и кишатъ во мнѣ, эти противоположные элементы. Я зналъ, что они всю жизнь во мнѣ кишѣли и изъ меня вонъ наружу просились, но я ихъ не пускалъ, не пускалъ, нарочно не пускалъ наружу. Они мучили меня до стыда; до конвульсій меня доводили и — надоѣли мнѣ наконецъ, какъ — надоѣли! Ужъ не кажется-ли вамъ, господа, что я теперь въ чемъ-то передъ вами раскаяваюсь, что я въ чемъ-то у васъ прощенья прошу?... Я увѣренъ, что вамъ это кажется... А впрочемъ увѣряю васъ, мнѣ все равно, если и кажется...

Я не только злымъ, но даже и ничѣмъ не сдумѣлъ сдѣлаться: ни злымъ ни добрымъ, ни подлецомъ ни честнымъ, ни героемъ ни насѣкомымъ. Теперь-же доживаю въ своемъ углу, дразня себя злобнымъ и ни къ чему не служащимъ утѣшеніемъ, что умный человѣкъ и не можетъ серьезно чѣмъ-нибудь сдѣлаться, а дѣлается чѣмъ-нибудь только дуракъ. Да-съ, умный человѣкъ девятнадцатаго столѣтія долженъ и нравственно обязанъ быть существомъ по преимуществу безхарактернымъ; человѣкъ-же съ характеромъ, дѣятель, — существомъ по преимуществу ограниченнымъ. Это сорокалѣтнее мое убѣжденіе. Мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, а вѣдь сорокъ лѣтъ — это вся жизнь; вѣдь это самая глубокая старость. Дальше сорока лѣтъ жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живетъ дольше сорока лѣтъ, — отвѣчайте искренно, честно? Я вамъ скажу кто живетъ: дураки и негодяи живутъ. Я всѣмъ старцамъ это въ глаза скажу, всѣмъ этимъ почтеннымъ старцамъ, всѣмъ этимъ сребровласымъ и благоухающимъ старцамъ! Всему свѣту въ глаза скажу! Я имѣю право такъ говорить, потому что самъ до шестидесяти лѣтъ доживу. До семидесяти лѣтъ проживу! До восьмидесяти лѣтъ проживу!.. Пойдите, дайте духъ перевести...

Навѣрно вы думаете, господа, что я васъ смѣшить хочу? Ошиблись и въ этомъ. Я вовсе не такой развеселый человѣкъ, какъ вамъ кажется, или какъ вамъ можетъ быть кажется; впрочемъ, если вы, раздраженные всей этой болтовней (а я уже чувствую, что вы раздражены), вздумаете спросить меня: кто жъ я таковъ именно? — то я вамъ отвѣчу: я одинъ коллежскій асесоръ. Я служилъ, чтобъ было что нибудъ ѣсть (но единственно для этого), и когда прошлаго года одинъ изъ отдаленныхъ моихъ родственниковъ оставилъ мнѣ шесть тысячъ рублей по духовному завѣщанію, я тотчасъ же вышелъ въ отставку и поселился у себя въ углу. Я и прежде жилъ въ этомъ углу, но теперь я поселился въ этомъ углу. Комната моя дрянная, скверная, на краю города. Служанка моя — деревенская баба, старая, злая отъ глупости, и отъ нея ктому-же всегда скверно пахнетъ. Мнѣ говорятъ, что климатъ петербургскій мнѣ становится вреденъ и что съ моими ничтожными средствами очень дорого въ Петербургѣ жить. Я все это знаю, лучше всѣхъ этихъ опытныхъ и премудрыхъ совѣтчиковъ и покивателей, знаю. Но я остаюсь въ Петербургѣ; я не выѣду изъ Петербурга! Я потому не выѣду... Эхъ! да вѣдь это совершенно все равно выѣду я или не выѣду.

А впрочемъ: о чемъ можетъ говорить порядочный человѣкъ съ наибольшимъ удовольствіемъ?

Отвѣтъ: о себѣ.

Ну такъ и я буду говорить о себѣ.

II.

Мнѣ теперъ хочется разсказать вамъ, господа, желается иль не желается вамъ это слышать, почему я даже и насѣкомымъ не сдумѣлъ сдѣлаться? Скажу вамъ торжественно, что я много разъ хотѣлъ сдѣлаться насѣкомымъ. Но даже и этого не удостоился. Клянусь вамъ, господа, что слишкомъ сознавать, — это болѣзнь, настоящая полная болѣзнь. Для человѣческаго обихода слишкомъ было бы достаточно обыкновеннаго человѣческаго сознанія, то есть вполонину, вчетверть меньше той порціи, которая достается на долю развитаго человѣка нашего несчастнаго девятнадцатаго столѣтія и, сверхъ того, имѣющаго сугубое несчастье обитать въ Петербургѣ, самомъ отвлеченномъ и умышленномъ городѣ на всемъ земномъ шарѣ. (Города бываютъ умышленные и неумышленные). Совершенно было-бы довольно, на примѣръ, такого сознанія, которымъ живутъ всѣ такъ называемые непосредственные люди и дѣятели. Бьюсь объ закладъ вы думаете, что я пишу все это изъ форсу, чтобъ поострить на счетъ дѣятелей, да еще изъ форсу дурного тона, гремлю саблей какъ мой офицеръ. Но, господа, кто же можетъ своими-же болѣзнями тщеславиться, да еще ими форсить?

Впрочемъ чтожъ я? — всѣ это длаютъ; болзнями-то и тщеславятся, а я пожалуй и больше всхъ. Не будемъ спорить; мое возраженіе нелпо. Но все таки я крѣпко убжденъ, что не только очень много сознанія, но даже и всякое сознаніе болѣзнь. Я стою на томъ. Оставимъ и это на минуту. Скажите мнѣ вотъ что: отчего такъ бывало, что какъ нарочно въ тѣ самыя, да, въ тѣ же самыя минуты, въ которыя я наиболее способенъ былъ сознавать всѣ тонкости «всего прекраснаго и высокаго», какъ говорили у насъ когда-то, мнѣ случалось уже не сознавать, а дѣлать такія неприглядныя дѣянья, такія, которыя... ну, да однимъ словомъ, которыя хоть и всѣ пожалуй дѣлаютъ, но которыя какъ нарочно приходились у меня именно тогда, когда я наиболее сознавалъ, что ихъ совсмъ бы не надо дѣлать? Чмъ больше я сознавалъ о добрѣ и о всемъ этомъ «прекрасномъ и высококомъ», тѣмъ глубже я и опускался въ мою тину и тѣмъ способнѣе былъ совершенно завязнуть въ ней. Но главная черта была въ томъ, что все это какъ будто не случайно во мнѣ было, а какъ будто ему и слѣдовало такъ быть. Какъ будто это было мое самое нормальное состояніе, а отнюдь не болѣзнь и не порча, такъ что наконецъ у меня и охота прошла бороться съ этой порчей. Кончилось тѣмъ, что я чуть не повѣрилъ, (а можетъ и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ), что это пожалуй и есть нормальное мое состояніе. А сперва-то, вначалѣ-то сколько я муки вытерпѣлъ въ этой борьбѣ! Я не вѣрилъ, чтобъ такъ бывало съ другими и потому всю жизнь таилъ это про себя какъ секретъ. Я стыдился, (даже можетъ быть и теперъ стыжусь); до того доходилъ, что ощущалъ какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслажденье возвращаться, бывало, въ иную гадчайшую петербургскую ночь къ себѣ въ уголь и усиленно сознавать, что вотъ и сегодня сдѣлалъ опять гадость, что сдѣланнаго опять-таки никакъ не воротишь и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконецъ въ какую-то позорную, проклятую сладость и наконецъ, — въ рѣшительное, серьезное наслажденье! Да, въ наслажденье, въ наслажденье! Я стою на томъ. Я потому и заговорилъ, что мнѣ все хочется навѣрно узнать: бывають-ли и у другихъ такія наслажденья? Я вамъ объясню: наслажденье было тутъ именно отъ слишкомъ яркаго сознанія своего униженія; оттого, что ужъ самъ чувствуешь, что до послѣдней стѣны дошолъ; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что ужъ нѣтъ тебѣ выхода, что ужъ никогда не сдѣлаешься другимъ человкомъ; что еслибъ даже и оставалось еще время и вѣра, чтобъ передѣлаться во что нибудь другое, то навѣрно самъ-бы не захотѣлъ передѣлываться; а захотѣлъ-бы, такъ и тутъ-бы ничего не сдѣлалъ, потомучто, на самомъ-то дѣлѣ, и передѣлываться-то можетъ быть не во-что. А главное, и конецъ концовъ, что все это происходитъ по нормальнымъ и основнымъ

законамъ усиленнаго сознанія и по инерціи, прямо вытекающей изъ этихъ законовъ, а слѣдственно тутъ не только не передѣлаешься, да и просто ничего не подѣлаешь. Выходитъ напримръ, вслѣдствіе усиленнаго сознанія: правъ что подлець, какъ будто это подлецу утшеніе, коль онъ уже самъ ощущаетъ что онъ дѣйствительно подлець. Но довольно... Эхъ нагородилъ-то, а что объяснилъ?. Чмъ объясняется тутъ наслажденіе? Но я объяснюсь! Я таки доведу до конца! я и перо затѣмъ въ руки взялъ....

Я, напримѣръ, ужасно самолюбивъ. Я мнителенъ и обидчивъ какъ горбунъ или карликъ, но право бывали со мною такія минуты, что еслибъ случилось, что мнѣ-бы дали пощечину, то можетъ-быть я былъ-бы даже и этому радъ. Говорю серьезно: навѣрно я-бы сьумѣлъ отыскать и тутъ своего рода наслажденіе, разумѣется наслажденіе отчаянія, но въ отчаяніи-то и бываютъ самыя жгучія наслажденія, особенно когда ужь очень сильно сознаешь безвыходность своего положенія. А тутъ при пощечинѣ-то — да тутъ такъ и придавить сознаніе о томъ въ какую мазь тебя растерли. Главное же какъ ни раскидывай, а все таки выходитъ, что всегда я первый во всемъ виноватъ выхожу и, что всего обиднѣе, безъ вины виноватъ, и такъ сказать по законамъ природы. Потому во первыхъ виноватъ, что я умнѣ всѣхъ, которые меня окружаютъ. (Я постоянно считалъ себя умнѣ всѣхъ, которые меня окружаютъ и иногда, повѣрители, даже этого совѣстился. По крайнѣй мѣрѣ я всю жизнь смотрѣлъ какъ-то въ сторону и никогда не могъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза). Потому наконецъ виноватъ, что еслибъ и было во мнѣ великодушіе, то было бы только мнѣ-же муки больше отъ сознанія всей его бесполезности. Я вѣдь навѣрно ничего-бы не сьумѣлъ сдѣлать изъ моего великодушія: ни простить, потому что обидчикъ можетъ ударилъ меня по законамъ природы, а законовъ природы нельзя прощать; ни забыть, потому что хоть и законы природы, а все-таки обидно. Наконецъ, еслибъ даже я захотѣлъ быть вовсе не великодушнымъ, а напротивъ пожелалъ-бы отмстить обидчику, то я и отмстить ни въ чемъ никому-бы не могъ, потому что навѣрно не рѣшился бы что нибудь сдѣлать, еслибъ даже и могъ. Отчего не рѣшился-бы? Объ этомъ мнѣ хочется сказать два слова особо.

III.

Вѣдь у людей, умѣющихъ за себя отомстить и вообще за себя постоять, — какъ это напримѣръ дѣлается? Вѣдь ихъ, какъ обхватить, положимъ, чувство мести, такъ ужь ничего больше во всемъ ихъ существѣ на это время и не останется кромѣ этого чувства. Такой господинъ такъ и претъ прямо къ цѣли, какъ взбѣсившійся быкъ, наклонивъ внизъ рога и только развѣ стѣна его останавливаетъ. (Кстати: передъ стѣной такіе господа, т. е. непосредственные люди и дѣятели, искренно пасуютъ. Для нихъ стѣна — не отводъ, какъ напримѣръ для насъ, людей думающихъ, а слѣдственно ничего не дѣлающихъ; не предлогъ воротиться съ дороги, предлогъ, въ который нашъ братъ обыкновенно и самъ не вѣритъ, но которому всегда очень радъ. Нѣтъ, они пасуютъ со всею искренностью. Стѣна имѣетъ для нихъ что-то успокоительное, нравственно-разрѣшающее и окончательное, пожалуй даже что-то мистическое... Но объ стѣнѣ послѣ.) Ну-съ, такого-то вотъ непосредственнаго человѣка я и считаю настоящимъ, нормальнымъ человѣкомъ, какимъ хотѣла его видѣть сама нѣжная мать — природа, любезно зарождающая его на землѣ. Я такому человѣку до крайнѣй жолчи завидую. Онъ глупъ, я въ этомъ съ вами не спорю, но можетъ быть нормальный человѣкъ и долженъ быть глупъ, почему вы знаете? Можетъ быть это даже очень красиво. И я тѣмъ болѣе убѣжденъ въ этомъ такъ-сказать подозрѣніи, что если, напримѣръ, взять антитезу нормальнаго человѣка, то есть человѣка усиленно-сознающаго, вышедшаго конечно не изъ лона природы, а изъ реторты (это уже почти мистицизмъ, господа,

но я подозреваю и это) — то этот ретортный человек до того иногда пасуеть передь своимъ антитезомъ, что самъ себя, со всѣмъ своимъ усиленнымъ сознаниемъ, добросовѣстно считаетъ за мышь, а не за человека. Пусть это и усиленно сознающая мышь, но все-таки мышь, а тутъ человекъ, а слѣдственно..., и прочее. И главное онъ самъ, самъ вѣдь считаетъ себя за мышь; его объ этомъ никто не просить; а это важный пунктъ. Взглянемъ же теперь на эту мышь въ дѣйстви. Положимъ, на примѣръ, она тоже обижена (а она почти всегда бываетъ обижена) и тоже желаетъ отомстить. Злости-то въ ней можетъ еще и больше накопится, чѣмъ въ *l'homme de la nature et de la verite*. Гадкое, низкое желаніе воздать обидчику тѣмъ же зломъ, можетъ еще и гаже скребется въ ней, чѣмъ въ *l'homme de la nature et de la verite*, потому что *l'homme de la nature et de la verite*, по своей врожденной глупости, считаетъ свое мщеніе просто за просто справедливостью; а мышь, вслѣдствіе усиленнаго сознанія, отрицаетъ тутъ справедливость. Доходитъ, наконецъ, до самаго дѣла, до самаго акта отмщенія. Несчастливая мышь, кромѣ одной первоначальной гадости, успѣла уже нагородить кругомъ себя, въ видѣ вопросовъ и сомнѣній, столько другихъ гадостей; къ одному вопросу подвела столько неразрѣшонныхъ вопросовъ, что поневолѣ кругомъ нея набирается какая-то роковая бурда, какая-то вонючая грязь, состоящая изъ ея сомнѣній, волненій и наконецъ изъ плевковъ, сыплющихся на нее отъ непосредственныхъ дѣятелей, предстоящихъ торжественно кругомъ въ видѣ судей и диктаторовъ и хохочущихъ надъ нею во всю здоровую глотку. Разумѣется ей остается махнуть на все своей лапкой и съ улыбкой напускного презрѣнья, которому и сама она не вѣритъ, постыдно проскользнуть въ свою щелочку. Тамъ, въ своемъ мерзкомъ, вонючемъ подпольѣ, наша обиженная, прибитая и осмѣянная, мышь немедленно погружается въ холодную, ядовитую и, главное, вѣковѣчную злость. Сорокъ лѣтъ сряду будетъ припоминать до послѣднихъ, самыхъ постыдныхъ подробностей, свою обиду и при этомъ каждый разъ прибавлять отъ себя подробности еще постыднѣйшія, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазіей. Сама будетъ стыдиться своей фантазіи, но все-таки все припомнить, все переберетъ, навьдумаетъ на себя небывальщины подъ предлогомъ, что она то же могла случиться, и ничего не проститъ. Пожалуй и мстить начнетъ, но какъ нибудь урывками, мелочами, изъ-за печки, инкогнито, не вѣря ни своему праву мстить, ни успѣху своего мщенія и зная напередъ, что отъ всѣхъ своихъ попытокъ отомстить сама выстрадаетъ во сто разъ больше того кому мстить, а тотъ пожалуй и не почешется. На смертномъ одрѣ опять таки все припомнить, съ накопившимися за все время процентами и.... Но именно вотъ въ этомъ холодномъ, омерзительномъ полуотчаяніи полувѣрѣ; въ этомъ сознательномъ погребеніи самого себя за-живо съ горя, въ подпольѣ на сорокъ лѣтъ; въ этой усиленно-сознанной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положенія; во всѣмъ этомъ ядѣ неудовлѣтворенныхъ желаній, вошедшихъ внутрь; во всей этой лихорадкѣ колебаній, принятыхъ на вѣки рѣшеній и черезъ минуту опять наступающихъ раскаяній — и заключается сокъ того страннаго наслажденія, о которомъ я говорилъ. Оно до того тонкое, до того иногда неподдающееся сознанью, что чуть чуть ограниченные люди, или даже просто люди съ крѣпкими нервами, не поймутъ въ немъ ни единой черты. «Можетъ еще и тѣ не поймутъ, прибавите вы отъ себя ослабляясь, которые никогда не получали пощечинъ,» — и такимъ образомъ вѣжливо намекнете мнѣ, что я въ мою жизнь можетъ быть тоже испыталъ пощечину, а потому и говорю какъ знатокъ. Бьюсь объ закладъ, что вы это думаете. Но успокойтесь, господа, я не получалъ пощечинъ, хотя мнѣ совершенно все равно какъ бы вы объ этомъ ни думали. Я можетъ быть еще самъ-то жалѣю, что въ мою жизнь мало роздалъ пощечинъ. Но довольно, ни слова больше объ этой чрезвычайно для васъ интересной темѣ.

Продолжаю спокойно о людяхъ съ крѣпкими нервами, не понимающихъ извѣстной утонченности наслажденій. Эти господа, при иныхъ казусахъ на примѣръ,

хотя и ревутъ какъ быки во все горло, хотъ это, положимъ, и приносить имъ величайшую честь, но, какъ уже сказалъ я, передъ невозможностью они тотчасъ смиряются. Невозможность — значить каменная стѣна? Какая каменная стѣна? Ну разумѣется законы природы, выводы естественныхъ наукъ, математика. Ужъ какъ докажутъ тебѣ напимѣрь, что отъ обезьяны произошолъ, такъ ужъ и нечего морщиться, принимай какъ есть. Ужъ какъ докажутъ тебѣ, что въ сущности одна капелька твоего собственного жиру; тебѣ должна быть дороже ста тысячъ тебѣ подобныхъ и что въ этотъ результатъ разрѣшатся подконецъ всѣ такъ называемыя добродѣтели и обязанности и прочія бредни и предразсудки, такъ ужъ такъ и принимай, нечего дѣлать-то, потому дважды-два, — математика. Попробуйте возразить.

«Помилуйте, закричать вамъ, возставать нельзя: это дважды-два четыре! Природа васъ не спрашивается; ей дѣла нѣтъ до вашихъ желаній, и до того нравятся-ль вамъ ея законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее такъ какъ она есть, а слѣдственно и всѣ ея результаты. Стѣна значить и есть стѣна... и т. д. и т. д.» Господи, Боже, да какое мнѣ дѣло до законовъ природы и ариѣметики, когда мнѣ почему-нибудь эти законы и дважды-два-четыре не нравятся? Разумѣется, я не пробую такой стѣны лбомъ, если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но я и не примирюсь съ ней, потому только, что у меня каменная стѣна и у меня силъ не хватило.

И какъ-будто такая каменная стѣна и вправду есть успокоеніе, и вправду заключаетъ въ себѣ хотъ какое-нибудь слово на миръ, единственно только потому, что она дважды-два-четыре. О нелѣпость нелѣпостей! То-ли дѣло все понимать, все сознавать, всѣ невозможности и каменные стѣны; не примиряться ни съ одной изъ этихъ невозможностей и каменныхъ стѣнъ, если вамъ мерзигъ примиряться; дойти путемъ самыхъ неизбѣжныхъ логическихъ комбинацій до самыхъ отвратительныхъ заключеній на вѣчную тему о томъ, что даже и въ каменной-то стѣнѣ какъ-будто чѣмъ-то самъ виновать, хотя опять-таки до ясности очевидно, что вовсе невиновать, и вслѣдствіе этого, молча и бессильно скрежеща зубами, сладострастно замерѣть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться выходитъ тебѣ не на кого; что предмета не находится, а можетъ быть и никогда не найдется, что тутъ подмѣнь, подтасовка, шулерство, что тутъ просто бурда, — неизвѣстно что и неизвѣстно кто, но несмотря на всѣ эти неизвѣстности и подтасовки у васъ все-таки болить, и чѣмъ больше вамъ неизвѣстно, тѣмъ больше болить!

IV.

«Ха, ха, ха! да вы послѣ этого и въ зубной боли отыщете наслажденіе!» вскрикнете вы со смѣхомъ.

— А что жъ? и въ зубной боли есть наслажденіе, отвѣчу я. У меня цѣлый мѣсяць болѣли зубы; я знаю, что есть. Тутъ, конечно не молча злятся, а стонуть; но это стоны не откровенные, это стоны съ ехидствомъ, а въ ехидствѣ-то и вся штука. Въ этихъ-то стонахъ и выражается наслажденіе страдающаго; не ощущаль-бы онъ въ нихъ наслажденія, — онъ-бы и стонать не сталъ. Это хорошій примѣръ, господа, и я его разовью. Въ этихъ стонахъ выражается впервыхъ вся для нашего сознанія унижительная безцѣльность вашей боли; вся законность природы, на которую, вамъ, разумѣется, наплевать, но отъ которой вы все-таки страдаете, а она-то нѣтъ. Выражается сознаніе, что врага у васъ не находится, а что боль есть; сознаніе, что вы, со всевозможными Вагенгеймами, вполнѣ въ рабствѣ у вашихъ зубовъ; что захочетъ кто-то и перестанутъ болѣть ваши зубы, а не захочетъ, такъ и еще три мѣсяца проболятъ; и что наконецъ, если вы все еще не согласны и все-таки протестуете, то вамъ остается для собствен-

наго утѣшенія, только самого себя высѣчь, или прибить побольнѣе кулакомъ вашу стѣну, а болѣе рѣшительно ничего. Ну-съ вотъ отъ этихъ-то кровавыхъ обидъ, вотъ отъ этихъ-то насмѣшекъ, неизвѣстно чьихъ и начинается наконецъ наслажденіе, доходящее иногда до высшаго сладострастія. Я васъ прошу, господа, прислушайтесь когда-нибудь къ стонамъ образованнаго человѣка девятнадцатаго столѣтія, страдающаго зубами, этакъ на второй, или на третій день болѣзни, когда онъ начинаетъ уже не такъ стонать, какъ въ первый день стоналъ, то есть не просто оттого что зубы болятъ; не такъ какъ какой-нибудь грубый мужикъ, а такъ какъ человѣкъ тронутый развитіемъ и европейской цивилизаціей стонетъ, какъ человѣкъ «отрѣшившійся отъ почвы и отъ народныхъ началъ», какъ теперь выражаются. Стоны его становятся какіе-то скверные, пакостно-злые и продолжаются по цѣлымъ днямъ и ночамъ. И вѣдь знаетъ самъ, что никакой себѣ пользы не принесетъ своими стопами; лучше всѣхъ знаетъ, что онъ только напрасно себя и другихъ надрываетъ и раздражаетъ; знаетъ, что даже и публика, передъ которой онъ старается, и все семейство его уже прислушались къ нему съ омерзѣніемъ, не вѣрятъ ему ни на грошъ, и понимаютъ про себя, что онъ могъ бы иначе, проще стонать, безъ руладъ и безъ вывертовъ, а что онъ только такъ со злости, съ ехидства балуется. Ну такъ вотъ въ этихъ-то всѣхъ сознаніяхъ и позорахъ и заключается сладострастіе. «Дескать я васъ безпокою, сердце вамъ надрываю, всѣмъ въ домѣ спать не даю. Такъ вотъ не спите же, чувствуйте-же и вы каждую минуту, что у меня зубы болятъ. Я для васъ ужъ теперь не герой, какимъ прежде хотѣлъ казаться, а просто гаденькой человѣкъ, шенапанъ. Ну такъ пусть же! Я очень радъ, что вы меня раскусили. Вамъ скверно слушать мои подленькіе стоны? Ну такъ пусть скверно; вотъ я вамъ сейчасъ еще сквернѣй руладу сдѣлаю...» Не понимаете и теперь, господа? Нѣтъ, видно надо глубоко доразвиться и досознаться, чтобъ понять всѣ изгибы этого сладострастія! Вы смѣетесь? Очень радъ-съ. Мои шутки, господа, конечно дурного тона, неровны, сбивчивы, съ самонедовѣрчивостью. Но вѣдь это оттого, что я самъ себя не уважаю. Развѣ сознающій человѣкъ можетъ сколько-нибудь себя уважать?

V.

Ну развѣ можно, развѣ можно хоть сколько-нибудь уважать себя человѣку, который даже въ самомъ чувствѣ собственнаго униженія, посягнувъ отыскать наслажденіе? Я не отъ приторнаго какого-нибудь раскаянья такъ теперь говорю. Да и вообще терпѣть я не могъ говорить: «Простите, папаша, впередъ не буду», — не потому, чтобъ я не способенъ былъ это сказать, а, напротивъ, можетъ быть именно потому, что ужъ слишкомъ способенъ на это бывалъ, да еще какъ? Какъ нарочно и влопаюсь бывало въ такомъ случаѣ, когда самъ ни сномъ, ни духомъ не виноватъ. Это уже было всего гаже. При этомъ я опять-таки душою умилялся, раскаявался, слезы проливалъ и конечно самого себя надувалъ, хоть и вовсе не притворялся. Сердце ужъ тутъ какъ-то гадило... Тутъ ужъ даже и законовъ природы нельзя было обвинить, хотя все-таки законы природы постоянно и болѣе всего всю жизнь меня обижали. Гадко это все вспоминать, да и тогда гадко было. Вѣдь черезъ минуту какую-нибудь, я уже съ злобою соображаю бывало, что все это ложь, ложь, отвратительная напускная ложь, то есть всѣ эти раскаянія, всѣ эти умиленія, всѣ эти обѣты возрожденія. А спросите, для чего я такъ самъ себя коверкалъ и мучилъ? Отвѣтъ: затѣмъ, что скучно ужъ очень было сложа руки сидѣть; вотъ и пускался на выверты. Право такъ. Замѣчайте получше сами за собой, господа, тогда и поймете, что это такъ. Самъ себѣ приключенія выдумывалъ и жизнь сочинялъ, чтобъ хоть какъ-нибудь да пожить. Сколько разъ мнѣ случалось — ну хоть на примѣръ обижаться, такъ, не изъ за чего, нарочно; и вѣдь самъ знаешь бывало, что не изъ за чего обидѣлся, напустилъ на себя, но до того себя

доведешь, что подь-конецъ право и въ самомъ дѣлѣ обидишься. Меня какъ-то всю жизнь тянуло такія штуки выкидывать, такъ что ужъ я сталъ подь-конецъ и въ себѣ невластенъ. Другой разъ влюбиться насильно захотѣлъ, даже два раза. Страдалъ вѣдь, господа, увѣряю васъ. Въ глубинѣ-то души не вѣрится, что страдаешь, насмѣшка шевелится, а все-таки страдаю, да еще настоящимъ, заправскимъ образомъ; ревную, изъ себя выхожу... И все отъ скуки, господа, все отъ скуки; инерція задавила. Вѣдь прямой, законный, непосредственный плодъ сознанія — это инерція, т. е. сознательное сложа-руки-сидѣнье. Я ужъ объ этомъ упоминалъ выше. Повторяю, усиленно повторяю: всѣ непосредственные люди и дѣятели потому и дѣятельны, что они тупы и ограниченны. Какъ это объяснить? А вотъ какъ: они, вслѣдствіе своей ограниченности, ближайшія и второстепенныя причины за первоначальныя принимаютъ, такимъ образомъ скорѣе и легче другихъ убѣждаются, что непреложное основаніе своему дѣлу нашли, ну и успокоиваются; а вѣдь это главное. Вѣдь чтобъ начать дѣйствовать нужно быть совершенно успокоеннымъ предварительно, и чтобъ сомнѣній ужъ никакихъ не оставалось. Ну а какъ я напримѣръ себя успокою? гдѣ у меня первоначальныя причины, на которыя я упрусь, гдѣ основанія? Откуда я ихъ возьму? Я упражняюсь въ мышленіи, а слѣдственно у меня всякая первоначальная причина тотчасъ-же тащитъ за собою другую еще первоначальнѣе и такъ далѣе въ безконечность. Такова именно сущность всякаго сознанія и мышленія. Это уже опять стало-быть законы природы. Что-же наконецъ въ результатѣ? Да тоже самое. Вспомните: давеча вотъ я говорилъ о мщеніи. (Вы вѣрно не вникли). Сказано: человѣкъ мститъ, потомучто находитъ въ этомъ справедливость. Значитъ онъ первоначальную причину нашолъ, основаніе нашолъ а именно: справедливость. Стало-быть онъ со всѣхъ сторонъ успокоенъ, а слѣдственно и отмщаеть спокойно и успѣшно, будучи убѣжденъ, что дѣлаеть честное и справедливое дѣло. А вѣдь я справедливости тутъ не вижу, добродѣтели тоже никакой не нахожу, а слѣдственно если стану мстить, то развѣ только изъ злости. Злость конечно могла-бы все пересилить, всѣ мои сомнѣнія, и стало-быть могла-бы совершенно успѣшно послужить вмѣсто первоначальной причины, именно потому что она не причина. Но что же дѣлать если у меня и злости нѣтъ (я давеча вѣдь съ этого и началъ). Злоба у меня опять-таки вслѣдствіе этихъ проклятыхъ законовъ сознанія химическому разложенію подвергается. Смотришь, — предметъ улетучивается, резоны испаряются, виновникъ не отыскивается, обида становится не обидой, а фатумомъ, чѣмъ-то въ родѣ зубной боли, въ которой никто не виноватъ, а слѣдовательно остается опять-таки тотъ же самый — выходъ т. е. стѣну побольнѣе прибить. Ну и рукой махнешь, потомучто не нашолъ первоначальной причины. А попробуй, увлекись своимъ чувствомъ слѣпо, безъ разсужденій, безъ первоначальной причины, отгоняя сознаніе хоть на это время; возненавидь или полюби, чтобъ только не сидѣть сложа руки. Послѣ-завтра, это ужъ самый поздній срокъ, самого себя презирать начнешь, за то что самого себя за-знамо надулъ. Въ результатѣ: мыльный пузырь и инерція. О, господа, вѣдь я можетъ потому только и считаю себя за умнаго человѣка, что всю жизнь ничего не могъ ни начать, ни окончить. Пусть, пусть я болтунъ, безвредный, досадный болтунъ, какъ и всѣ мы. Но что-же дѣлать, если прямое и единственное назначеніе всякаго умнаго человѣка есть болтовня т. е. умышленное пересыпанье изъ пустого въ порожнее.

VI.

О, еслибъ я ничего не дѣлалъ только изъ лѣни. Господи, какъ-бы я тогда себя уважалъ. Уважалъ-бы именно потому, что хоть лѣнь я въ состояніи имѣть въ себѣ; хоть одно свойство было-бы во мнѣ какъ будто и положительное, въ которомъ я-бы и самъ былъ увѣренъ. Вопросъ: кто такой? Отвѣтъ: лѣнтяй; да вѣдь это препрят-

но было-бы слышать о себѣ. Значитъ положительно опредѣленъ, значитъ есть что сказать обо мнѣ. «Лѣнтяй»! да — вѣдь это званье и назначеніе, это карьера-сь. Не шутите, — это такъ. Я тогда членъ самого первѣйшаго клуба по праву, и занимаюсь только тѣмъ, что непрерывно себя уважаю. Я зналъ господина, который всю жизнь гордился тѣмъ, что зналъ толкъ въ лафитѣ. Онъ считалъ это за положительное свое достоинство и никогда не сомнѣвался въ себѣ. Онъ умеръ не то что съ покойной, а съ торжествующей совѣстью, и былъ совершенно правъ. А я-бы себѣ тогда выбралъ карьеру: я былъ-бы лѣнтяй и обжора, но не простой, а напрімѣръ сочувствующій всему прекрасному и высокому. Какъ вамъ это нравится? мнѣ это давно мерещилось. Это «прекрасное и высокое» сильно-таки надавило мнѣ затылокъ въ мои сорокъ лѣтъ; но это въ мои сорокъ лѣтъ, а тогда — о, тогда было-бы иначе! Я бы тотчасъ-же отыскалъ себѣ и соотвѣтствующую дѣятельность, — а именно: пить за здоровье всего прекраснаго и высокаго. Я бы придирался ко всякому случаю, чтобъ сначала пролить въ свой бокаль слезу, а потомъ выпить его за все прекрасное и высокое. Я бы все на свѣтѣ обратилъ тогда въ прекрасное и высокое; въ гадчайшей, безспорной дряни отыскалъ бы прекрасное и высокое. Я сдѣлался бы слезоточивъ какъ мокрая губка. Художникъ, напрімѣръ, написалъ картину Ге. Тотчасъ-же пью за здоровье художника, написавшаго картину Ге, потому что люблю все прекрасное и высокое. Авторъ написалъ «какъ кому угодно»; тотчасъ-же пью за здоровье «кого угодно», потому что люблю все «прекрасное и высокое». — Уваженія къ себѣ за это потребую, преслѣдовать буду того, кто не будетъ мнѣ оказывать уваженія. Живу спокойно, умираю торжественно, — да вѣдь это прелесть, цѣлая прелесть! И такое себѣ отростилъ-бы я тогда брюхо, такой тройной подбородокъ соорудилъ, такой-бы сандаальный носъ себѣ выработалъ, что всякой встрѣчный сказалъ-бы, смотря на меня: «вотъ такъ плюсь! вотъ такъ ужъ настоящее положительное!» А вѣдь какъ хотите, такіе отзывы препрiятно слышать въ нашъ отрицательный вѣкъ, господа.

VII.

Но все это золотыя мечты. О, скажите, кто это первый объявилъ, кто первый провозгласилъ, что человѣкъ потому только дѣлаетъ пакости, что не знаетъ настоящихъ своихъ интересовъ; а что еслибъ его просвѣтитъ, открыть ему глаза на его настоящіе, нормальные интересы, то человѣкъ тотчасъ-же пересталъ-бы дѣлать пакости, тотчасъ-же сталъ-бы добрымъ и благороднымъ, потому что, будучи просвѣщеннымъ и понимая настоящія свои выгоды, именно увидѣлъ-бы въ добрѣ собственную свою выгоду, а извѣстно, что ни одинъ человѣкъ не можетъ дѣйствовать зазнамо противъ собственныхъ своихъ выгодъ, слѣдственно такъ-сказать по необходимости сталъ-бы дѣлать добро? О младенецъ! о чистое, невинное дитя! да когда-же, во первыхъ, бывало, во всѣ эти тысячелѣтія, чтобъ человѣкъ дѣйствовалъ только изъ одной своей собственной выгоды? Что-же дѣлать съ миллионами фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ люди, *зазнамо*, т. е. вполнѣ понимая свои настоящія выгоды, отставляли ихъ на второй планъ и бросались на другую дорогу, на рискъ, на авось, никѣмъ и ничѣмъ непринуждаемые къ тому, а какъ будто именно только не желая указанной дороги, и упрямо, своевольно пробивали другую, трудную, нелѣпую, отыскивая ее чуть не въ потемкахъ. Вѣдь значитъ имъ дѣйствительно это упрямство и своеволие было пріятнѣе всякой выгоды... Выгода! что такое выгода? Да и берете-ли вы на себя совершенно точно опредѣлить въ чемъ именно человѣческая выгода состоитъ? А что если такъ случится, что человѣческая выгода, *иной разъ*, не только можетъ, но даже и должна именно въ томъ состоять, чтобъ въ иномъ случаѣ себѣ худого пожелать, а не выгоднаго? А если такъ, если только можетъ быть этотъ случай, то все правило прахомъ пошло.

Какъ вы думаете бываетъ-ли такой случай? Вы смѣтаетесь; смѣйтесь, господа, но только отвѣчайте: совершенно-ли вѣрно сосчитаны выгоды человѣческія? Нѣтъ-ли такихъ, которыя не только не уложились, но и не могутъ уложиться ни въ какую класификацію? Вѣдь вы, господа, сколько мнѣ извѣстно, весь вашъ реестръ человѣческихъ выгодъ взяли среднимъ числомъ изъ статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формулъ. Вѣдь ваши выгоды, это — благоденствіе, богатство, свобода, покой, ну и такъ далѣе, и такъ далѣе; такъ что человѣкъ, который бы напимѣръ явно и зазнамо пошолъ противъ всего этого реестра, былъ-бы по вашему, ну да и конечно по моему, обскурантъ или совсѣмъ сумасшедшій, такъ-ли? Но вѣдь вотъ что удивительно: отчего это такъ происходитъ, что всѣ эти статистики, мудрецы и любители рода человѣческаго, при исчисленіи человѣческихъ выгодъ, постоянно одну выгоду пропускаютъ? Даже и въ расчетъ ее не берутъ въ томъ видѣ, въ какомъ ее слѣдуетъ брать, а отъ этого и весь расчетъ зависитъ. Бѣда-бы не велика, взять бы ее, эту выгоду, да и занести въ списокъ. Но въ томъ-то и пагуба, что эта мудреная выгода ни въ какую класификацію не попадаетъ, ни въ одинъ списокъ не умѣщается. У меня, напимѣръ, есть пріятель... Эхъ, господа! да вѣдь и вамъ онъ пріятель; да и кому, кому онъ не пріятель! Приготовляясь къ дѣлу, этотъ господинъ тотчасъ-же изложитъ вамъ, велерѣчиво и ясно, какъ именно надо ему поступить по законамъ разсудка и истины. Мало того: съ волненіемъ и страстью будетъ говорить вамъ о настоящихъ, нормальныхъ человѣческихъ интересахъ; съ насмѣшкой укоритъ близорукихъ глупцовъ, не понимающихъ ни своихъ выгодъ, ни настоящаго значенія добродѣтели и, — ровно черезъ четверть часа, безъ всякаго внезапнаго, посторонняго повода, а именно почему-то такому внутреннему что сильнѣе всѣхъ его интересовъ, — выкинетъ совершенно другое колѣно, т. е. явно пойдетъ противъ того, объ чемъ самъ говорилъ: и противъ законовъ разсудка, и противъ собственной выгоды, ну однимъ словомъ, противъ всего... Предупрежду, что мой пріятель — лицо собирательное и потому только его одного винить — какъ-то трудно. То-то и есть, господа, не существуетъ-ли и въ самомъ дѣлѣ нѣчто такое, что почти всякому человѣку дороже самыхъ лучшихъ его выгодъ или, (чтобъ ужъ логики не нарушать) — есть одна такая самая выгодная выгода (именно пропускаемая-то, вотъ объ которой сейчасъ говорили), которая главнѣе и выгоднѣе всѣхъ другихъ выгодъ, и для которой человѣкъ, если понадобится, готовъ противъ всѣхъ законовъ пойти, т. е. противъ разсудка, чести, покоя, благоденствія, — однимъ словомъ противъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ и полезныхъ вещей, лишь-бы только достигнуть этой первоначальной, самой выгодной выгоды, которая ему дороже всего.

— Ну такъ все-таки выгоды-же — перебиваете вы меня. Позвольте-съ, мы еще объяснимся, да и не въ каламбурѣ дѣло, а въ томъ, что эта выгода именно тѣмъ и замѣчательна, что всѣ наши класификаціи разрушаетъ и всѣ системы, составленныя любителями рода человѣческаго для счастья рода человѣческаго, постоянно разбиваетъ. Однимъ словомъ всему мѣшаетъ. Но прежде чѣмъ я вамъ назову эту выгоду, я хочу себя компрометировать лично и потому дерзко объявляю, что всѣ эти прекрасныя системы, всѣ эти теоріи разъясненія человѣчеству настоящихъ, нормальныхъ его интересовъ съ тѣмъ, чтобъ оно, необходимо стремясь достигнуть этихъ интересовъ, стало-бы тотчасъ-же добрымъ и благороднымъ, — покамѣстъ по моему мнѣнью, одна логистика! Да-съ, логистика! Вѣдь утверждать хотъ эту теорію обновленія всего рода человѣческаго посредствомъ системы его собственныхъ выгодъ, вѣдь это, по моему, почти тоже... ну хотъ утверждать, напимѣръ, вслѣдъ за Боклемъ, что отъ цивилизаціи человѣкъ смягчается, слѣдственно становится менѣе кровожаденъ и менѣе способенъ къ войнѣ. По логикѣ-то кажется у него и такъ выходитъ. Но до того человѣкъ пристрастенъ къ системѣ и къ отвлеченному выводу, что готовъ умышленно исказитъ правду, готовъ видомъ невидать и слыхомъ не слышать, только чтобъ оправдать свою логику. Потому и беру этотъ примѣръ, что это слишкомъ яркой примѣръ. Да оглянитесь кру-

гомь: кровь рѣкою льется, да еще развеселымъ такимъ образомъ, точно шампанское. Вотъ вамъ все наше девятнадцатое столѣтіе, въ которомъ жилъ и Бокль. Вотъ вамъ Наполеонъ — и великій и теперешній. Вотъ вамъ Сѣверная Америка — вѣковѣчный союзъ. Вотъ вамъ наконецъ карикатурный Шлезвигъ — Гольштейнъ.... И что такое смягчаетъ въ насъ цивилизація? Цивилизація вырабатываетъ въ человѣкѣ только многосторонность ощущеній и... рѣшительно ничего больше. А черезъ развитіе этой многосторонности человѣкъ еще пожалуй дойдетъ до того, что отыщетъ въ крови наслажденіе. Вѣдь это ужъ и случалось съ нимъ. Замѣчали ли вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которымъ всѣ эти разные Атиллы, да Стеньки Разины иной разъ въ подметки не годились, и если они не такъ ярко бросаются въ глаза какъ Атилла и Стенька Разинъ, такъ это именно потому, что они слишкомъ часто встрѣчаются, слишкомъ обыкновенны, примелькались. По-крайней мѣрѣ отъ цивилизаціи человѣкъ сталъ если не болѣе кровожаденъ, то ужъ навѣрно хуже, гаже кровожаденъ, чѣмъ прежде. Прежде онъ видѣлъ въ кровопролитіи справедливость и съ покойною совѣстью истреблялъ кого слѣдовало; теперь же мы хоть и считаемъ кровопролитіе гадостью, а все-таки этой гадостью занимаемся, да еще больше чѣмъ прежде. Что хуже? — сами рѣшите. Говорятъ Клеопатра (извините за примѣръ изъ римской исторіи) любила втыкать золотыя булавки въ груди своихъ невольницъ и находила наслажденіе въ ихъ крикахъ и корчахъ. Вы скажете, что это было во времена, говоря относительно, варварскія; что и теперь времена варварскія, потому что (тоже говоря относительно) и теперь булавки втыкаются; что и теперь человѣкъ хоть и научился иногда видѣть яснѣе, чѣмъ во времена варварскія, но еще далеко не *пріучился* поступать такъ какъ ему разумъ и науки указываютъ. Но все-таки вы совершенно увѣрены, что онъ непременно *пріучится*, когда совсѣмъ пройдутъ кой-какія старыя, дурныя привычки, и когда здравый смыслъ и наука вполнѣ перевоспитаютъ и нормально направятъ натуру человѣческую. Вы увѣрены, что тогда человѣкъ и самъ перестанетъ *добровольно* ошибаться и такъ сказать поневолѣ не захочетъ рознить свою волю съ нормальными своими интересами. Мало того: тогда, говорите вы, сама наука научитъ человѣка, (хоть это ужъ и роскошь по моему) что ни воли, ни каприза на самомъ-то дѣлѣ у него и нѣтъ, да и никогда не бывало, а что онъ самъ неболѣе какъ нѣчто въ родѣ фортепіанной клавиши или органнаго штифтика; и что сверхъ того — на свѣтѣ есть еще законы природы; такъ что все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлается вовсе не по его хотѣнью, а само собою, по законамъ природы. Слѣдственно эти законы природы стоитъ только открыть, и ужъ за поступки свои человѣкъ отвѣчать не будетъ и жить ему будетъ чрезвычайно легко. Всѣ поступки человѣческіе, само собою, будутъ расчислены тогда по этимъ законамъ, математически, въ родѣ таблицы логарифмовъ, до 108,000 и занесены въ календарь; или, еще лучше того, появятся нѣкоторыя благонамѣренныя изданія, въ родѣ теперешнихъ энциклопедическихъ лексиконовъ, въ которыхъ все будетъ такъ точно исчислено и обозначено, что на свѣтѣ уже не будетъ болѣе ни поступковъ, ни приключеній.

Тогда-то, — это все вы говорите — настанутъ новыя экономическія отношенія, совсѣмъ ужъ готовыя и тоже вычисленныя съ математическою точностію, такъ что въ одинъ мигъ исчезнутъ всевозможные вопросы, собственно потому что на нихъ получатся всевозможные отвѣты. Тогда выстроится хрустальный дворецъ. Тогда... Ну, однимъ словомъ, тогда прилетитъ птица Каганъ. Конечно, никакъ нельзя гарантировать, (это ужъ я теперь говорю) что тогда не будетъ на примѣръ ужасно скучно; (потому что что-жъ и дѣлать-то, когда все будетъ расчислено по табличкѣ) за то все будетъ чрезвычайно благоразумно. Конечно, отъ скуки чего не выдумаешь! Вѣдь и золотыя булавки отъ скуки втыкаются, но это бы все ничего. Скверно то (это опять таки я говорю), что чего добраго, пожалуй и золотымъ булавкамъ тогда обрадуются. Вѣдь глупъ человѣкъ, глупъ феноменально. То есть онъ хоть и вовсе не глупъ, но ужъ за то небла-

годарень такъ, что поискать другого, такъ не найти. Вѣдь я напримѣръ нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентльмень, съ неблагородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливою физиономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнутъ-ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобъ всѣ эти логарифмы отправились къ чорту, и чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это-бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непременно послѣдователей найдетъ: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой пустѣйшей причины, объ которой бы кажется и упоминать не стоитъ: именно оттого, что человѣкъ, всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ какъ повелѣвали ему разумъ и выгода; хотѣть-же можно и противъ собственной выгоды, а иногда и *положительно должно* (это ужъ моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный хотя бы самый дикой капризь, своя фантазія, раздраженная иногда хоть-бы даже до сумасшествія, — вотъ это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую класификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непременно вообразили они, что человѣку надо непременно благоразумно-выгоднаго хотѣнья? Человѣку надо — одного только *самостоятельнаго* хотѣнья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему-бы ни привела. Ну и хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ.....

VIII.

«Ха, ха, ха! да вѣдь хотѣнья-то, въ сущности, если хотите и нѣтъ!» прерываете вы съ хохотомъ. — «Наука даже о сю пору дотогу успѣла разанатомировать человѣка, что ужъ и теперъ намъ извѣстно, что хотѣнье и такъ называемая свободная воля есть ничто иное какъ....

— Пойдите, господа, я и самъ такъ начать хотѣлъ. Я признаюсь даже испугался. Я только что хотѣлъ было прокричать, что хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ отчего зависить и что это пожалуй и слава Богу, да вспомнилъ про науку-то и... осѣлся. А вы тутъ и заговорили. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, ну если и вправду найдутъ когда-нибудь формулу всѣхъ нашихъ хотѣній и капризовъ, т. е. отъ чего они зависятъ, по какимъ именно законамъ происходятъ, какъ именно распространяются, куда стремятся въ такомъ-то и въ такомъ-то случаѣ и проч. и проч. т. е. настоящую, математическую формулу, — такъ вѣдь тогда человѣкъ тотчасъ-же пожалуй и перестанетъ хотѣть, да еще пожалуй и навѣрно перестанетъ. Ну что за охота хотѣть по табличкѣ? Мало того: тотчасъ-же обратится онъ изъ человѣка въ органичный штифтикъ, или въ родъ того; потому, что-же такое человѣкъ безъ желаній, безъ воли и безъ хотѣній какъ не штифтикъ въ органичномъ валѣ? Какъ вы думаете? сосчитаемъ вѣроятности, — можетъ это случиться или нѣтъ?

— Гм... рѣшаете вы, наши хотѣнья большею частію бываютъ ошибочны отъ ошибочнаго взгляда на наши выгоды. Мы потому и хотимъ иногда чистаго вздору, что въ этомъ вздорѣ видимъ, по глупости нашей, легчайшую дорогу къ достиженію какой-нибудь заранѣ предположенной выгоды. Ну, а когда все это будетъ растолковано, расчислено на бумажкѣ (что очень возможно, потому что гнусно-же и бессмысленно заранѣ вѣрить, что иныхъ законовъ природы человѣкъ никогда не узнаетъ) — то тогда, разумѣется, не будетъ такъ называемыхъ желаній. Вѣдь если хотѣнье стакнется когда-нибудь совершенно съ разсудкомъ, такъ вѣдь ужъ мы будемъ тогда разсуждать, а не хотѣть, собственно потому, что вѣдь нельзя-же, напримѣръ, сохраняя разсудокъ,

хотѣть безсмыслицы, и такимъ образомъ зазнамо идти противъ разсудка и желать себѣ вреднаго.... А такъ-какъ всѣ хотѣнья и разсужденія могутъ быть дѣйствительно вычислены, потомучто когда-нибудь откроютъ-же законы такъ называемой нашей свободной воли, то стало-быть и кромѣ шутокъ можетъ устроиться что-нибудь въ родѣ таблички, такъ что мы и дѣйствительно хотѣть будемъ по этой табличкѣ. Вѣдь если мнѣ, напримѣръ, когда-нибудь расчислятъ и докажутъ, что если я покажаль такому-то кукишъ, такъ именно потому, что не могъ не показать и что непременно такимъ-то пальцемъ долженъ былъ его показать, такъ что-же тогда во мнѣ *свободнаго-то* останется, особенно если я ученый и гдѣ-нибудь курсъ наукъ кончилъ? Вѣдь я тогда впередъ всю мою жизнь на тридцать лѣтъ расчитать могу; однимъ словомъ, если и устроится это, такъ вѣдь намъ ужъ нечего будетъ дѣлать; все равно надо будетъ принять. Да и вообще мы должны не уставая повторять себѣ, что непременно въ такую-то минуту и въ такихъ-то обстоятельствахъ, природа насъ не спрашивается; что нужно принимать ее такъ какъ она есть, а не такъ какъ мы фантазируемъ, и если мы дѣйствительно стремимся къ табличкѣ и къ календарю, ну, и... ну хоть бы даже и къ ретортѣ, то чтоже дѣлать, надо принять и реторту! не то она сама, безъ васъ примется....

— Да-съ, но вотъ тутъ-то для меня и запятая! Господа, вы меня извините, что я зафилософствовался; тутъ сорокъ лѣтъ подполья! позвольте пофантазировать. Видители-съ: разсудокъ, господа, есть вещь хорошая, это безспорно, но разсудокъ есть только разсудокъ и удовлетворяетъ только разсудочной способности человѣка, а хотѣнье есть проявленіе всей жизни, т. е. всей человѣческой жизни, и съ разсудкомъ и со всѣми почесываніями. И хоть жизнь наша, въ этомъ проявленіи выходитъ зачастую дрянцо, но все таки жизнь, а не одно только извлеченіе квадратнаго корня. Вѣдь я, напримѣръ, совершенно естественно хочу жить для того, чтобъ удовлетворить всей моей способности жить, а не для того, чтобъ удовлетворить одной только моей разсудочной способности, т. е. какой-нибудь одной двадцатой доли всей моей способности жить. Что знаетъ разсудокъ? Разсудокъ знаетъ только то, что успѣлъ узнать, (иного, пожалуй, и никогда не узнаетъ; это хоть и не утѣшеніе, но отчего же этого и не высказать?), а натура человѣческая дѣйствуетъ вся цѣликомъ, всѣмъ, что въ ней есть, сознательно и безсознательно, и хоть вретъ да живетъ. Я подозреваю, господа, что вы смотрите на меня съ сожалѣніемъ; вы повторяете мнѣ, что не можетъ просвѣщенный и развитой человѣкъ, однимъ словомъ такой, какимъ будетъ будущій человѣкъ, зазнамо захотѣть чего-нибудь для себя невыгоднаго, что это математика. Совершенно согласенъ, дѣйствительно математика. Но повторяю вамъ въ сотый разъ, есть одинъ только случай, только одинъ, когда человѣкъ можетъ нарочно, сознательно пожелать себѣ даже вреднаго, глупаго, даже глупѣйшаго, а именно: чтобъ *имѣть право* пожелать себѣ даже и глупѣйшаго и не быть связаннымъ обязанностью желать себѣ одного только умнаго. Вѣдь это глупѣйшее, вѣдь это свой капризь, и въ самомъ дѣлѣ, господа, можетъ быть всего выгоднѣе для нашего брата изъ всего что есть на землѣ, особенно въ иныхъ случаяхъ. А въ частности можетъ быть выгоднѣе всѣхъ выгодъ даже и въ такомъ случаѣ, если приносить намъ явный вредъ и противурѣчить самымъ здравымъ заключеніямъ нашего разсудка о выгодахъ, — потомучто во всякомъ случаѣ сохраняетъ намъ самое главное и самое дорогое, т. е. нашу личность и нашу индивидуальность. Иные-вотъ утверждаютъ, что это и въ самомъ дѣлѣ всего для человѣка дороже; хотѣнье конечно можетъ, если хочеть, и сходиться съ разсудкомъ, особенно если не злоупотреблять этимъ, а пользоваться умѣренно; это и полезно и даже иногда похвально. Но хотѣнье очень часто и даже большею частію совершенно и упрямо разногласить съ разсудкомъ и... и... и знаете-ли, что и это полезно и даже иногда очень похвально? Господа, положимъ что человѣкъ не глупъ. (Дѣйствительно вѣдь никакъ нельзя этого сказать про него, хоть-бы потому одному, что если ужъ онъ будетъ глупъ, такъ вѣдь кто же тогда будетъ уменъ?) Но если и не глупъ, то все-таки, — чудовищно неблаго-

дарень! Неблагодарень феноменально. Я даже думаю, что самое лучшее определение человека, это: существо на двух ногах и неблагодарное. Но это еще не все; это еще не главный недостаток его; главнейший недостаток его — это постоянное неблаговраие, постоянное, начиная со всемирнаго потопа до Шлезвигъ-гольштейнскаго периода судебъ человеческихъ. Неблаговраие, а слѣдственно и неблагоразуміе; ибо давно извѣстно, что неблагоразуміе неиначе происходитъ какъ отъ неблаговраіа. Попробуйте-же, бросьте взглядъ на исторію человечества; ну, что вы увидите? Величественно? Пожалуй хоть и величественно; ужь одинъ Колосъ Родосскій, напрімѣръ, чего стоитъ! Не даромъ же г. Анаевскій свидѣтельствуеть о немъ, что одни говорятъ будто онъ есть произведеніе рукъ человеческихъ; другіе же утверждаютъ, что онъ созданъ самою природою. — Пестро? пожалуй хоть и пестро; разобрать только во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ одни парадные мундиры на военныхъ и статскихъ, — ужь одно это чего стоитъ, а съ виц-мундирами и совсѣмъ можно ногу сломать; ни одинъ историкъ не устоитъ. Однообразно? Ну пожалуй и однообразно: дерутся да дерутся, и теперь дерутся и прежде дрались и послѣ дрались, — согласитесь, что это даже ужь слишкомъ однообразно. Однимъ словомъ все можно сказать о всемирной исторіи, все что только самому разстроенному воображенію въ голову можетъ прійти. Одного только нельзя сказать, — что благоразумно. На первомъ словѣ поперхнетесь. И даже вотъ какая тутъ штука поминутно встрѣчается: постоянно вѣдь являются въ жизни такіе благовраивные и благоразумные люди, такіе мудрецы и любители рода человеческого, которые именно задаютъ себѣ цѣлью всю жизнь вести себя какъ можно благовраивнѣе и благоразумнѣе, такъ сказать свѣтить собой ближнимъ, собственно для того, чтобъ доказать имъ, что дѣйствительно можно на свѣтѣ прожить и благовраивно и благоразумно. И чтожъ? Извѣстно, многіе изъ этихъ любителей рано-ли, поздно-ли, подъ конецъ жизни измѣняли себѣ, произведя какой нибудь анекдотъ, иногда даже изъ самыхъ неприличнѣйшихъ. Теперь васъ спрошу: чего-же можно ожидать отъ человека, какъ отъ существа, одареннаго такими странными качествами? Да осыпьте его всеми земными благами, утопите въ счастье совсѣмъ съ головою, такъ чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, какъ на водѣ; дайте ему такое экономическое довольство, чтобъ ему совсѣмъ ужь ничего больше не оставалось дѣлать кромѣ какъ спать, кушать пряники и хлопотать о непрекращеніи всемирной исторіи, — такъ онъ вамъ и тутъ человекъ-то, и тутъ, изъ одной неблагодарности, изъ одного пашквиля мерзость сдѣлаеть. Рискнетъ даже пряниками и нарочно пожелаетъ самого пагубнаго вздора, самой неэкономической безсмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благоразумію, примѣшать свой пагубный фантастическій элементъ. Именно свои фантастическія мечты, свою пошлѣйшую глупость пожелаетъ удержать за собой, единственно для того, чтобъ самому себѣ подтвердить (точно это такъ ужь очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепьянныя клавиши, на которыхъ хоть и играютъ сами законы природы, собственноручно, но грозятъ до того доиграться, что ужь мимо календаря и захотѣтъ ничего нельзя будетъ. Да вѣдь мало того: даже въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно-бы оказался фортепьянной клавишей, еслибъ это доказать ему даже естественными науками и математически, такъ и тутъ необразумится, а нарочно напротивъ что-нибудь сдѣлаеть, единственно изъ одной неблагодарности; собственно чтобъ настоять на своемъ. А въ томъ случаѣ если средствъ у него не окажется, — выдумаетъ разрушеніе и хаосъ, выдумаетъ разныя страданія и настоить-таки на своемъ! Проклятіе пустить по свѣту, а такъ-какъ проклинать можетъ только одинъ человекъ (это ужь его привилегія, главнѣйшимъ образомъ отличающая его отъ другихъ животныхъ) такъ вѣдь онъ пожалуй однимъ проклятіемъ достигнетъ своего, т. е. дѣйствительно убѣдится, что онъ человекъ, а не фортепьянная клавиша! Если вы скажете, что и это все можно разсчитать по табличкѣ, и хаосъ, и мракъ, и проклятіе, такъ что ужь одна возможность предварительнаго разсчета все

остановить и разсудокъ возьметъ свое, — такъ человѣкъ нарочно сумасшедшимъ на этотъ случай сдѣлается, чтобъ не имѣть разсудка и настоять на своемъ! Я вѣрю въ это, я отвѣчаю за это, потому что вѣдь все дѣло-то человѣческое кажется и дѣйствительно въ томъ только и состоитъ, чтобъ человѣкъ поминутно доказывалъ себѣ, что онъ человѣкъ, а не штифттикъ! хотъ своими боками да доказывалъ; хотъ троглодитствомъ да доказывалъ. А послѣ этого какъ не согрѣшить не похвалить, что этого еще нѣтъ и что хотѣнье покамѣсть еще чортъ знаетъ отъ чего зависить....

Вы кричите мнѣ (если только еще удостоите меня вашимъ крикомъ), что вѣдь тутъ никто съ меня воли не снимаетъ; что тутъ только и хлопчуть какъ нибудь такъ устроить, чтобъ воля моя сама, своей собственной волей, совпадала съ моими нормальными интересами, съ законами природы и съ арифметикой.

— Эхъ, господа, какая ужъ тутъ своя воля будетъ, когда дѣло доходить до таблички и до арифметики, когда будетъ одно только дважды-два-четыре въ ходу? Дважды-два и безъ моей воли четыре будетъ. Такая-ли своя воля бываетъ!

IX.

Господа, я конечно шучу, и самъ знаю, что неудачно шучу, но вѣдь и нельзя-же все принимать за шутку. Я можетъ быть скрыпя зубами шучу. Господа, меня мучать вопросы; разрѣшите ихъ мнѣ. Вотъ вы, наприимѣрь, человѣка отъ старыхъ привычекъ хотите отучить и волю его исправить, сообразно съ требованіями науки и здраваго смысла. Но почему вы знаете, что человѣка не только можно, но и *нужно* такъ передѣлывать? изъ чего вы заключаете, что хотѣнью человѣческому такъ необходимо *надо* исправиться? Однимъ словомъ, почему вы знаете, что такое исправленіе дѣйствительно принесетъ человѣку выгоду? И, если ужъ все говорить, почему вы такъ *навѣрно* убѣждены, что не идти противъ настоящихъ, нормальныхъ выгодъ, гарантированныхъ доводами разума и арифметикой, дѣйствительно для человѣка всегда выгодно и есть законъ для всего человѣчества? Вѣдь это покамѣсть еще только одно ваше предположеніе. Положимъ, что это законъ логики, но можетъ быть вовсе не человѣчества. Вы можетъ быть думаете, господа, что я сумасшедшій? Позвольте оговориться. Я согласенъ: человѣкъ есть животное, по преимуществу созидающее, присужденное стремиться къ цѣли сознательно и заниматься инженернымъ искусствомъ, т. е. вѣчно и непрерывно дорогу себѣ прокладывать хотя *куда-бы то ни было*. Но вотъ именно потому-то, можетъ быть, ему и хочется иногда вильнуть въ сторону, что онъ *присужденъ* пробивать эту дорогу, да еще пожалуй потому, что какъ ни глупъ непосредственный дѣятель вообще, но все-таки ему иногда приходитъ на мысль, что дорога-то, оказывается, почти всегда идетъ *куда-бы то ни было*, и что главное дѣло не въ томъ куда она идетъ, а въ томъ, чтобъ она только шла, и чтобъ благонравное дитя, пренебрегая инженернымъ искусствомъ, не предавалось губительной праздности, которая, какъ извѣстно, есть мать всѣхъ пороковъ. Человѣкъ любить созидать и дороги прокладывать, это безспорно. Но отчего же онъ до страсти любить тоже разрушеніе и хаосъ? Вотъ это скажите-ка! Но объ этомъ мнѣ самому хочется заявить два слова особо. Не потому-ли, можетъ быть, онъ такъ любить разрушеніе и хаосъ (вѣдь это безспорно, что онъ иногда очень любить, это ужъ такъ), что самъ инстинктивно боится достигнуть цѣли и довершить созидаемое зданіе? Почему вы знаете, можетъ-быть онъ зданіе-то любить только издали, а отнюдь не вблизи; можетъ-быть онъ только любить созидать его, а не жить въ немъ, представляя его потомъ аих *animaux domestiques*, какъ-то муравьямъ, баранамъ и проч. и проч. Вотъ муравьи совершенно другого вкуса. У нихъ есть одно удивительное зданіе въ этомъ-же родѣ навѣки нерушимое, — муравейникъ.

Съ муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейникомъ навѣрно и кончатъ, что приносить большую честь ихъ постоянству и положительности. Но человѣкъ существо легкомысленное и неблаговидное и, можетъ быть, подобно шахматному игроку, любить только одинъ процессъ достиженія цѣли, а не самую цѣль. И, кто знаетъ, (поручиться нельзя), можетъ быть, что и вся-то цѣль на землѣ, къ которой человѣчество стремится, только и заключается въ одной этой непрерывности процесса достиженія, иначе сказать — въ самой жизни, а не собственно въ цѣли, которая, разумѣется, должна быть не иное-что какъ дважды два четыре, т. е. формула, а вѣдь дважды-два-четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. По крайней мѣрѣ человѣкъ всегда какъ-то боялся этого дважды-два четыре, а я и теперь боюсь. Положимъ человѣкъ только и дѣлаетъ, что отыскиваетъ эти дважды-два-четыре, океаны переплываетъ, жизнью жертвуетъ въ этомъ отыскиваніи, но отыскать, дѣйствительно найти, — ей богу какъ-то боится. Вѣдь онъ чувствуетъ, что какъ найдетъ, такъ ужъ нечего будетъ тогда отыскивать. Работники кончивъ работу, по крайней мѣрѣ деньги получать, въ кабачокъ пойдутъ, потомъ въ часть попадутъ — ну вотъ и занятія на недѣлю. А человѣкъ куда пойдетъ? По крайней мѣрѣ, каждый разъ замѣчается въ немъ что-то неловкое при достиженіи подобныхъ цѣлей. Достиженіе онъ любитъ, а достигнуть ужъ и не совсѣмъ, и это конечно ужасно смѣшно. Однимъ словомъ, человѣкъ устроенъ комически; во всемъ этомъ очевидно заключается каламбуръ. Но дважды-два-четыре, — все-таки вещь пренесносная. Дважды-два-четыре, вѣдь это по моему мнѣнію, только нахальство-сь. Дважды-два-четыре смотритъ фертомъ, стоитъ поперегъ вашей дороги руки въ боки и плюется. Я согласенъ, что дважды-два-четыре превосходная вещь; но если ужъ все хвалить, то и дважды-два-пять премилая иногда вещица.

И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное, — однимъ словомъ — только одно благоденствіе человѣку выгодно? Не ошибается-ли разумъ-то въ выгодахъ? Вѣдь можетъ быть человѣкъ любить не одно благоденствіе? Можетъ быть онъ ровно настолько-же любить страданіе? Можетъ быть страданіе-то ему ровно настолько-же и выгодно какъ благоденствіе? А человѣкъ иногда ужасно любить страданіе, до страсти, и это фактъ. Тутъ ужъ и со всемірной исторіей справляться нечего; спросите себя самого, если только вы человѣкъ и хоть сколько-нибудь жили. Что-же касается до моего личнаго мнѣнія, то любить только одно благоденствіе, даже какъ-то и неприлично. Хорошо-ли, дурно-ли, — но разломать иногда чтонибудь тоже очень пріятно. Я вѣдь тутъ собственно не за страданіе стою, да и не за благоденствіе. Стою я... за свой капризь, и за то, чтобъ онъ былъ мнѣ гарантированъ, когда понадобится. Страданіе, напримѣръ, въ водевиляхъ не допускается, я это знаю. Въ хрустальномъ дворцѣ оно и не мыслимо: страданіе есть сомнѣніе, есть отрицаніе, а что за хрустальный дворецъ, въ которомъ можно усумниться? А между тѣмъ, я увѣренъ, что человѣкъ отъ настоящаго страданія, т. е. отъ разрушенія и хаоса, никогда не откажется. Страданіе, — да вѣдь это единственная причина сознанія. Я хоть и доложилъ вначалѣ, что сознаніе по моему есть величайшее для человѣка несчастіе, но я знаю, что человѣкъ его любить и не промѣняетъ ни на какія удовлетворенія. Сознаніе, напримѣръ, безконечно выше чѣмъ дважды-два. Послѣ дважды-двухъ ужъ разумѣется ничего не останется, не только дѣлать, но даже и узнавать. Все, что тогда можно будетъ, это — заткнуть свои пять чувствъ и погрузиться въ созерцаніе. Ну, а при сознаніи, хоть и тотъ-же результатъ выходитъ, т. е. тоже будетъ нечего дѣлать, но по крайней мѣрѣ самого себя иногда можно посѣчь, а это все-таки подживляетъ. Хоть и ретроградно, а все же лучше, чѣмъ ничего.

Х.

Вы вѣрите въ хрустальное зданіе, навѣки нерушимое, т. е. въ такое, которому нельзя будетъ ни языка украдкой выставить, ни кукиша въ карманѣ показать. Ну, а я можетъ быть потому-то и боюсь этого зданія, что оно хрустальное и навѣки нерушимое, и что нельзя будетъ даже и украдкой языка ему выставить.

Вотъ видите-ли: если вмѣсто дворца будетъ курятникъ и пойдетъ дождь, я можетъ быть и влѣзу въ курятникъ, чтобъ не замочиться, но все-таки курятника не приму за дворець, изъ благодарности что онъ меня отъ дождя сохранилъ. Вы смѣтаетесь, вы даже говорите, что въ этомъ случаѣ курятникъ и хоромы — все равно. Да, отвѣчаю я, еслибъ надо было жить только для того, чтобъ не замочиться.

Но что же дѣлать, если я забралъ себѣ въ голову, что живутъ и не для одного этого и что если ужъ жить, такъ ужъ жить въ хоромахъ. Это мое хотѣніе, это желаніе мое. Вы его выскоблите изъ меня только тогда, когда перемѣните желанія мои. Ну, перемѣните, прельстите меня другимъ, дайте мнѣ другой идеаль. А покамѣстъ я ужъ не приму курятника за дворець. Пусть даже такъ будетъ, что хрустальное зданіе есть пуфъ, что по законамъ природы его и не полагается, и что я выдумалъ его только вслѣдствіе моей собственной глупости, вслѣдствіе нѣкоторыхъ старинныхъ, нераціональныхъ привычекъ нашего поколѣнія. Но какое мнѣ дѣло, что его не полагается. Не все-ли равно, если онъ существуетъ въ моихъ желаніяхъ, или, лучше сказать, существуетъ пока существуютъ мои желанія? Можетъ-быть вы опять смѣтаетесь? Извольте смѣяться; я всѣ насмѣшки приму и все-таки не скажу что я сытъ, когда я ѣсть хочу; все-таки знаю, что я не успокоюсь на компромиссѣ, на безпрерывномъ періодическомъ нулѣ, потому только, что онъ существуетъ по законамъ природы и существуетъ *дѣйствительно*. Я не приму за вѣнецъ желаній моихъ — капитальный домъ, съ квартирами для бѣдныхъ жильцовъ по контракту на тысячу лѣтъ и, на всякой случай, съ зубнымъ врачомъ Вагенгеймомъ на вывѣскѣ. Уничтожьте мои желанія, сотрите мои идеалы, покажите мнѣ что нибудь лучше, и я за вами пойду. Вы, пожалуй, скажете, что не стоитъ и связываться; но въ такомъ случаѣ вѣдь и я вамъ могу тѣмъ-же отвѣтить. Мы разсуждаемъ серьезно; а не хотите меня удостоить вашимъ вниманіемъ, такъ вѣдь кланяться не буду. У меня есть подполье.

А покамѣстъ я еще живу и желаю, — да отсохни у меня рука, коль я хоть одинъ кирпичекъ на такой капитальный домъ принесу! Не смотрите на то, что я давеча самъ хрустальное зданіе отвергъ, единственно по той причинѣ, что его нельзя будетъ языкомъ подразнить. Я это говорилъ вовсе не потому, что ужъ такъ люблю мой языкъ выставлять. Я можетъ быть на то только и сердился, что такого зданія, которому бы можно было и не выставять языка, изъ всѣхъ вашихъ зданій до сихъ поръ не находится. Напротивъ я бы далъ себѣ совсѣмъ отрѣзать языкъ, изъ одной благодарности, еслибъ только устроилось такъ, чтобъ мнѣ самому уже болѣе никогда не хотѣлось его высовывать. Какое мнѣ дѣло до того, что такъ невозможно устроить и что надо довольствоваться квартирами. Зачѣмъ-же я устроень съ такими желаніями? Неужели-жъ я для того только и устроень, чтобъ дойти до заключенія, что все мое устройство одно надуваніе? Неужели въ этомъ вся цѣль? Не вѣрю.

А впрочемъ знаете что: я убѣжденъ, что нашего брата подпольнаго нужно въ уздѣ держать. Онъ хотъ и способенъ молча въ подпольѣ сорокъ лѣтъ просидѣть, но ужъ коль выйдетъ на свѣтъ, да прорвется, такъ ужъ говорить, говорить, говорить...

ХІ.

Конецъ концовъ, господа: лучше ничего недѣлать! Лучше сознательная инерція! И такъ да здравствуетъ подполье! Я хоть и сказала, что завидую нормальному человѣку до послѣдней жолчи; но на такихъ условіяхъ въ какихъ я вижу его, не хочу имъ быть (хотя все-таки не перестану ему завидовать. Нѣтъ, нѣтъ, подполье во всякомъ случаѣ выгоднѣе)! Тамъ по крайней мѣрѣ можно... Эхъ! да вѣдь я и тутъ вру! Вру, потому что самъ знаю, какъ дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсѣмъ другое, котораго я жажду, но котораго никакъ не найду! Къ чорту подполье!

Даже вотъ что тутъ было бы лучше: это — еслибъ я вѣрилъ самъ, хоть чемунибудь изъ всего того что теперь написалъ. Клянусь-же вамъ, господа, что я ни одному, ни одному-таки словечку не вѣрю изъ того что теперь настрочилъ! То есть я и вѣрю, пожалуй, но въ тоже самое время неизвѣстно почему чувствую и подозреваю, что я вру какъ сапожникъ.

— Такъ для чего-же писали все это? — говорите вы мнѣ. — А вотъ посадилъ-бы я васъ лѣтъ на сорокъ безо всякаго занятія, да и пришло-бы къ вамъ черезъ сорокъ лѣтъ, въ подполье, навѣдаться до чего вы дошли? Развѣ можно человѣка безъ дѣла на сорокъ лѣтъ одного оставлять?

«И это не стыдно, и это не унижительно!» можетъ быть скажете вы мнѣ, презрительно покачивая головами. «Вы жаждете жизни и сами разрѣшаете жизненные вопросы логической путаницей. И какъ назойливы, какъ дерзки ваши выходки и въ тоже время какъ вы боитесь! Вы говорите вздоръ и довольны имъ; вы говорите дерзости, а сами непрерывно боитесь за нихъ и просите извиненія. Вы увѣряете, что ничего не боитесь и въ тоже время въ нашемъ мнѣніи заискиваете. Вы увѣряете, что скрежете зубами и въ тоже время острите, чтобъ насъ размѣшить. Вы знаете, что острооты ваши неостроумны, но вы очевидно очень довольны ихъ литературнымъ достоинствомъ. Вамъ можетъ быть дѣйствительно случалось страдать, но вы нисколько не уважаете своего страданія. Въ васъ есть и правда, но въ васъ нѣтъ цѣломудрія; вы изъ самага мелкаго тщеславія несете вашу правду на показъ, на позоръ, на рынокъ... Вы дѣйствительно хотите что-то сказать, но изъ боязни прячете ваше послѣднее слово, потому что у васъ нѣтъ рѣшимости его высказать, а только трусливое нахальство. Вы хвалитесь сознаниемъ, но вы только колеблетесь, потому что хоть умъ у васъ и работаетъ, но сердце ваше развратомъ помрачено, а безъ чистаго сердца — полнаго правильного сознанія не будетъ. И сколько въ васъ назойливости, какъ вы спрашиваетесь, какъ вы кривляетесь! Ложь, ложь и ложь!»

Разумѣется всѣ эти ваши слова я самъ теперь сочинилъ. Это тоже изъ подполья. Я тамъ сорокъ лѣтъ сряду къ этимъ вашимъ словамъ въ щелочку прислушивался. Я ихъ самъ выдумалъ, вѣдь только это и выдумывалось. Не мудрено, что наизусть заучилось и литературную форму приняло... Но неужели, неужели вы и въ самомъ дѣлѣ до того легковѣрны, что воображаете, будто я это все напечатаю, да еще вамъ дамъ читать? И вотъ еще для меня задача: для чего, въ самомъ дѣлѣ, называю я васъ «господами», для чего обращаюсь къ вамъ какъ будто и вправду къ читателямъ? Такихъ признаній, какія я намѣренъ начать излагать, не печатаютъ и другимъ читать не даютъ. По крайней мѣрѣ я на столько твердости въ себѣ не имѣю, да и нужнымъ не считаю имѣть. Но видите-ли: мнѣ въ голову пришла одна фантазія и я во что бы ни стало ее хочу осуществить. Вотъ въ чемъ дѣло.

Есть въ воспоминаніяхъ всякаго человѣка такіе вещи, которыя онъ открываетъ не всѣмъ, а развѣ только друзьямъ. Есть и такія, которыя онъ и друзьямъ не откроетъ, а развѣ только себѣ самому, да и то подъ секретомъ. Но есть, наконецъ, и такія, которыя даже и себѣ человѣкъ открывать боится и такихъ вещей у всякаго порядочнаго человѣка

довольно-таки накопится. То есть даже такъ: чѣмъ болѣе онъ порядочный человѣкъ, тѣмъ болѣе у него ихъ и есть. По крайней мѣрѣ я самъ только недавно рѣшился припомнить инья мои прежнія приключенія, а до сихъ поръ всегда обходилъ ихъ, даже съ какимъ-то безпокойствомъ. Теперь же, когда я не только припоминаю, но даже рѣшился записывать, теперь я именно хочу испытать: можно ли хоть съ самимъ собой совершенно быть откровеннымъ и не побояться всей правды? Замѣчу кстати: Гейне утверждаетъ, что вѣрныя автобіографіи почти невозможны и что человѣкъ, самъ объ себѣ навѣрно налжотъ. По его мнѣнію, Руссо, на примѣръ, непременно налгалъ на себя въ своей исповѣди, и даже умышленно налгалъ, изъ тщеславія. Я увѣренъ, что Гейне правъ; я очень хорошо понимаю какъ иногда можно единственно изъ одного тщеславія наклепать на себя цѣлыя преступленія и даже очень хорошо постигаю какого рода можетъ быть это тщеславіе. Но Гейне судилъ о человѣкѣ, исповѣдывавшемся передъ публикой. Я же пишу для одного себя и разъ навсегда объявляю, что если я и пишу какъ-бы обращаясь къ читателямъ, то единственно только для показу, потому что такъ мнѣ легче писать. Тутъ форма, одна пустая форма, читателей же у меня никогда не будетъ. Я уже объявилъ это...

Я ничѣмъ не хочу стѣсняться въ редакціи моихъ записокъ. Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу.

Ну вотъ, на примѣръ: могли-бы придратъся къ слову и спросить меня: если вы дѣйствительно не рассчитываете на читателей, то для чего-же вы теперь дѣлаете съ самимъ собой, да еще на бумагѣ, такіе уговоры, т. е., что порядка и системы заводить не будете, что запишите то, что припомнится и т. д. и т. д.? Кчему вы объясняетесь? Кчему извиняетесь?

А вотъ подите-же, отвѣчаю я. Тутъ впрочемъ цѣлая психологія. Можетъ быть и то, что я просто трусь. А можетъ быть и то, что я нарочно воображаю передъ собой публику, чтобъ вести себя приличнѣе, въ то время когда буду записывать. Причинъ можетъ быть тысяча.

Но вотъ что еще: для чего, зачѣмъ собственно я хочу писать? Если не для публики, такъ вѣдь можно-бы и такъ, мысленно все припомнить, не переводя на бумагу?

Такъ-съ; но на бумагѣ оно выйдетъ какъ-то торжественнѣе. Въ этомъ есть что-то внушающее, суда больше надъ собой будетъ, слогу прибавится. Кромѣ того: можетъ быть я отъ записыванія дѣйствительно получу облегченіе. Вотъ нынче, на примѣръ, меня особенно давитъ одно давнишнее воспоминаніе. Припомнилось оно мнѣ ясно еще на дняхъ и съ тѣхъ поръ осталось со мною, какъ досадный музыкальный мотивъ, который не хочетъ отвязаться. А между тѣмъ надобно отъ него отвязаться. Такихъ воспоминаній у меня сотни; но по временамъ, изъ сотни, выдается одно какое-нибудь и давитъ. Я почему-то вѣрю, что если я его запишу, то оно и отвязется. Отчего-жъ не испробовать?

Наконецъ: мнѣ скучно, а я постоянно ничего не дѣлаю. Записыванье же дѣйствительно какъ-будто работа. Говорятъ отъ работы человѣкъ добрымъ и честнымъ дѣлается. Ну вотъ шансъ по крайнѣй мѣрѣ.

Нынче идетъ снѣгъ, почти мокрый, желтый, мутный. Вчера шолъ тоже, на дняхъ тоже шолъ. Мнѣ кажется я по поводу мокраго снѣга и припомнилъ тотъ анекдотъ, который не хочетъ теперь отъ меня отвязаться. И такъ пусть это будетъ повѣсть по поводу мокраго снѣга.

II. ПОВѢСТЬ по поводу мокраго снѣга.

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу падшую извлекъ,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;
Когда забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, что было до меня,
И вдругъ, закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена...
И т. д. и т. д. и т. д.

Изъ поэзіи Н. А. Некрасова.

I.

Въ то время мнѣ было всего двадцать четыре года. Жизнь моя была ужъ и тогда угрюмая, безпорядочная и до одичалости одинокая. Я ни съ кѣмъ не водился и даже избѣгалъ говорить и все болѣе и болѣе забивался въ свой уголь. Въ должности, въ канцеляріи, я даже старался не глядѣть ни на кого, и я очень хорошо замѣчалъ, что сослуживцы мои не только считали меня чудачкомъ, но — все казалось мнѣ и это — будто бы смотрѣли на меня съ какимъ-то омерзениемъ. Мнѣ приходило въ голову: отчего это никому кромѣ меня не кажется, что смотрятъ на него съ омерзениемъ? У одного изъ нашихъ канцелярскихъ было отвратительное и прерябое лицо, и даже какъ будто разбойничье. Я бы кажется и взглянуть ни на кого не посмѣлъ съ такимъ неприличнымъ лицомъ. У другого вицмундиръ былъ до того заношенный, что близъ него уже дурно пахло. А между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ господъ не конфузился, — ни по поводу платья, ни по поводу лица, ни какъ-нибудь тамъ нравственно. Ни тотъ ни другой не воображали, что смотрятъ на нихъ съ омерзениемъ; да еслибъ и воображали, такъ имъ было-бы все равно, только-бы не начальство взирать изволило. Теперь мнѣ совершенно ясно, что я самъ, вслѣдствіе неограниченнаго моего тщеславія, а стало быть и требовательности къ самому себѣ, глядѣлъ на себя весьма часто съ бѣшеннымъ недовольствомъ, доходившимъ до омерзения, а оттого, мысленно, и приписывалъ мой взглядъ каждому. — Я, напрімѣръ, ненавидѣлъ мое лицо, находилъ, что оно гнусно и даже подозрѣвалъ, что въ немъ есть какое-то подлое выраженіе, и потому каждый разъ, являясь въ должность, мучительно старался держать себя какъ можно независимѣе, чтобъ не заподозрѣли меня въ подлости, а лицомъ выражать какъ можно болѣе благородства. «Пусть ужъ будетъ и не красивое лицо, думалъ я, но за то пусть будетъ оно благородное, выразительное и, главное, *чрезвычайно* умное.» Но я навѣрно и страдальчески зналъ, что всѣхъ этихъ совершенствъ мнѣ никогда моимъ лицомъ не выразить. Но, что всего ужаснѣе, я находилъ его положительно глупымъ. А я-бы вполнѣ помирился на умъ. Даже такъ, что согласился бы даже и на подлое выраженіе, съ тѣмъ только, чтобъ лицо мое находили въ то же время ужасно умнымъ.

Всѣхъ нашихъ канцелярскихъ я, разумѣется, ненавидѣлъ, съ перваго до послѣдняго, и всѣхъ презиралъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-будто ихъ и боялся. Случалось, что я вдругъ даже ставилъ ихъ выше себя. У меня какъ-то это вдругъ тогда дѣлалось: то презираю, то ставлю выше себя. Развитой и порядочный человекъ не можетъ быть тщеславенъ безъ неограниченной требовательности къ себѣ самому и не презирая себя въ инныя минуты до ненависти. Но презирая-ли, ставя-ли выше, я чуть не передъ каждымъ встрѣчнымъ опускалъ глаза. Я даже опыты дѣлалъ: стерплю-ли я взглядъ вотъ хоть такого-то на себѣ и всегда опускалъ я первый. Это меня мучило до бѣшенства. До болѣзни тоже боялся я быть смѣшнымъ и потому рабски обожалъ рутину во всемъ, что касалось наружнаго; съ любовью вдавался въ общую колею и всей душою пугался въ себѣ всякой эксцентричности. Но гдѣ мнѣ было выдержать? Я былъ болѣзненно развитъ, какъ и слѣдуетъ быть развитымъ человекъ нашего времени. Они-же всѣ были тупы и одинъ на другого похожи, какъ бараны въ стадѣ. Можетъ-быть только мнѣ одному, во всей канцеляріи, постоянно казалось, что я былъ трусъ и рабъ; именно потому и казалось, что я былъ развитъ. Но оно не только казалось, а и дѣйствительно такъ было въ самомъ дѣлѣ: я былъ трусъ и рабъ. Говорю это безъ всякаго конфуза. Всякой порядочный человекъ нашего времени есть и долженъ быть трусъ и рабъ. Это — нормальное его состояніе. Въ этомъ я убѣжденъ глубоко. Онъ такъ сдѣланъ и на то устроенъ. И не въ настоящее время, отъ какихъ нибудь тамъ случайныхъ обстоятельствъ, а вообще во всѣ времена, порядочный человекъ долженъ быть трусъ и рабъ. Это законъ природы всѣхъ порядочныхъ людей на землѣ. Если и случится кому изъ нихъ похрабриться надъ чѣмъ нибудь, то пусть этимъ не утѣшается и не увлекается: все равно передъ другимъ сбрендить. Таковъ единственный и вѣковѣчный выходъ. Храбрятся только ослы и ихъ ублюдки, но вѣдь и тѣ до извѣстной стѣны. На нихъ и вниманія обращать не стоитъ, потомучто они ровно ничего не означаютъ.

Мучило меня тогда еще одно обстоятельство: именно, что на меня никто не похожъ и я ни на кого не похожъ. «Я-то одинъ, а они-то *всѣ*», думалъ я, и — задумывался.

Изъ этого видно, что я былъ еще совсѣмъ мальчишка.

Случались и противоположности. Вѣдь ужъ какъ иногда гадко становилось ходить въ канцелярію: доходило до того, что я много разъ со службы возвращался больной. Но вдругъ, ни съ того ни съ сего, наступаетъ полоса скептицизма и равнодушія (у меня все было полосами), и вотъ я-же самъ смѣюсь надъ моею нетерпимостью и брезгливостью, самъ себя въ *романтизмъ* упрекаю. То и говорить ни съ кѣмъ не хочу, а то до того дойду, что не только разговариваю, но еще вздумаю съ ними сойтись по-приятельски. Вся брезгливость вдругъ разомъ ни съ того ни съ сего исчезала. Кто знаетъ, можетъ быть ее у меня никогда и не было, а была она напускная изъ книжекъ? Я до сихъ поръ этого вопроса еще не разрѣшилъ. Разъ даже совсѣмъ подружился съ ними, сталъ ихъ дома посѣщать, въ преферансъ играть, водку пить, о производствѣ толковать... Но здѣсь позвольте мнѣ сдѣлать одно отступленіе.

У насъ русскихъ, вообще говоря, никогда не бывало глупыхъ надзвѣздныхъ нѣмецкихъ и особенно французскихъ романтиковъ, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, хоть земля подъ ними трещи, хоть погибай вся Франція на барикадахъ, — они все тѣ же, даже для приличія не измѣнятся, и все будутъ пѣть свои надзвѣздныя пѣсни, такъ-сказать по гробъ своей жизни, потомучто они дураки. У насъ-же, въ русской землѣ, нѣтъ дураковъ; это извѣстно; тѣмъ-то мы и отличаемся отъ прочихъ нѣмецкихъ земель. Слѣдственно и надзвѣздныхъ натуръ не водится у насъ въ чистомъ ихъ состояніи. Это все наши «положительные» тогдашніе публицисты и критики, охотясь тогда за Костанжоглами да за дядюшками Петрами Ивановичами, и сдуру принявъ ихъ за нашъ идеалъ, навывдумали на нашихъ романтиковъ, сочтя ихъ за такихъ-же надзвѣздныхъ, какъ въ Германіи или во Франціи. Напротивъ, свойства нашего ро-

мантика совершенно и прямо-противоположны надзвѣдно-европейскому и не одна европейская мѣрочка сюда не подходит. (Ужъ позвольте мнѣ употреблять это слово: «романтикъ» — словечко старинное, почтенное, заслужонное и всѣмъ знакомое.) Свойства нашего романтика, это — все понимать, *все видѣть и видѣть часто несравненно яснѣе, чѣмъ видятъ самые положительнѣйшіе наши умы*; ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не примиряться, но въ тоже время ничѣмъ и не брезгать; все обойти, всему уступить, со всѣми поступить политично; постоянно не терять изъ виду полезную, практическую цѣль (какія нибудь тамъ казенныя квартирки, пенсіончики, звѣздочки) — усматривать эту цѣль черезъ всѣ энтузіазмы и томики лирическихъ стишковъ, и въ тоже время «и прекрасное и высокое» по гробъ своей жизни въ себѣ сохранить нерушимо, да и себя уже кстати вполнѣ сохранить, такъ-таки въ хлопочкахъ, какъ ювелирскую вещицу какою нибудь, хотя-бы напрімѣръ для пользы того-же «прекраснаго и высокаго». Широкой человѣкъ нашъ романтикъ и первѣйшій плутъ изъ всѣхъ нашихъ плутовъ, увѣряю васъ въ томъ... даже по опыту. Разумѣется все это если романтикъ уменъ. То есть, что жъ это я! романтикъ и всегда уменъ, я хотѣлъ только замѣтить, что хоть и бывали у насъ дураки-романтики, но это не въ счетъ и единственно потому, что они еще въ цвѣтѣ силъ окончательно въ нѣмцевъ перерождались, и чтобъ удобнѣе сохранить свою ювелирскую вещицу, поселялись тамъ гдѣ нибудь, больше въ Веймарѣ или въ Шварцвальдѣ. — Я, напрімѣръ, искренно презиралъ свою служебную дѣятельность и не плевался только по необходимости, потому что самъ тамъ сидѣлъ и деньги за то получалъ. Въ результатѣ-же, — замѣтите, все-таки не плевался. Нашъ романтикъ скорѣй сойдетъ съ ума (что впрочемъ очень рѣдко бываетъ), а плеваться не станетъ, если другой карьеры у него въ виду не имѣется, и въ толчки его никогда не выгонять, а развѣ свезутъ въ сумашедшій домъ въ видѣ «испанскаго короля», да и то если ужъ онъ очень съ ума сойдетъ. Но вѣдь сходятъ у насъ съ ума только жиденъкіе и бѣлокуренькіе. Неисчотное-же число романтиковъ — значительныя чины вполсѣдствіи происходятъ. Многосторонность необыкновенная! И какая способность къ самымъ противрѣчивѣйшимъ ощущеніямъ! Я и тогда былъ этимъ утѣшенъ, да и теперь тѣхъ-же мыслей. Оттого-то у насъ такъ и много «широкихъ натуръ», которыя даже при самомъ послѣднемъ паденіи никогда не теряютъ своего идеала; и хоть и пальцемъ не пошевелять для идеала-то, хоть разбойники и воры отъявленные, а все-таки до слезъ свой первоначальный идеалъ уважаютъ и необыкновенно въ душѣ честны. Да-съ, только между нами самый отъявленный подлець можетъ быть совершенно и даже возвышенно честенъ въ душѣ, въ то же время нисколько не переставая быть подлецомъ. Повторяю, вѣдь сплошъ да рядомъ изъ нашихъ романтиковъ выходятъ иногда такія дѣловыя шельмы (слово «шельмы» я употребляю любя), такое чутье дѣйствительности и знаніе положительнаго вдругъ оказываютъ, что изумленное начальство и публика только языкомъ на нихъ въ остолбенѣніи пощолкиваютъ.

Многосторонность поистинѣ изумительная, и Богъ знаетъ во что обратится она и выработается при послѣдующихъ обстоятельствахъ и что судить намъ въ нашемъ дальнѣйшемъ? А не дурень матерьяль-съ! Не изъ патріотизма какого нибудь, смѣшного или квасного, я такъ говорю. Впрочемъ, я увѣренъ, вы опять думаете, что я смѣюсь. А кто знаетъ, можетъ быть и обратно, т. е. увѣрены, что я и въ самомъ дѣлѣ такъ думаю. Во всякомъ случаѣ, господа, оба мнѣнія ваши я буду считать себѣ за честь и за особенное удовольствіе. А отступленіе мое мнѣ простите.

Съ товарищами моими я, разумѣется, дружба не выдерживалъ и очень скоро расплевывался, и, вслѣдствіе еще юной тогдашней неопытности, даже и кланяться имъ переставалъ, точно отрѣзывалъ. Это впрочемъ со мной всего одинъ только разъ и случилось. Вообще-же я всегда былъ одинъ.

Дома я, во первыхъ, всего больше читалъ. Хотѣлось заглушить внѣшними ощущеніями все непрерывно внутри меня накипавшее. А изъ внѣшнихъ ощущеній было

для меня въ возможности только одно чтеніе. Чтеніе конечно много помогало, — волновало, услаждало и мучило. Но по временамъ наскучало ужасно. Все-таки хотѣлось двигаться и я, вдругъ погружался въ темный, подземный гадкой — не развратъ, а развратишка. Страстишки во мнѣ были острыя, жгучія отъ всегдашней, болѣзненной моей раздражительности. Порывы бывали истерическіе, со слезами и конвульсіями. Кромѣ чтенія идти было некуда, — т. е. не было ничего, чтобы могъ я тогда уважать въ моемъ окружающемъ и къ чему-бы потянуло меня. Накипала свѣрхъ того тоска; являлась истерическая жажда противорѣчій, контрастовъ, и вотъ я и пускался развратничать. Я вѣдь вовсе не для оправданія моего сейчасъ столько наговорилъ... А впрочемъ нѣтъ! совралъ! Я именно себя оправдать хотѣлъ. Это я для себя, господа, замѣточку дѣлаю. Не хочу лгать. Слово даль.

Развратничалъ я уединенно, по ночамъ, потаенно, боязливо, грязно, со стыдомъ, неоставлявшимъ меня въ самыя омерзительныя минуты и даже доходившимъ въ такія минуты до проклятія. Я ужъ и тогда носилъ въ душѣ моей подполье. Боялся я ужасно, чтобы меня какъ-нибудь не увидали, не встрѣтили, не узнали. Ходилъ-же я по разнымъ весьма темнымъ мѣстамъ.

Разъ проходя ночью мимо одного трактиришка, я увидѣлъ въ освѣщенное окно какъ господа кіями подрались у билліарда и какъ одного изъ нихъ въ окно спустили. Въ другое время мнѣ бы очень мерзко стало; но тогда такая вдругъ минута нашла, что я этому спущенному господину позавидовалъ, и до того позавидовалъ, что даже въ трактиръ вошелъ, въ билліардную: «авось, дескать, и я подерусь и меня тоже изъ окна спустятъ.»

Я не былъ пьянь, но что прикажете дѣлать — до такой вѣдь истерики можетъ тоска заѣсть! Но ничѣмъ обошлось. Оказалось, что я и въ окно-то прыгнуть не способенъ и я ушелъ не подравшись.

Осадилъ меня тамъ съ перваго-же шагу одинъ офицеръ.

Я стоялъ у билліарда и, по невѣдѣнію, заслонялъ дорогу, а тому надо было пройти; онъ взялъ меня за плечо и молча, — не предупѣдомивъ и не объяснившись, — переставилъ меня съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, на другое, а самъ прошелъ какъ-будто и не замѣтивъ. Я бы даже побои простилъ, но никакъ не могъ простить того, что онъ меня переставилъ и такъ окончательно не замѣтилъ.

Чортъ знаетъ что бы далъ я тогда за настоящую, болѣе правильную ссору, болѣе приличную, болѣе такъ сказать *литературную*! Со мной поступили какъ съ мухой. Былъ этотъ офицеръ вершковъ десяти росту; я же человекъ низенькой и истоцонный. Ссора впрочемъ была въ моихъ рукахъ: стоило попротестовать и конечно меня бы спустили въ окно. Но я раздумалъ и предпочелъ... озлобленно ступшеваться.

Вышелъ я изъ трактира смущенный и взволнованный, прямо домой, а на другой день продолжалъ мой развратикъ еще робче, забитѣе и грустнѣе чѣмъ прежде, какъ будто со слезой на глазахъ, — а все-таки продолжалъ. Не думайте впрочемъ что я струсилъ офицера отъ трусости: я никогда не былъ трусомъ въ душѣ, хотя непрерывно трусилъ на дѣлѣ, но — подождите смѣяться, на это есть объясненіе; у меня на все есть объясненіе, будьте увѣрены.

О, еслибъ этотъ офицеръ былъ изъ тѣхъ, которые соглашались выходить на дуэль! Но нѣтъ, — это былъ именно изъ тѣхъ господъ, (увы! давно исчезнувшихъ) которые предпочитали дѣйствовать кіями или, какъ поручикъ Пироговъ, у Гоголя — по начальству. На дуэль же не выходили, а съ нашимъ братомъ, съ штафиркой считали бы дуэль во всякомъ случаѣ неприличною, — да и вообще считали дуэль чѣмъ-то немислимымъ, вольнодумнымъ, французскимъ, а сами обижали довольно, особенно въ случаѣ десяти вершковъ росту.

Струсилъ я тутъ не изъ трусости, а изъ безграничнѣйшаго тщеславія. Я испугался не десяти вершковъ росту и не того, что меня больно прибьютъ и въ окно спус-

тять; физической храбрости право хватило-бы; но нравственной храбрости не достало. Я испугался того, что меня всѣ присутствующіе, начиная съ нахала маркера, до послѣдняго протухлаго и угреватаго чиновнички, тутъ же увивавшагося, съ воротникомъ изъ сала, — непоймутъ и осмѣютъ, когда я буду протестовать и заговорю съ ними языкомъ литературнымъ. Потомучто о пунктѣ чести, — т. е. не о чести, а о пунктѣ чести (point d'honneur) у насъ до сихъ поръ иначе вѣдь и разговаривать нельзя, какъ языкомъ литературнымъ. На обыкновенномъ языкѣ о «пунктѣ чести» не упоминается. Я вполнѣ былъ увѣренъ (чутье-то дѣйствительности не смотря на весь романтизмъ!) что все они просто лопнуть со смѣха, а офицеръ не просто, т. е. не безобидно прибѣтетъ меня, а непременно колѣнкомъ меня напинаетъ, обведя такимъ манеромъ вокругъ билліарда и потомъ ужъ развѣ смидуется и въ окно спустить. Разумѣется эта мизерная исторія только этимъ однимъ со мной не могла окончиться? Я часто потомъ встрѣчалъ этого офицера на улицѣ и хорошо его запримѣтилъ. Не знаю только узнавалъ-ли онъ меня. Должно быть нѣтъ; заключаю по нѣкоторымъ признакамъ. Но я-то, я, — смотрѣлъ на него со злобою и ненавистью и такъ продолжалось... нѣсколько лѣтъ-съ! Злоба моя даже укрѣплялась и разрасталась съ годами. Сначала я, потихоньку, началъ разузнавать объ этомъ офицерѣ. Трудно мнѣ это было, потомучто я ни съ кѣмъ не былъ знакомъ. Но однажды кто-то окликнулъ его по фамиліи на улицѣ, когда я издали шолъ за нимъ, точно привязанный къ нему, и вотъ я фамилью узналъ. Другой разъ я прослѣдилъ его до самой его квартиры и за гривенникъ узналъ у дворника, гдѣ онъ живетъ, въ какомъ этажѣ, одинъ или съ кѣмъ-нибудь и т. д. — однимъ словомъ все что можно узнать отъ дворника. Разъ поутру, хоть я и никогда не литературствовалъ, мнѣ вдругъ пришла мысль описать этого офицера въ абличительномъ видѣ, въ карикатурѣ, въ видѣ повѣсти. Я съ наслажденіемъ писалъ эту повѣсть. Я абличилъ, даже поклеветалъ; фамилю я такъ поддѣлалъ сначала, что можно было тотчасъ узнать, но потомъ по зрѣломъ разсужденіи, измѣнилъ, и отослалъ въ «Отечественныя Записки.» Но тогда еще не было абличеній и мою повѣсть не напечатали. Мнѣ это было очень досадно. — Иногда злоба меня просто душила. Наконецъ я рѣшился вызвать противника моего на дуэль. Я сочинилъ къ нему прекрасное, привлекательное письмо, умоляя его передо мной извиниться; въ случаѣ-же отказа, довольно твердо намекалъ на дуэль. Письмо было такъ сочинено, было такъ благородно, что еслибъ офицеръ чуть-чуть понималъ «прекрасное и высокое», то непременно бы прибѣжалъ ко мнѣ чтобъ броситься мнѣ на шею и предложить свою дружбу. И какъ бы это было хорошо! Мы бы такъ зажили! такъ зажили! «Онъ-бы защищалъ меня своей сановитостью; я-бы облагораживалъ его своей развитостью, ну и... идеями, и много кой чего-бы могло быть!» Вообразите, что тогда прошло уже два года, какъ онъ меня обидѣлъ, и вызовъ мой былъ безобразнѣйшимъ анахронизмомъ, не смотря на всю ловкость письма моего, объяснявшаго и прикрывавшаго анахронизмъ. Но слава Богу, (до сихъ поръ благодарю Всевышняго за это со слезами) я письма моего не послалъ. Морозъ по кожѣ пробираетъ, какъ вспомню что-бы могло выйти, еслибъ я послалъ. И вдругъ.. и вдругъ я отомстилъ самымъ простѣйшимъ, самымъ геніальнѣйшимъ образомъ! Меня вдругъ осѣнила пресвѣтлая мысль. Иногда, по праздникамъ, я хаживалъ въ четвертомъ часу на Невской и гулялъ по солнечной сторонѣ. То есть я тамъ вовсе не гулялъ, а испытывалъ безчисленныя мученія, униженія и разлитія жолчи; но того-то мнѣ вѣрно и надобно было. Я шмыгалъ какъ вьюнъ, самымъ некрасивымъ образомъ, между прохожими, уступая непрерывно дорогу, то генераламъ, то кавалергардскимъ и гусарскимъ офицерамъ, то барынямъ; я чувствовалъ въ эти минуты конвульсивныя боли въ сердцѣ и жаръ въ спинѣ при одномъ представленіи о мизерѣ моего костюма, о мизерѣ и пошлости моей шмыгающей фигурки. Это была мука-мученская, непрерывное невыносимое униженіе отъ мысли, переходившей въ непрерывное и непосредственное ощущеніе того, что я муха передъ всѣмъ этимъ свѣтомъ, гадкая, непотребная муха, —

всѣхъ умнѣе всѣхъ развитѣе, всѣхъ благороднѣе, это ужь само собою, — но непрерывно всѣмъ уступающая муха, всѣми униженная и всѣми оскорбленная. Для чего я набиралъ на себя эту муку, для чего я ходилъ на Невской — не знаю? но меня просто тянуло туда при каждой возможности.

Тогда уже я начиналъ испытывать приливы тѣхъ наслажденій, о которыхъ я уже говорилъ въ первой главѣ. Послѣ-же исторіи съ офицеромъ, меня еще сильнѣе туда стало тянуть: на Невскомъ-то я его и встрѣчалъ наиболѣе, тамъ-то я и любовался имъ. Онъ тоже ходилъ туда болѣе въ праздники. Онъ хотъ тоже сворачивалъ съ дороги передъ генералами и передъ особами сановитыми и тоже вилялъ какъ вьюнъ между ними, но такихъ какъ нашъ братъ, или даже и почище нашего брата, онъ просто давилъ; шолъ прямо на нихъ, какъ будто передъ нимъ было пустое пространство и ни въ какомъ случаѣ дороги не уступалъ. Я упивался моей злобой на него глядя и... озлобленно передъ нимъ каждый разъ сворачивалъ. Меня мучило, что я даже и на улицѣ никакъ не могу быть съ нимъ на равной ногѣ. «Отчего ты непременно первый сворачиваешь?» — приставалъ я самъ къ себѣ, въ бѣшеной истерикѣ, проснувшись иногда часу въ третьемъ ночи. «Отчего именно ты, а не онъ? Вѣдь для этого закона нѣтъ, вѣдь это нигдѣ не написано? Ну пусть будетъ поровну, какъ обыкновенно бываетъ когда деликатные люди встрѣчаются: онъ уступить половину и ты половину, вы и пройдете, взаимно уважая другъ друга.» Но такъ не было, и все-таки сворачивалъ я, а онъ даже и не замѣчалъ, что я ему уступаю. — И вотъ удивительнѣйшая мысль вдругъ осѣнила меня. «А что, вздумалъ я, что если встрѣтятся съ нимъ и... не посторониться? Нарочно не посторониться, хотъ бы даже пришлось и толкнуть его; а, каково это будетъ?» Дерзкая мысль эта мало-по малу до того овладѣла мною, что не давала мнѣ покоя. Мечталъ я объ этомъ непрерывно, ужасно, и нарочно чаще ходилъ на Невскій чтобъ еще яснѣе себѣ представить какъ я это сдѣлаю, когда буду дѣлать. Я былъ въ восторгѣ. Все болѣе и болѣе мнѣ казалось это намѣреніе и вѣроятнымъ и возможнымъ. «Ну, разумѣется, не совсѣмъ толкнуть», думалъ я, уже заранѣе добрѣя отъ радости, «а такъ, просто не посторониться, состукнуться съ нимъ, не такъ чтобы очень больно, а такъ, плечо о плечо, ровно на столько, сколько определено приличіемъ; такъ что на сколько онъ меня стукнетъ, на столько и я его стукну.» Я рѣшился наконецъ совершенно. Но приготовленія взяли очень много времени. Первое то, что во время исполненія нужно было быть въ болѣе приличнѣйшемъ видѣ и позаботиться о костюмѣ. «На всякій случай, если напримѣръ завяжется публичная исторія, (а публика-то тутъ суперфлю: графиня ходитъ, князь Д. ходитъ, вся литература ходитъ) нужно быть хорошо одѣтымъ; это внушаетъ и прямо поставитъ насъ нѣкоторымъ образомъ на равную ногу въ глазахъ высшаго общества.» Съ этою цѣлью я выпросилъ впередъ жалованія и купилъ черныя перчатки и порядочную шляпу у Чуркина. Черные перчатки казались мнѣ и солиднѣе и бонтоннѣе, чѣмъ лимонныя, на которыя я посягалъ сначала. «Цвѣтъ слишкомъ рѣзкій, слишкомъ какъ будто хочетъ выставиться человѣкъ», и я не взялъ лимонныхъ. Хорошую рубашку, съ бѣлыми костяными запонками, я ужь давно приготовилъ; но задержала очень шинель. Сама-то по себѣ шинель моя очень была не дурна, грѣла; но она была на ватѣ, а воротникъ былъ енотовый, что составляло уже верхъ лакейства. Надо было перемѣнить воротникъ во чтобы ни стало и завести бобрикъ, въ родѣ какъ у офицеровъ. Для этого я сталъ ходить по гостиному двору и, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, нацѣлился на одинъ дешовый нѣмецкій бобрикъ. Эти нѣмецкіе бобрики хотъ и очень скоро занашиваются и принимаютъ мизернѣйшій видъ, но сначала, съ обновки, смотрятъ даже и очень прилично; а вѣдь мнѣ только для одного разу и надо было. Спросилъ я цѣну: все-таки было дорого. По основательномъ разсужденіи я рѣшился продать мой енотовый воротникъ. Недостающую-же и весьма для меня значительную сумму рѣшился выпросить займы у Антона Антоныча Сѣточкина, моего столоначальника, человѣка смиреннаго, но серьезнаго и положительнаго, никому не

дававшего займа денег, но которому я был когда-то, при вступлении в должность, особенно рекомендован определенным мною на службу значительным лицом. Мучился я ужасно. Попросить денег у Антона Антоныча мне казалось чудовищным и постыдным. Я даже две-три ночи не спал, да и вообще я тогда мало спал, был в лихорадке; сердце у меня как-то смутно замирало, или вдруг начинало прыгать, прыгать, прыгать!.. Антон Антонович сначала удивился, потом поморщился, потом разсудил и все-таки дал займа, взяв с меня расписку на право получения данных заимообразно денег, через две недели, из жалования. Таким образом все было наконец готово; красивый бобринь воцарился на месте паскудного еота и я начал по маленьку приступать к делу. Нельзя же было решиться с первого разу, вдруг, зря; надо было это дело обдумать умно, именно по маленьку. Но признаюсь, что после многократных попыток, я даже было начал отчаиваться: не состыкуемся никак да и только! Уже я-ль не приготовлялся, я-ль не наморщивался, я-ль не приморщивался, я-ль не прищипывался, — кажется вот-вот сейчас состыкуемся, смотрю — и опять я уступил дорогу, а он и прошел незамеченный меня. Я даже молитвы читал подходя к нему, чтобы Бог вселил в меня решимость. Один раз я было и совсем уже решил, но кончилось тем, что только попал ему под ноги, потому что в самое последнее мгновение, на двухвершковой каком-нибудь расстоянии, не хватило духу. Он преспокойно прошел по мне и я, как мячик, отлетел в сторону. В эту ночь я был опять болен в лихорадке и бредил. И вдруг все закончилось как нельзя лучше. Накануне ночью я окончательно положил не исполнять моего пагубного намерения и все оставить втуне, и с этою целью в последний раз вышел на Невский, чтобы только так посмотреть, — как это я оставляю все это втуне? Вдруг, в трех шагах от врага моего, я неожиданно решил, зажмурил глаза и, — мы плотно стукнулись плечо о плечо! Я не уступил ни вершка и прошел мимо совершенно на равной ноге! Он даже и не оглянулся и сделал вид, что не заметил; но он только вид сделал, я уверен в этом. Я до сих пор в этом уверен! Разумеется мне досталось больше; он был сильнее, но не в том было дело. Дело было в том, что я достиг цели, поддержал достоинство, не уступил ни на шаг и публично поставил себя с ним на равной социальной ноге. Воротился я домой совершенно отмощенный за все. Я был в восторге. Я торжествовал и пел итальянские арии. Разумеется я вам не буду описывать того, что произошло со мной через три дня; если читали мою первую главу, «подполье», то можете сами догадаться. — Офицера потом куда-то перевели; леть уже четырнадцать я его теперь не видал. Что-то он теперь мой голубчик? Кого давить?

II.

Но кончалась полоса моего развратика и мне становилось ужасно тошно. Наступало раскаяние, я его гнал: слишком уж тошно. Мало по малу я однакоже и к этому привыкал. Я ко всему привыкал, т. е. не то что привыкал, а как-то добровольно соглашался переносить. Но у меня был выход, все примирявший, это — спасаться во «все прекрасное и высокое», конечно в мечтах. Мечтал я ужасно, мечтал по три месяца сряду, забившись в свой угол, и уже поверьте, что в эти мгновения я не похож был на того господина, который, в смятении куриного сердца, пришивал к воротнику своей шинели немецкий бобринь. Я делался вдруг героем. Моего десяти-вершкового поручика я-бы даже и с визитом к себе тогда не пустил. Я даже и представить его себе не мог тогда. Что такое были мои мечты и как мог я ими довольствоваться — об этом трудно сказать теперь, но тогда я этим довольствовался. Впрочем я ведь и теперь этим отчасти довольствуюсь. Мечты особенно

слаще и сильнѣе приходили ко мнѣ послѣ развратика, приходили съ раскаяніемъ и слезами, съ проклятіями и восторгами. Бывали мгновенія такого положительнаго упоенія, такого счастья, что даже малѣйшей насмѣшки внутри меня не ощущалось, ей богу. Была вѣра, надежда, любовь. То-то и есть что я слѣпо вѣрилъ тогда, что какимъ-то чудомъ, какимъ нибудь внѣшнимъ обстоятельствомъ все это вдругъ раздвинется, расширится; вдругъ представится горизонтъ соотвѣтственной дѣятельности, благотворной, прекрасной и, главное, *совсѣмъ готовой* (какой именно — я никогда не зналъ, но главное — совсѣмъ готовой) и вотъ я выступлю вдругъ на свѣтъ божій, чуть-ли не на бѣломъ конѣ и не въ лавровомъ вѣнкѣ. Второстепенной роли я и понять не могъ и вотъ именно потому-то, въ дѣйствительности, очень спокойно занималъ послѣднюю. Либо герой, либо грязь, середины не было. Это-то меня и сгубило, потому что въ грязи я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ другое время бываю герой, а герой прикрывалъ собой грязь: обыкновенному дескать человѣку стыдно грязниться, а герой слишкомъ высокъ, чтобъ совсѣмъ загрязниться, слѣдственно можно грязниться. Замѣчательно, что эти приливы «всего прекраснаго и высокаго» приходили ко мнѣ и во время развратика, и именно тогда, когда я уже на самомъ днѣ находился, приходили такъ, отдѣльными вспышками, какъ будто напоминая о себѣ, но не истребляли однакожъ развратика своимъ появленіемъ; напротивъ какъ будто подживляли его контрастомъ, и приходили ровно на столько, сколько было нужно для хорошаго соуса. Соусъ тутъ состоялъ изъ противурѣчія и страданія, изъ мучительнаго внутренняго анализа, и всѣ эти мученія и мученица и придавали какою-то пикантность, даже смыслъ моему разврату, — однимъ словомъ исполняли вполнѣ должность хорошаго соуса. Все это даже было не безъ нѣкоторой глубины. Да и могъ-ли бы я согласиться на простой, пошлый, непосредственный, писарскій развратишка и вынести на себѣ всю эту грязь! Что-жъ бы могло тогда въ ней прельстить меня и выманить ночью на улицу? Нѣтъ-съ, у меня была благородная лазейка на все...

Но сколько любви, Господи, сколько любви переживалъ я, бывало, въ этихъ мечтахъ моихъ, въ этихъ «спасеньяхъ во все прекрасное и высокое»: хоть и фантастической любви, хоть и никогда ни къ чему человѣческому на дѣлѣ не прилагавшейся, но до того было ея много, этой любви, что потомъ, на дѣлѣ ужъ и потребности даже не ощущалось ее прилагать: излишня-бъ ужъ это роскошь была. Все впрочемъ благополучно всегда оканчивалось лѣнливымъ и упоительнымъ переходомъ къ искусству, т. е. къ прекраснымъ формамъ бытія, совсѣмъ готовымъ, сильно украденнымъ у поэтовъ и романистовъ и приспособленнымъ ко всевозможнымъ услугамъ и требованіямъ. Я, напимѣръ, надъ всѣми торжествую; всѣ, разумѣется, во прахъ и принуждены добровольно признать всѣ мои совершенства, а я всѣхъ ихъ прощаю. Я влюбляюсь, будучи знаменитымъ поэтомъ и камергеромъ; получаю несмѣтные миліоны и тотчасъ-же жертвую ихъ на родъ человѣческій и тутъ же исповѣдываюсь передъ всѣмъ народомъ въ моихъ позорахъ, которые разумѣется не просто позоры, а заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много «прекраснаго и высокаго», чего-то манфредовскаго. Всѣ плачутъ и целуютъ меня (иначе что-же бы они были за болваны), а я иду босой и голый проповѣдывать новыя идеи и разбиваю ретроградовъ подъ Аустерлицемъ. Затѣмъ играется маршъ, выдается амнистія, папа соглашается выѣхать изъ Рима въ Бразилію; затѣмъ балъ для всей Италіи на вилѣ Боргезе, что на берегу озера Комо, такъ какъ озеро Комо нарочно переносится для этого случая въ Римъ; затѣмъ сцена въ кустахъ и т. д. и т. д. — будто не знаете? Вы скажете, что пошло и подло выводить все это теперь на рынокъ, послѣ столькихъ упоеній и слезъ, въ которыхъ я самъ признался. Отчего же подло-съ? Неужели вы думаете, что я стыжусь всего этого и что все это было глупѣе, хотя чего-бы то ни было, въ вашей, господа, жизни? И кому-же повѣрьте, что у меня кой-что было вовсе не дурно составлено... Не все-же происходило на озерѣ Комо. А впрочемъ вы правы; дѣйствительно и пошло и подло. А подлѣе все-

го то, что я теперь началъ передъ вами оправдываться. А еще подлѣе то, что я дѣлаю теперь это замѣчаніе. Да довольно впрочемъ, а то вѣдь никогда и не кончишь: все будетъ одно другого подлѣе...

Больше трехъ мѣсяцевъ я никакъ не въ состояніи былъ сряду мечтать и началъ ощущать непреодолимую потребность ринуться въ общество. Ринуться въ общество означало у меня сходить въ гости къ моему столоначальнику, Антонъ Антонычу Сѣточкину. Это былъ единственный, мой постоянный знакомый во всю мою жизнь, и я даже самъ удивляюсь теперь этому обстоятельству. Но и къ нему я ходилъ развѣ только тогда, когда ужъ наступала такая полоса, а мечты мои доходили до такого счастья, что надо было непременно и немедленно обняться съ людьми и со всѣмъ человѣчествомъ; а для этого надо было имѣть хоть одного человѣка въ наличности, дѣйствительно существующаго. Къ Антонъ Антонычу надо было впрочемъ являться по вторникамъ (его день), слѣдственно и подгонять потребность обняться со всѣмъ человѣчествомъ надо было всегда ко вторнику. Помѣщался этотъ Антонъ Антонычъ у Пяти-Угловъ, въ четвертомъ этажѣ и въ четырехъ комнаткахъ, низенькихъ и малъ-мала меньше, имѣвшихъ самый экономическій и жолтенькій видъ. Были у него двѣ дочери и ихъ тетка, разливавшая чай. Дочкамъ — одной было тринадцать, а другой четырнадцать лѣтъ, обѣ были курносенькія и я ихъ ужасно конфузился, потому что онѣ все шептались про себя и хихикали. Хозяинъ сидѣлъ обыкновенно въ кабинетѣ, на кожаномъ диванѣ, передъ столомъ, вмѣстѣ съ какимъ нибудь съдымъ гостемъ, чиновникомъ изъ нашего или даже изъ посторонняго вѣдомства. Больше двухъ — трехъ гостей, и все тѣхъ-же самыхъ, я никогда тамъ не видывалъ. Толковали про акцизъ, про торги въ Сенатѣ, о жалованьи, о производствѣ, о его превосходительствѣ, о средствѣ нравиться и проч. и проч. Я имѣлъ терпѣніе высиживать подлѣ этихъ людей дуракомъ часа по четыре и ихъ слушать, самъ не смѣя и не умѣя ни объ чемъ съ ними заговорить. Я тупѣлъ, по нѣскольку разъ принимался потѣтъ, надо мной носился параличъ; но это было хорошо и полезно. Возвратясь домой, я на нѣкоторое время откладывалъ мое желаніе обняться со всѣмъ человѣчествомъ.

Былъ впрочемъ у меня и еще какъ-будто одинъ знакомый, Симоновъ, бывшій мой школьный товарищъ. Школьныхъ товарищей у меня было, пожалуй, и много въ Петербургѣ, но я съ ними не водился и даже пересталъ на улицѣ кланяться. Я можетъ быть и на службу-то въ другое вѣдомство перешолъ для того, чтобъ не быть вмѣстѣ съ ними и разомъ отрѣзать со всѣмъ ненавистнымъ моимъ дѣтствомъ. Проклятіе на эту школу, на эти ужасные каторжные годы! Однимъ словомъ, съ товарищами я тотчасъ же разошелся, какъ вышелъ на волю. Оставались два-три человѣка, съ которыми я еще кланялся встрѣчаясь. Въ томъ числѣ былъ и Симоновъ, который въ школѣ у насъ ничѣмъ не отличался, былъ ровень и тихъ, но въ немъ я отличилъ нѣкоторую независимость характера и даже честность. Даже не думаю, что онъ былъ очень ужъ ограниченъ. У меня съ нимъ бывали когда-то довольно свѣтлыя минуты, но недолго продолжались и какъ-то вдругъ задернулись туманомъ. Онъ видимо тяготился этими воспоминаніями и, кажется, все боялся, что я впаду въ прежній тонъ. Я подозрѣвалъ, что я былъ ему очень противень, но все-таки ходилъ къ нему, неувѣренный въ томъ навѣрно.

Вотъ однажды, въ четвергъ, не выдержавъ моего одиночества, и зная что въ четвергъ у Антонъ Антоныча дверь заперта, я вспомнилъ о Симоновѣ. Подымаясь къ нему въ четвертый этажъ, я именно думалъ о томъ, что этотъ господинъ тяготится мною и что напрасно я это иду. Но такъ какъ кончалось всегда тѣмъ, что подобныя соображенія какъ нарочно еще болѣе подбивали меня лѣзть въ двусмысленное положеніе, то я и вошолъ. Былъ почти годъ, какъ я послѣдній разъ передъ тѣмъ видѣлъ Симонова.

III.

Я засталъ у него еще двухъ моихъ школьныхъ товарищей. Они толковали повидимому объ одномъ важномъ дѣлѣ. На приходъ мой ни одинъ изъ нихъ не обратилъ почти никакого вниманія, что было даже странно, потомучто я не видался съ ними ужь годы. Очевидно меня считали чѣмъ-то въ родѣ самой обыкновенной мухи. Такъ не третировали меня даже въ школѣ, хотя всѣ меня тамъ ненавидѣли. Я конечно понималъ, что они должны были презирать меня теперь за неуспѣхъ моей служебной карьеры, и за то что я ужь очень опустился, ходилъ въ дурномъ платьѣ и проч. — что въ ихъ глазахъ составляло вывѣску моей неспособности и мелкаго значенія. Но я все таки не ожидалъ до такой степени презрѣнія. Симоновъ даже удивился моему приходу. Онъ и прежде всегда какъ-будто удивлялся моему приходу. Все это меня озадачило; я сѣлъ въ нѣкоторой тоскѣ и началъ слушать о чемъ они толковали.

Шла рѣчь серьезная и даже горячая о прощальномъ обѣдѣ, который хотѣли устроить эти господа завтра-же, сообщая, отъѣзжавшему далеко въ губернію ихъ товарищу Звѣркову, служившему офицеромъ. Мсье Звѣрковъ былъ все время и моимъ школьнымъ товарищемъ. Я особенно сталъ его ненавидѣть съ высшихъ класовъ. Въ низшихъ класахъ онъ былъ только хорошенькой, рѣзвый мальчикъ, котораго всѣ любили. Я впрочемъ ненавидѣлъ его и въ низшихъ класахъ, и именно за то, что онъ былъ хорошенькой и рѣзвый мальчикъ. Учился онъ всегда постоянно плохо и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; однакожъ вышелъ изъ школы удачно, потомучто имѣлъ покровительство. Въ послѣдній годъ его въ нашей школѣ ему досталось наслѣдство, двѣсти душъ, а такъ-какъ у насъ всѣ почти были бѣдные, то онъ даже передъ нами сталъ фанфаронить. Это былъ пошлякъ въ высшей степени, но однакожъ добрый малый, даже и тогда когда фанфаронилъ. У насъ-же, не смотря на наружныя, фантастическія и фразерскія формы чести и гонора, всѣ, кромѣ очень немногихъ, даже увивались передъ Звѣрковымъ, чѣмъ болѣе онъ фанфаронилъ. И не изъ выгоды какой-нибудь увивались, а такъ изъ за того, что онъ фаворизированный дарами природы человѣкъ. Притомъ же какъ-то принято было у насъ считать Звѣркова спеціалистомъ по части ловкости и хорошихъ манеръ. Послѣднее меня особенно бѣсило. Я ненавидѣлъ рѣзкій, несомнѣвающійся въ себѣ звукъ его голоса, обожаніе собственныхъ своихъ острогъ, которые у него выходили ужасно глупы, хотя онъ былъ и смѣлъ на языкъ; я ненавидѣлъ его красивое, но глупенькое лицо (на которое я-бы впрочемъ промѣнялъ съ охотою свое *умное*) и развязно-офицерскіе приемы сороковыхъ годовъ. Я ненавидѣлъ то, что онъ рассказывалъ о своихъ будущихъ успѣхахъ съ женщинами (онъ не рѣшался начинать съ женщинами, не имѣя еще офицерскихъ эполетъ и ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ) и о томъ, какъ онъ поминутно будетъ выходить на дуэли. Помню какъ я, всегда молчаливый, вдругъ сцѣпился съ Звѣрковымъ, когда онъ, толкуя разъ въ свободное время съ товарищами о будущей клубничкѣ, и разыгравшись наконецъ, какъ молодой щенокъ на солнцѣ, вдругъ объявилъ, что ни одной деревенской дѣвы въ своей деревнѣ не оставитъ безъ вниманія что это — *droit du seigneur*, а мужиковъ, если осмѣлятся протестовать, всѣхъ пересечетъ и всѣмъ имъ, бородатымъ канальямъ, вдвое наложитъ оброку. Наши хамы аплодировали; я-же сцѣпился, и вовсе не изъ жалости къ дѣвамъ и ихъ отцамъ, а просто за то, что такой козявкѣ такъ аплодировали. Я тогда одолѣлъ, но Звѣрковъ, хоть и глупъ былъ, но былъ веселъ и дерзокъ, а потому отсмѣялся, и даже такъ, что я, по правдѣ, не совсѣмъ и одолѣлъ: смѣхъ остался на его сторонѣ. Онъ потомъ еще нѣсколько разъ одолѣвалъ меня, но безъ злобы, а какъ-то такъ, шутя, мимоходомъ, смѣясь. Я злобно и презрительно не отвѣчалъ ему. По выпускѣ онъ было сдѣлалъ ко мнѣ шагъ; я не очень противился, потому что мнѣ это польстило; но мы скоро и естественно разошлись. Потомъ я слыхалъ объ его казарменно-поручичьихъ успѣхахъ, о

томъ какъ онъ *кутитъ*. Потомъ пошли другіе слухи, — о томъ какъ онъ *устпываетъ* по службѣ. На улицѣ онъ мнѣ уже не кланялся и я подозрѣвалъ, что онъ боится компрометировать себя, раскланиваясь съ такой незначительной, какъ я, личностью. Видѣлъ я его тоже одинъ разъ въ театрѣ, въ третьемъ ярусѣ, уже въ эксельбантахъ. Онъ увидался и изгибался передъ дочками одного древняго генерала. Года въ три онъ очень опустился, хотя былъ по прежнему довольно красивъ и ловокъ; какъ-то отекъ, сталъ жирѣть; видно было, что къ тридцати годамъ онъ совершенно обрюзгнетъ. Вотъ этому-то уѣзжавшему наконецъ Звѣркову и хотѣли дать обѣдъ наши товарищи. Они постоянно всѣ три года водились съ нимъ, хотя сами, внутренне, не считали себя съ нимъ на равной ногѣ, я увѣренъ въ этомъ.

Изъ двухъ гостей Симонова одинъ былъ Ферфичкинъ, изъ русскихъ нѣмцевъ, — маленькій ростомъ, съ обезьяньимъ лицомъ, всѣхъ пересмѣивающій глупецъ, злѣйшій врагъ мой еще съ низшихъ класовъ, — подлый, дерзкой, фанфарониска и игравшій въ самую щекотливую амбиціозность, хотя, разумѣется, трусишка въ душѣ. Онъ былъ изъ тѣхъ почитателей Звѣркова, которые заигрывали съ нимъ изъ видовъ, и часто занимали у него деньги. Другой гость Симонова, Трудолюбовъ, была личность незамѣчательная, военный паренъ, высокаго роста, съ холодною фізіономіей, довольно честный, но преклонявшійся передъ всякимъ успѣхомъ и способный разсуждать только объ одномъ производствѣ. Звѣркову онъ доводился какимъ-то дальнимъ родственникомъ, и это, глупо сказать, придавало ему между нами нѣкоторое значеніе. Меня онъ постоянно считалъ ни во что; обращался-же хотъ не совсѣмъ вѣжливо, но сносно.

— Что жъ, коль по семи рублей, заговорилъ Трудолюбовъ, — насъ трое, двадцать одинъ *рунь*, — можно хорошо пообѣдать. Звѣрковъ конечно не платитъ.

— Ужъ разумѣется, коль мы-же его приглашаемъ, рѣшилъ Симоновъ.

— Неужели-жъ вы думаете, — заносчиво и съ пылкостью ввязался Ферфичкинъ, точно нахаль лакей, хвастающій звѣздами своего генерала барина, — неужели вы думаете, что Звѣрковъ насъ пуститъ однихъ платитъ! Изъ деликатности приметъ, но за то отъ себя *поддюжины* выставитъ.

— Ну, куда намъ четверымъ поддюжины, — замѣтилъ Трудолюбовъ, обративъ вниманіе только на поддюжину.

— Такъ трое, съ Звѣрковымъ четверо, двадцать одинъ рубль, въ Hotel de Paris, завтра въ пять часовъ, — окончательно заключилъ Симоновъ, котораго выбрали распорядителемъ.

— Какъ же двадцать одинъ? сказалъ я въ нѣкоторомъ волненіи, даже повидимому обидѣвшись; — если считать со мной, такъ будетъ не двадцать одинъ, а двадцать восемь рублей.

Мнѣ показалось, что вдругъ и такъ неожиданно предложить себя будетъ даже очень красиво и они всѣ будутъ разомъ побѣждены и посмотрятъ на меня съ уваженіемъ.

— Развѣ вы тоже хотите? — съ неудовольствіемъ замѣтилъ Симоновъ, какъ-то избѣгая глядѣть на меня. Онъ зналъ меня наизусть.

Меня взбѣсило, что онъ знаетъ меня наизусть.

— По чему-же-съ? Я вѣдь кажется тоже товарищъ и признаюсь мнѣ даже обидно, что меня обошли; — заклокоталъ было я опять.

— А гдѣ васъ было искать? грубо ввязался Ферфичкинъ.

— Вы всегда были не въ ладахъ съ Звѣрковымъ, — прибавилъ Трудолюбовъ нахмурившись. Но я ужъ ухватился и не выпускалъ.

— Мнѣ кажется объ этомъ никто не вправѣ судить, возразилъ я, съ дрожью въ голосъ, точно и Богъ знаетъ что случилось. — Именно потому-то я можетъ быть теперь и хочу, что прежде былъ не въ ладахъ.

— Ну, кто вас пойметь... возвышенности то эти... усмѣхнулся Трудолюбовъ.

— Васъ запишутъ, — рѣшилъ обращаясь ко мнѣ Симоновъ, завтра въ пять часовъ, въ Hotel de Paris; не ошибитесь.

— Деньги-то! — началъ было Ферфичкинъ, вполголоса кивая на меня головою Симонову, но осѣкся, потому что даже Симоновъ сконфузился.

— Довольно, сказалъ Трудолюбовъ вставая. — Если ему такъ ужъ очень захотѣлось, пусть придетъ.

— Да вѣдь у насъ кружокъ свой, пріятельской, — злился Ферфичкинъ, тоже берясь за шляпу. — Это не официальное собраніе. Мы васъ можетъ быть и совсѣмъ не хотимъ...

Они ушли; Ферфичкинъ уходя мнѣ совсѣмъ не поклонился, Трудолюбовъ едва кивнулъ, не глядя. Симоновъ, съ которымъ я остался съ глазу на глазъ, былъ въ какомъ-то досадливомъ недоумѣніи и странно посмотрѣлъ на меня. Онъ не садился и меня не приглашалъ.

— Гм... да... такъ завтра. Деньги-то вы отдадите теперь? Я это чтобъ вѣрно знать, — пробормоталъ онъ сконфузившись.

Я вспыхнулъ, но вспыхивая вспомнилъ, что съ незапамятныхъ временъ долженъ былъ Симонову пятнадцать рублей, чего впрочемъ и не забывалъ никогда, но и не отдавалъ никогда.

— Согласитесь сами, Симоновъ, что я не могъ знать, входя сюда... и мнѣ очень досадно, что я забылъ...

— Хорошо, хорошо, все равно. Расплатитесь завтра за обѣдомъ. Я вѣдь только чтобъ знать... Вы пожалуста...

Онъ осѣкся и сталъ ходить по комнатѣ съ еще большей досадой. Шагая, онъ началъ становиться на каблуки и при этомъ сильнѣе топать.

— Я васъ не задерживаю-ли? спросилъ я, послѣ двухминутнаго молчанья.

— О нѣтъ! встрепенулся онъ вдругъ, — т. е. по правдѣ, — да. Видите-ли, мнѣ еще бы надо зайти... Тутъ недалеко... прибавилъ онъ, какимъ-то извиняющимся голосомъ и отчасти стыдясь.

— Ахъ Боже мой! Что-же вы не ска-же-те! вскрикнулъ я, схвативъ фуражку, съ удивительно впрочемъ развязнымъ видомъ, Богъ знаетъ откуда налетѣвшимъ.

— Это вѣдь недалеко... Тутъ два шага... повторялъ Симоновъ, провожая меня до передней съ суетливымъ видомъ, который ему вовсе не шолъ. — Такъ завтра въ пять часовъ ровно! — крикнулъ онъ мнѣ на лѣстницу: очень ужъ онъ былъ доволенъ что я ухожу. Я же былъ въ бѣшенствѣ.

— Вѣдь дернуло-же, дернуло-же выскочить! — скрежеталъ я зубами, шагая по улицѣ, — и этакому подлецу, поросенку, Звѣркову! Разумѣется не надо ѣхать; разумѣется наплевать; что я связанъ, что-ли? Завтра-же увѣдомлю Симонова по городской почтѣ...

Но потому-то я и бѣсился, что навѣрно зналъ что поѣду; что нарочно поѣду; и чѣмъ безтактнѣе, чѣмъ неприличнѣе будетъ мнѣ ѣхать, тѣмъ скорѣй и поѣду.

И даже препятствіе положительное было не ѣхать: денегъ не было. Всего-на-все лежало у меня девять рублей. Но изъ нихъ семь надо было отдать завтра-же мѣсячнаго жалованья Аполону моему слугѣ, который жилъ у меня за семь рублей на своихъ харчахъ.

Не выдать же было невозможно, судя по характеру Аполона. Но объ этой канальѣ, объ этой язвѣ моей я когда нибудь послѣ поговорю.

Впрочемъ я вѣдь зналъ, что все-таки не выдамъ, а непременно поѣду.

Въ эту ночь снились мнѣ безобразнѣйшіе сны. Не мудрено: весь вечеръ давили меня воспоминанія о каторжныхъ годахъ моей школьной жизни и я не могъ отъ нихъ отвязаться. Меня сунули въ эту школу мои дальніе родственники, отъ кото-

рыхъ я зависѣлъ и о которыхъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія, — сунули сиротливаго, уже забитаго ихъ попреками, уже задумывающагося, молчаливаго, и дико на все озиравшагося. Товарищи встрѣтили меня злобными и безжалостными насмѣшками, за то что я ни на кого изъ нихъ былъ не похожъ. Но я не могъ насмѣшекъ переносить; я не могъ такъ дешево уживаться, какъ они уживались другъ съ другомъ. Я возненавидѣлъ ихъ тотчасъ и заключился отъ всѣхъ въ пугливую, уязвленную и непомѣрную гордость. Грубость ихъ меня возмущала. Они цинически смѣялись надъ моимъ лицомъ, надъ моей мѣшковатой фигурой; а между тѣмъ какія глупыя у нихъ самихъ были лица! Въ нашей школѣ выраженія лицъ какъ-то особенно глупѣли и перерождались. Сколько прекрасныхъ собой дѣтей поступало къ намъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ на нихъ и глядѣть становилось противно. Еще въ шестнадцать лѣтъ я утрюмо на нихъ дивился; меня ужъ и тогда изумляли мелочь ихъ мышленія, глупость ихъ занятій, игръ, разговоровъ. Они такихъ необходимыхъ вещей не понимали, такими внушающими, поражающими предметами не интересовались, что поневолѣ я сталъ считать ихъ ниже себя. Не оскорбленное тщеславіе подбивало меня къ тому, и, ради Бога, не выльзайте ко мнѣ съ пріѣвшимися до тошноты казенными возраженіями: «что я только мечталъ, а они ужъ и тогда дѣйствительную жизнь понимали». Ничего они не понимали, никакой дѣйствительной жизни и, клянусь, это-то и возмущало меня въ нихъ наиболѣе. Напротивъ, самую очевидную, рѣжущую глаза дѣйствительность они принимали фантастически глупо, и уже тогда привыкли поклоняться одному успѣху. Все что было справедливо, но унижено и забито, надъ тѣмъ они жестокосердно и позорно смѣялись. Чинъ почитали за умъ; въ шестнадцать лѣтъ уже толковали о теплыхъ мѣстечкахъ. Конечно много тутъ было отъ глупости, отъ неопытности, отъ дурного примѣра, непрерывно окружавшаго ихъ дѣтство и отрочество. Развратны они были до уродливости. Разумѣется и тутъ было больше внѣшности, больше наружной напускной циничности; разумѣется юность и нѣкоторая свѣжесть мелькали и въ нихъ даже изъ за разврата; но не привлекательна была въ нихъ даже и свѣжесть и проявлялась въ какомъ-то ерничествѣ. Я ненавидѣлъ ихъ ужасно, хотя пожалуй былъ ихъ же хуже. Они мнѣ тѣмъ же платили и не скрывали своего ко мнѣ омерзения. Но я уже не желалъ ихъ любви; напротивъ, я постоянно жаждалъ ихъ унижения. Чтобъ избавить себя отъ ихъ насмѣшекъ, я нарочно началъ какъ можно лучше учиться и пробился въ число самыхъ первыхъ. Это имъ внушило. Ктому же всѣ они начали по маленьку понимать, что я уже читалъ такія книги, которыхъ они не могли читать и понималъ такія вещи (не входившія въ составъ нашего спеціальнаго курса), о которыхъ они и не слыхивали. Дико и насмѣшливо смотрѣли они на это, но нравственно подчинялись, тѣмъ болѣе что даже учителя обращали на меня вниманіе по этому поводу. Насмѣшки прекратились, но осталась непріязнь и установились холодныя, натянутыя отношенія. Подъ конецъ я самъ не выдержалъ: съ лѣтами развивалась потребность въ людяхъ, въ друзьяхъ. Я попробовалъ было начать сблизаться съ иными; но всегда это сближеніе выходило неестественно и такъ само-собой и оканчивалось. Былъ у меня разъ какъ-то и другъ. Но я уже былъ деспотъ въ душѣ; я хотѣлъ неограниченно властвовать надъ его душой; я хотѣлъ вселить въ него презрѣніе къ окружавшей его средѣ: я потребовалъ отъ него высокомернаго и окончательнаго разрыва съ этой средой. Я испугалъ его моей страстной дружбой; я доводилъ его до слезъ, до судорогъ; онъ былъ наивная и отдающаяся душа; но когда онъ отдался мнѣ весь, я тотчасъ же возненавидѣлъ его и оттолкнулъ отъ себя, — точно онъ и нуженъ былъ мнѣ только для одержанія надъ нимъ побѣды, для одного его подчиненія. Но всѣхъ я не могъ побѣдить; мой другъ былъ тоже ни на одного изъ нихъ не похожъ и составлялъ самое рѣдкое исключеніе. Первымъ дѣломъ моимъ по выходѣ изъ школы было оставить ту спеціальную службу, къ которой я предназначался, чтобы всѣ нити порвать, проклясть прошлое и прахомъ его посыпать... И чортъ знаетъ зачѣмъ послѣ того я потащился къ этому Симонову!..

Утромъ я рано схватился съ постели, вскочилъ съ волненіемъ, точно все это сейчасъ же и начнетъ совершаться. Но я вѣрилъ, что наступаетъ и непременно наступитъ сегодня же, какой-то радикальный переломъ въ моей жизни. Съ непривычки, что ли, но мнѣ всю жизнь, при всякомъ внѣшнемъ, хотя бы мельчайшемъ событіи, все казалось что вотъ сейчасъ и наступитъ какой нибудь радикальный переломъ въ моей жизни. Я впрочемъ отправился въ должность по обыкновенному, но улизнулъ домой двумя часами раньше, чтобъ приготовиться. Главное, думалъ я, надо пріѣхать не первымъ, а то подумаютъ, что я ужь очень обрадовался. Но такихъ главныхъ вещей были тысячи и всѣ они волновали меня до безсилія. Я собственноручно еще разъ вычистилъ мои сапоги; Аполонъ ни за что на свѣтѣ не сталъ бы чистить ихъ два раза въ день, находя что это не порядокъ. Чистилъ же я, укравъ щетки изъ передней, чтобъ онъ какъ нибудь не замѣтилъ и не сталъ потомъ презирать меня. Затѣмъ я подробно осмотрѣлъ мое платье и нашолъ, что все старо, потерто, заношено. Слишкомъ я ужь обнеряшился. Вицмундиръ, пожалуй, былъ исправенъ, но не въ вицмундирѣ же было ѣхать обѣдать. А главное, на панталонахъ, на самой колѣнкѣ, было огромное желтое пятно. Я предчувствовалъ, что одно уже это пятно отниметъ у меня девять десятыхъ собственнаго достоинства. Зналъ то же я, что очень низко такъ думать. «Но теперь не до думанья; теперь наступаетъ дѣйствительность» думалъ я и падалъ духомъ. Зналъ я тоже отлично, тогда же, что всѣ эти факты чудовищно преувеличиваю; но что же было дѣлать: совладать я съ собой ужь не могъ и меня трясла лихорадка. Съ отчаяніемъ представлялъ я себѣ, какъ свысока и холодно встрѣтитъ меня этотъ «подлецъ» Звѣрковъ; съ какимъ тупымъ, ничѣмъ не отразимымъ презрѣннемъ будетъ смотрѣть на меня тупица Трудолобовъ; какъ скверно и дерзко будетъ подхихикивать на мой счетъ козявка Ферфичкинъ, чтобъ подслужиться Звѣркову; какъ отлично пойметъ про себя все это Симоновъ, и какъ будетъ презирать меня за низость моего тщеславія и малодушія, и, главное, — какъ все это будетъ мизерно, не *литературно*, обыденно. Конечно всего бы лучше совсѣмъ не ѣхать. Но это-то ужь было больше всего невозможно: ужь когда меня начинало тянуть, такъ ужь я такъ и втягивался весь, съ головой. Я бы всю жизнь дразнилъ себя потомъ: «а что струсилъ, струсилъ *дѣйствительности*, струсилъ!» Напротивъ мнѣ страстно хотѣлось доказать всей этой «шушерѣ», что я вовсе не такой трусъ, какъ я самъ себѣ представляю. Мало того: въ самомъ сильнѣйшемъ пароксизмѣ трусливой лихорадки, мнѣ мечталось одержать верхъ, побѣдить, увлечь, заставить ихъ полюбить себя — ну хоть «за возвышенность мыслей и несомнѣнное остроуміе». Они бросятъ Звѣркова, онъ будетъ сидѣть всторонѣ молчать и стыдиться, а я раздавлю Звѣркова. Потомъ пожалуй помирюсь съ нимъ и выпью на *ты*, но что всего было злѣе и обиднѣе для меня, это, что я тогда же зналъ, зналъ вполнѣ и навѣрно, что ничего мнѣ этого въ сущности не надо, что, въ сущности я вовсе не желаю ихъ раздавливать, покорять, привлекать и что за весь-то результатъ, еслибъ только я и достигъ его, я самъ, первый, гроша бы не далъ. О, какъ я молилъ Бога, чтобъ ужь прошолъ поскорѣе этотъ день! Въ невыразимой тоскѣ я подходилъ къ окну, отворялъ форточку и вглядывался въ мутную, желтую мглу густо падающаго мокраго снѣга...

Наконецъ на моихъ дрянныхъ стѣнныхъ часишкахъ прошипѣло пять. Я схватилъ шапку и, стараясь не взглянуть на Аполлона, который еще съ утра все ждалъ отъ меня выдачи жалованья, но, по грубости своей, не хотѣлъ заговорить первый, — скользнулъ мимо него изъ дверей, и на лихачѣ, котораго нарочно нанялъ, за послѣдній полтинникъ, подкатилъ бариномъ къ Hotel de Paris.

IV.

Я еще накануне зналъ, что приѣду первый. Но ужь дѣло было не въ первенствѣ.

Ихъ не только никого не было, но я даже едва отыскалъ нашу комнату. На столѣ было еще не совсѣмъ накрыто. Что-же это значило? Послѣ многихъ распросовъ я добился, наконецъ, отъ слугъ, что обѣдъ заказанъ къ шести часамъ, а не къ пяти. Это подтвердили и въ буфетѣ. Даже стыдно стало спрашивать. Было еще только двадцать пять минутъ шестого. Если они перемѣнили часъ, то во всякомъ случаѣ должны же были извѣстить; на то городская почта, а не подвергать меня «позору» и передъ собой и... и хоть передъ слугами. Я сѣлъ; слуга сталъ накрывать; при немъ стало какъ-то еще обиднѣе. Къ шести часамъ, кромѣ горѣвшихъ лампъ, въ комнату внесены были свѣчи. Слуга не подумалъ однакожъ внести ихъ тотчасъ-же какъ я приѣхалъ. Въ сосѣдней комнатѣ обѣдали, на разныхъ столахъ, два какихъ-то мрачныхъ посѣтителя, сердитые съ виду и молчаливые. Въ одной изъ дальнихъ комнатъ было очень шумно; даже кричали; слышенъ былъ хохотъ цѣлой ватаги людей; слышались какіе-то скверные французскіе взвизги: обѣдъ былъ съ дамами. Однимъ словомъ было очень тошно. Рѣдко я проводилъ болѣе скверную минуту, такъ что когда они, ровно въ шесть часовъ, явились всѣ разомъ, я, на первый мигъ, обрадовался имъ какъ какимъ-то освободителямъ и чуть не забылъ, что обязанъ смотрѣть обиженнымъ

Звѣрковъ вошелъ впереди всѣхъ, видимо предводительствуя. И онъ и всѣ они смѣялись; но увидя меня Звѣрковъ пріосанился, подошелъ неторопливо, нѣсколько перегибаясь въ тальѣ, точно кокетничая, и подалъ мнѣ руку, ласково, но не очень, съ какой то осторожной, чуть не генеральской вѣжливостью, точно, подавая руку, оберегалъ себя отъ чего-то. Я воображалъ, напротивъ, что онъ тотчасъ-же какъ войдетъ захохочетъ своимъ прежнимъ хохотомъ, тоненькимъ и со взвизгами, и съ первыхъ-же словъ пойдутъ плоскія его шутки и остроты. Къ нимъ-то я и готовился еще съ вечера, но никакъ ужь не ожидалъ я такого свысока, такой превосходительной ласки. Стало быть онъ ужь вполнѣ считалъ себя теперь неизмѣримо выше меня во всѣхъ отношеніяхъ? Еслибъ онъ только обидѣлъ меня хотѣлъ этимъ генеральствомъ, то ничего еще, думалъ я; я бы какънибудь тамъ отплевался. Но что если и въ самомъ дѣлѣ, безъ всякаго желанія обидѣть, въ его баранью башку серьезно заползла идея, что онъ неизмѣримо выше меня, и можетъ на меня смотрѣть не иначе какъ только съ покровительствомъ? Отъ одного этого предположенія я уже сталъ задыхаться.

— Я съ удивленіемъ узналъ о вашемъ желаніи участвовать съ нами, — началъ онъ сюсюкивая и пришепетывая и растягивая слова, чего прежде съ нимъ не бывало. — Мы съ вами какъ-то все не встрѣчались. Вы насъ дичитесь. Напрасно. Мы не такъ страшны какъ вамъ кажется. Ну-съ, во всякомъ случаѣ радъ во-зоб-но-вить..

И онъ небрежно повернулся положить на окно шляпу.

— Давно ждете? спросилъ Трудолюбовъ.

— Я приѣхалъ ровно въ пять часовъ, какъ мнѣ вчера назначили, — отвѣчалъ я громко и съ раздраженіемъ, обѣщавшимъ близкій взрывъ.

— Развѣ ты не далъ ему знать что перемѣнили часы? оборотился Трудолюбовъ къ Симонову.

— Не далъ. Забылъ, — отвѣчалъ тотъ, но безъ всякаго раскаянія и, даже не извинившись передо мной, пошелъ распоряжаться закуской.

— Такъ вы здѣсь ужь часъ, ахъ бѣдный! — вскрикнулъ насмѣшливо Звѣрковъ, потому что по его понятіямъ это дѣйствительно должно было быть ужасно смѣшно. За нимъ, подленькимъ, звонкимъ какъ у собачонки голоскомъ, закатился подлецъ Ферфичкинъ. Очень ужь и ему показалось смѣшно и конфузно мое положеніе.

— Это вовсе не смѣшно! закричалъ я Ферфичкину, раздражаясь все болѣе и болѣе; — виноваты другіе, а не я. Мнѣ пренебрегли дать знать. Это-это-это... просто нелѣпо.

— Не только нелѣпо, а и еще что нибудь, — проворчалъ Трудолюбовъ, наивно за меня заступаясь. — Вы ужь слишкомъ мягки. Просто невѣжливость. Конечно неумышленная. И какъ это Симоновъ... гм!

— Еслибъ со мной этакъ сыграли, замѣтилъ Ферфичкинъ, я-бы..

— Да вы-бы велѣли себѣ чего нибудь подать, перебилъ Звѣрковъ, или просто спросили-бы объѣдать, не дожидаясь.

— Согласитесь, что я-бы-могъ это сдѣлать безъ всякаго позволенія, отрѣзалъ я. Если я ждалъ, то...

— Садимся, господа, закричалъ вошедшій Симоновъ; все готово; за шампанское отвѣчаю, отлично заморожено... Вѣдь я вашей квартиры не зналъ, гдѣ-жъ васъ отыскивать? оборотился онъ вдругъ ко мнѣ, но опять какъ-то не глядя на меня. Очевидно онъ имѣлъ что-то противъ. Знать послѣ вчерашняго надумался.

Всѣ сѣли, сѣлъ и я. Столъ былъ круглый. По лѣвую руку отъ меня приболъ Трудолюбовъ, по правую Симоновъ. Звѣрковъ сѣлъ напротивъ; Ферфичкинъ подлѣ него, между нимъ и Трудолюбовымъ.

— Ска-а-жите, вы.. въ департаментѣ? продолжалъ заниматься мною Звѣрковъ. Видя что я сконфуженъ, онъ серьезно вообразилъ, что меня надо обласкать, и такъ сказать, ободрить. «Что-жъ онъ, хочетъ что-ли, чтобъ я въ него бутылкой пустилъ,» подумалъ я въ бѣшенствѣ. Раздражался я, съ непривычки, какъ то неестественно скоро.

— Въ...й канцеляріи, отвѣтилъ я отрывисто, глядя въ тарелку.

— И.. ввамъ ввыгодно? Ска-ажите, что васъ паанудило оставить прежнюю службу?

— То и па-а-анудило, что захотѣлось оставить прежнюю службу, протянулъ я втрое больше, уже почти не владея собою. Ферфичкинъ фыркнулъ. Симоновъ иронически посмотрѣлъ на меня; Трудолюбовъ остановился ѣсть и сталъ меня разсматривать съ любопытствомъ.

Звѣркова покорило, но онъ не хотѣлъ замѣтить.

— Ну-у-у, а какъ ваше содержаніе?

— Какое это содержаніе?

— То есть ж-жалованье?

— Да что вы меня экзаменуете!

Впрочемъ я тутъ-же и назвалъ сколько получаю жалованья? Я ужасно краснѣлъ.

— Не богато, — важно замѣтилъ Звѣрковъ.

— Да-съ, нельзя въ кафе-ресторанахъ объѣдать! нагло прибавилъ Ферфичкинъ.

— По моему такъ даже просто бѣдно, — серьезно замѣтилъ Трудолюбовъ.

— И какъ вы похуѣли, какъ перемѣнились... съ тѣхъ поръ... прибавилъ Звѣрковъ, уже не безъ яду, съ какимъ-то нахальнымъ сожалѣніемъ разсматривая меня и мой костюмъ.

— Да полно конфузить-то! — хихикая вскрикнулъ Ферфичкинъ.

— Милостивый государь, знайте, что я не конфужусь, — прорвался я наконецъ, — слышите-съ! Я объѣдаю здѣсь, «въ кафе-ресторанѣ» на свои деньги, на свои, а не на чужія, замѣтите это м-е Ферфичкинъ.

— Ка-акъ! кто-жъ это здѣсь не на свои объѣдаетъ? Вы какъ будто... вцѣпилъ Ферфичкинъ, покраснѣвъ какъ ракъ и съ остервененіемъ смотря мнѣ въ глаза.

— Та-акъ, отвѣчалъ я, чувствуя, что далеко зашолъ, — и полагаю, что лучше-бы намъ заняться разговоромъ поумнѣй.

— Вы, кажется, намѣреваетесь вашъ умъ показывать?

— Не беспокойтесь, это было-бы совершенно здѣсь лишнее.

— Да вы это, что, сударь вы мой, раскудактались, — а? вы не съ ума-ли ужь спятили, въ вашемъ департаментѣ?

— Довольно, господа, довольно! закричалъ всевластно Звѣрковъ.

— Какъ это глупо! проворчалъ Симоновъ.

— Дѣйствительно глупо, мы собрались въ дружеской компаніи, чтобъ проводить въ вояжъ добраго пріятели, а вы считаетесь, заговорилъ Трудолюбовъ, грубо обращаясь ко мнѣ одному. Вы къ намъ сами вчера напросились, не разстроивайте-же общей гармоніи...

— Довольно, довольно, кричалъ Звѣрковъ. — Перестаньте господа, это нейдетъ. А вотъ я вамъ, лучше расскажу какъ я третьяго дня чуть не женился...

И вотъ начался какой-то пашквиль о томъ какъ этотъ господинъ третьяго-дня чуть не женился. О женитьбѣ впрочемъ не было ни слова, но въ рассказѣ все мелькали генералы, полковники и даже камеръ-юнкера, а Звѣрковъ между ними чуть не въ главѣ. Начался одобрителный смѣхъ; Ферфичкинъ даже взвизгивалъ.

Всѣ меня бросили и я сидѣлъ раздавленный и уничтоженный.

— Господи, мое-ли это общество! думалъ я. И какимъ дуракомъ я выставилъ себя самъ передъ ними! Я однакожъ много позволилъ Ферфичкину. Думаютъ балбесы, что честь мнѣ сдѣлали давъ мѣсто за своимъ столомъ, тогда какъ не понимаютъ, что это я, я имъ дѣлаю честь, а не мнѣ они! «Похудѣлъ! Костюмъ!» О проклятые панталоны! Звѣрковъ еще давеча замѣтилъ желтое пятно на колѣнкѣ... Да чего тутъ! Сейчасъ-же, сію минуту встать изъ за стола, взять шляпу и просто уйти, не говоря ни слова... Изъ презрѣнья! А завтра хоть на дуэль. Подлецы. Вѣдь не семи же рублей мнѣ жалѣть. Пожалуй подумаютъ... Чортъ возьми! Не жаль мнѣ семи рублей! Сію минуту ухожу!..

Разумѣется я остался.

Я пилъ съ горя лафитъ и хересь стаканами. Съ непривычки быстро хмѣлѣлъ, а съ хмѣлемъ росла и досада. Мнѣ вдругъ захотѣлось оскорбить ихъ всѣхъ самымъ дерзкимъ образомъ и потомъ ужь уйти. Улучить минуту и показать себя: пусть-же скажутъ: хоть и смѣшонъ, да умень... и... и... однимъ словомъ, чортъ съ ними!

Я нагло обвелъ ихъ всѣхъ осоловѣлыми глазами. Но они точно ужь меня позабыли совсѣмъ. У *нихъ* было шумно, крикливо, весело. Говорилъ все Звѣрковъ. Я началъ прислушиваться. Звѣрковъ рассказывалъ о какой-то пышной дамѣ, которую онъ довель таки, наконецъ, до признанья (разумѣется лгалъ какъ лошадь) и что въ этомъ дѣлѣ особенно помогалъ ему его интимный другъ, какой-то князекъ, гусарикъ Коля, у котораго три тысячи душъ.

— А между тѣмъ этого Коли, у котораго три тысячи душъ, здѣсь нѣтъ какъ нѣтъ, проводить-то васъ — ввязался я вдругъ въ разговоръ. На минуту всѣ замолчали.

— Вы ужь о сю пору пьяны, — согласился наконецъ замѣтить меня Трудолюбовъ, презрительно наклонивъ въ мою сторону. Звѣрковъ молча разсматривалъ меня какъ букашку. Я опустилъ глаза. Симоновъ поскорѣй началъ разливать шампанское.

Трудолюбовъ поднялъ бокалъ, за нимъ всѣ, кромѣ меня.

— Твое здоровье и счастливаго пути! — крикнулъ онъ Звѣркову; — За старые годы, господа, за наше будущее, ура!

Всѣ выпили и полѣзли цаловаться съ Звѣрковымъ. Я не трогался; полный бокалъ стоялъ передо мной непочатый.

— А вы развѣ не станете пить? заревѣлъ потерявшій терпѣніе Трудолюбовъ, грозно обращаясь ко мнѣ.

— Я хочу сказать спичъ съ своей стороны, особо... и тогда выпью, господинъ Трудолюбовъ.

— Противная злючка! проворчалъ Симоновъ.

Я выпрямился на стулѣ и взялъ бокалъ въ лихорадкѣ, готовясь къ чему-то необыкновенному, и самъ еще не зная, что именно я скажу.

— Silence! — крикнулъ Ферфичкинъ. — То-то ума-то будетъ!

Звѣрковъ ждалъ очень серьезно, понимая въ чемъ дѣло.

— Господинъ поручикъ Звѣрковъ, началъ я, знайте, что я ненавижу фразу, фразеровъ и талы съ перехватами... Это первый пунктъ, а за симъ послѣдуетъ второй.

Всѣ сильно пошевелились.

— Второй пунктъ: ненавижу клубничку и клубничниковъ. И особенно клубничниковъ!

— Третій пунктъ: люблю правду, искренность и честность, продолжалъ я почти машинально, потомучто самъ начиналъ ужъ леденѣть отъ ужаса, не понимая какъ это я такъ говорю... — Я люблю мысль, М-ье Звѣрковъ; я люблю настоящее товарищество, на равной ногѣ, а не... гм... Я люблю... А впрочемъ отчегожъ? И я выпью за ваше здоровье, М-ье Звѣрковъ. Прельщайте черкешенокъ, стрѣляйте враговъ отечества и... и... За ваше здоровье М-ье Звѣрковъ!

Звѣрковъ всталъ со стула, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Очень вамъ благодаренъ,

Онъ былъ ужасно обиженъ и даже поблѣднѣлъ.

— Чортъ возьми! заревѣлъ Трудолюбовъ, ударивъ по столу кулакомъ.

— Нѣтъ-съ, за это по рожѣ бьютъ! — взвизгнулъ Ферфичкинъ.

— Выгнать его надо! проворчалъ Симоновъ.

— Ни слова, господа, ни жеста! торжественно крикнулъ Звѣрковъ, останавливая общее негодованье. Благодарю васъ всѣхъ, но я самъ съумѣю доказать ему насколько цѣню его слова.

— Господинъ Ферфичкинъ, завтра-же вы мнѣ дадите удовлетворенье за ваши сейчаснія слова! громко сказалъ я, важно обращаясь къ Ферфичкину.

— То есть дуэль-съ? Извольте-съ, отвѣчалъ тотъ, но вѣрно я былъ такъ смѣшонъ вызывая, и такъ это не шло къ моей фигурѣ, что всѣ, а за всѣми и Ферфичкинъ, такъ и легли со смѣху.

— Да конечно бросить его! Вѣдь совсѣмъ ужъ пьянь! съ омерзеньемъ проговорилъ Трудолюбовъ.

— Никогда не прошу себѣ, что его записалъ! проворчалъ опять Симоновъ.

— Вотъ теперь бы и пустить бутылкой во всѣхъ, подумалъ я, взялъ бутылку и... налилъ себѣ полный стаканъ.

...Нѣтъ, лучше досижу до конца! продолжалъ я думать, — вы были-бы рады, господа, чтобъ я ушелъ. Ни за что. Нарочно буду сидѣть и пить до конца, въ знакъ того, что не придаю вамъ ни малѣйшей важности. Буду сидѣть и пить, потомучто здѣсь кабакъ, а я деньги за входъ заплатилъ. Буду сидѣть и пить, потомучто васъ за пѣшекъ считаю, за пѣшекъ не существующихъ. Буду сидѣть и пить... и пѣть если захочу, да-съ и пѣть, потомучто право такое имѣю... чтобъ пѣть.. гм.

Но я не пѣлъ. Я старался только ни на кого изъ нихъ не глядѣть; принималъ независимѣйшія позы, и съ нетерпѣньемъ ждалъ когда со мной они сами, *первые*, заговорятъ. Но увы, они не заговаривали. И какъ-бы, какъ-бы я желалъ въ эту минуту съ ними помириться! Пробило восемь часовъ, наконецъ девять. Они перешли со стола на диванъ. Звѣрковъ разлегся на кушеткѣ, положивъ одну ногу на круглый столикъ. Туда перенесли и вино. Онъ дѣйствительно выставилъ имъ три бутылки своихъ. Меня разумѣется не пригласилъ. Всѣ обсѣли его на диванѣ. Они слушали его чуть не съ благоговѣньемъ. Видно было, что его любили. «За что? за что?» думалъ я про себя. Изрѣдка они приходили въ пьяный восторгъ и цаловались. Они говорили о Кавказѣ, о томъ что такое истинная страсть, о гальбикѣ, о выгодныхъ мѣстахъ по службѣ; о томъ сколько доходу у гусара Подхаржевскаго, котораго никто изъ нихъ не зналъ лично и радовались что у него много доходу; о необыкновенной красотѣ и граціи княгини Д-й, которую тоже никто изъ нихъ никогда не видалъ; наконецъ дошло до того что Шекспиръ безсмертенъ.

Я презрительно улыбался и ходилъ по другую сторону комнаты, прямо противъ дивана, вдоль стѣны, отъ стола до печки и обратно. Всѣми силами я хотѣлъ показать, что могу и безъ нихъ обойтись; а между тѣмъ нарочно стучалъ сапогами, становясь на каблуки. Но все было напрасно: *Они-то* и не обращали на меня никакого вниманія. Я имѣлъ терпѣнье проходить такъ, прямо передъ ними, съ восьми до одиннадцати часовъ, все по одному и тому-же мѣсту, отъ стола до печки и отъ печки обратно къ столу: «Такъ, хожу себѣ и никто не можетъ мнѣ запретить.» Входившій въ комнату слуга нѣсколько разъ останавливался смотрѣть на меня; отъ частыхъ оборотовъ у меня кружилась голова; минутами мнѣ казалось, что я въ бреду. Въ эти три часа я три раза вспотѣлъ и просохъ. Порой съ глубочайшею, съ ядовитою болью вонзалась въ мое сердце мысль: что пройдетъ десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, сорокъ лѣтъ, а я все таки, хоть и черезъ сорокъ лѣтъ, съ отвращеніемъ и съ униженіемъ вспомню объ этихъ грязнѣйшихъ, смѣшнѣйшихъ и ужаснѣйшихъ минутахъ изъ всей моей жизни. Безсовѣстнѣе и добровольнѣе унижать себя самому было ужъ невозможно, и я вполнѣ, вполнѣ понималъ это и все-таки продолжалъ ходить отъ стола до печки и обратно. «О, еслибъ вы только знали на какія чувства и мысли способенъ я, и какъ я развитъ!» думалъ я минутами, мысленно обращаясь къ дивану, гдѣ сидѣли враги мои. Но враги мои вели себя такъ какъ будто меня и не было въ комнатѣ. Разъ, одинъ только разъ они обернулись ко мнѣ, именно когда Звѣрковъ заговорилъ о Шекспирѣ, а я вдругъ, презрительно захохоталъ. Я такъ выдѣланно и гадко фыркнулъ, что они всѣ разомъ прервали разговоръ и молча наблюдали минуты двѣ, серьезно, не смѣясь, какъ я хожу по стѣнкѣ, отъ стола до печки и какъ я *не обращаю на нихъ никакого вниманія*. Но ничего не вышло: они не заговорили и черезъ двѣ минуты опять меня бросили. Пробыло одиннадцать.

— Господа, закричалъ Звѣрковъ, подымаясь съ дивана, — теперь всѣ *туда*.

— Конечно, конечно! — заговорили другіе.

Я круто поворотилъ къ Звѣркову. Я былъ до того измученъ, до того изломанъ, что хоть зарѣзаться, а покончить! У меня была лихорадка; смоченные потомъ волосы присохли ко лбу и вискамъ.

— Звѣрковъ! я прошу у васъ прощенья, сказалъ я рѣзко и рѣшительно; — Ферфичкинъ, и у васъ тоже, у всѣхъ, у всѣхъ, я обидѣлъ всѣхъ!

— Ага! дуэль-то не свой братъ! — ядовито прошипѣлъ Ферфичкинъ.

Меня больно рѣзнуло по сердцу.

— Нѣтъ, я не дуэли боюсь, Ферфичкинъ! Я готовъ съ вами же завтра драться, уже послѣ примиренія. Я даже настаиваю на этомъ и вы не можете мнѣ отказать. Я хочу доказать вамъ, что я не боюсь дуэли. Вы будете стрѣлять первый, а я выстрѣлю на воздухъ.

— Самъ себя тѣшить, — замѣтилъ Симоновъ.

— Просто сбрендилъ! отозвался Трудолюбовъ.

— Да позвольте пройти, что вы поперекъ дороги стали! Ну чего вамъ надобно? — презрительно отвѣчалъ Звѣрковъ. Всѣ они были красные; глаза у всѣхъ блистали: много пили.

— Я прошу вашей дружбы, Звѣрковъ, я васъ обидѣлъ, но...

— Обидѣли? В-вы! Ми-ня! Знайте, милостивый государь, что вы никогда и не при какихъ обстоятельствахъ не можете *меня* обидѣть!

— И довольно съ васъ, прочь! — скрѣпилъ Трудолюбовъ. — Ыдемъ!

— Олимпія моя, господа, уговоръ! крикнулъ Звѣрковъ.

— Не оспариваемъ! не оспариваемъ! отвѣчали ему смѣясь.

Я стоялъ оплеванный. Ватага шумно выходила изъ комнаты, Трудолюбовъ затащилъ какую-то глупую пѣсню. Симоновъ остался на крошечную минутку, чтобъ дать на чай слугамъ. Я вдругъ подошелъ къ нему.

— Симоновъ! дайте мнѣ шесть рублей! — сказалъ я рѣшительно и отчаянно. Онъ поглядѣлъ на меня въ чрезвычайномъ изумленіи, какими-то тупыми глазами. Онъ тоже былъ пьянъ.

— Да развѣ вы и *туда* съ нами?

— Да!

— У меня денегъ нѣтъ! — отрѣзалъ онъ, презрительно усмѣхнулся и пошолъ изъ комнаты.

Я схватилъ его за шинель. Это былъ кошмаръ.

— Симоновъ! я видѣлъ у васъ деньги, зачѣмъ вы мнѣ отказываете? Развѣ я подлецъ? Берегитесь мнѣ отказать: еслибъ вы знали, еслибъ вы знали для чего я прошу! Отъ этого зависитъ все, все мое будущее, всѣ мои планы...

Симоновъ вынулъ деньги и чуть не бросилъ ихъ мнѣ.

— Возьмите, если вы такъ безсовѣстны! — безжалостно проговорилъ онъ и побѣждалъ догонять ихъ.

Я остался на минуту одинъ. Беспорядокъ, объѣдки, разбитая рюмка на полу, пролитое вино, окурки папирось, хмѣль и бредъ въ головѣ, мучительная тоска въ сердцѣ, и наконецъ лакей, все видѣвшій и все слышавшій и любопытно заглядывавшій мнѣ въ глаза.

— *Туда!* вскрикнулъ я. «Или они всѣ на колѣнахъ, обнимая ноги мои будутъ вымаливать моей дружбы, или... или я дамъ Звѣркову пощочину!»

V.

— Такъ вотъ оно, такъ вотъ оно, наконецъ, столкновенье-то съ дѣйствительностью, — бормоталъ я, сбѣгая стремглавъ съ лѣстницы. — Это знать ужъ не папа, оставляющій Римъ и уѣзжающій въ Бразилію; это знать ужъ не балъ на озерѣ Комо!

— Подлецъ ты! — пронеслось въ моей головѣ, коли надъ этимъ теперь смѣешься.

— Пусть! крикнулъ я, отвѣчая себѣ. — Теперь вѣдь ужъ все погибло!

Ихъ ужъ и слѣдъ простылъ; но все равно; я зналъ куда они поѣхали.

У крыльца стоялъ одинокой ванька, ночникъ, въ сермягѣ, весь запорошенный все еще валившимся мокрымъ и какъ будто теплымъ снѣгомъ. Было парно и душно. Маленькая лохматая, пѣгая лошаденка его была тоже вся запорошена и кашляла; я это очень помню. Я бросился въ лубошныя санки; но только было я занесъ ногу, чтобъ сѣсть, воспоминаніе о томъ какъ Симоновъ сейчасъ давалъ мнѣ шесть рублей, такъ и подкосило меня, и я какъ мѣшокъ повалился въ санки.

— Нѣтъ! Надо много сдѣлать, чтобъ все это выкупить! прокричалъ я; но я выкуплю, или, въ эту же ночь погибну на мѣстѣ. Пошолъ!

Мы тронулись. Цѣлый вихрь кружился въ моей головѣ:

— На колѣнахъ умолять о моей дружбѣ, — они не стануть. Это миражъ, пошлый миражъ, отвратительный, романтическій и фантастическій; тотъ же балъ на озерѣ Комо. И потому я *долженъ* дать Звѣркову пощочину! Я обязанъ дать. И такъ рѣшено; я лечу теперь дать ему пощочину — Погоняй!

Ванька задергалъ возжами.

— Какъ войду такъ и дамъ. Надобно-ли сказать передъ пощочиной нѣсколько словъ, въ видѣ предисловія? Нѣтъ! Просто войду и дамъ. Они всѣ будутъ сидѣть въ залѣ, а онъ на диванѣ съ Олимпіей. Проклятая Олимпія! Она смѣялась разъ надъ моимъ лицомъ и отказалась отъ меня. Я оттаסקаю Олимпію за волосы, а Звѣркова за уши! Нѣтъ, лучше за одно ухо и за ухо проведу его по всей комнатѣ. Они, можетъ быть, всѣ начнутъ меня бить и вытолкають. Это даже навѣрно. Пусть! Все-же я пер-

вый даль пощочину: моя инициатива; а по законамъ чести это все: онъ уже заклеименъ и никакими побоями ужъ не смоесть съ себя пощочины, кромѣ какъ дуэлью. Онъ долженъ будетъ драться. Да и пусть они теперь бьютъ меня. Пусть, неблагородные! Особенно будетъ бить Трудолобовъ: онъ такой сильный. Ферфичкинъ прицѣпится съ боку и непремѣнно за волосы, навѣрно. Но пусть, пусть! Я на то пошолъ. Ихъ бараньи башки принуждены же будутъ раскусить наконецъ во всемъ этомъ трагическое! Когда они будутъ тащить меня къ дверямъ, я закричу имъ, что въ сущности они не стоятъ моего одного мизинца. Погоняй извощикъ, погоняй! закричалъ я на Ваньку. Онъ даже вздрогнулъ и взмахнулъ кнутомъ. Очень ужъ дико я крикнулъ.

На разсвѣтъ деремся, это ужъ рѣшено. Съ департаментомъ кончено. Ферфичкинъ сказалъ давеча вмѣсто департамента департаментъ. Но гдѣ взять пистолетовъ? Вздоръ! Я возьму впередъ жалованья и куплю. А пороху, а пуль? Это дѣло секунданта. И какъ успѣтъ все это къ разсвѣту? И гдѣ я возьму секунданта? У меня нѣтъ знакомыхъ... Вздоръ! крикнулъ я, взвихриваясь еще больше, вздоръ! Первый встрѣчный на улицѣ, къ которому я обращусь, обязанъ быть моимъ секундантомъ, точно также какъ вытасчить изъ воды утопающаго. Самые эксцентрическіе случаи должны быть допущены. Да еслибъ я самого даже директора завтра попросилъ въ секунданты, то и тотъ долженъ бы былъ согласиться, изъ одного рыцарскаго чувства, и сохранить тайну! — Антонъ Антонычъ...

Дѣло въ томъ, что въ ту же самую минуту мнѣ яснѣе и ярче, чѣмъ кому-бы то ни было во всемъ мірѣ, представлялась вся гнуснѣйшая нелѣпость моихъ предположеній и весь оборотъ медали, но...

— Погоняй, извощикъ, погоняй шельмецъ, погоняй!

— Эхъ баринъ! проговорила земская сила.

Холодъ вдругъ обдалъ меня.

А не лучше-ли... а не лучше-ли... прямо теперь-же домой? О Боже мой! зачѣмъ, зачѣмъ вчера я вызвался на этотъ обѣдъ! Но нѣтъ, невозможно! А прогулка-то три часа отъ стола до печки? Нѣтъ, они, они, а не кто другой должны расплатиться со мною за эту прогулку! Они должны смыть это безчестіе! Погоняй!

— А что если они меня въ часть отдадутъ? Не посмѣютъ? Скандала побоятся. А что если Звѣрковъ изъ презрѣнья откажется отъ дуэли? Это даже навѣрно; но я докажу имъ тогда... Я брошусь тогда на почтовый дворъ, когда онъ будетъ завтра уѣзжать, схвачу его за ногу, сорву съ него шинель, когда онъ будетъ въ повозку влѣзать. Я зубами вцѣплюсь ему въ руку, я укушу его. «Смотрите всѣ, до чего можно довести отчаяннаго человѣка!» Пусть онъ бьетъ меня въ голову, а всѣ они сзади. Я всей публикѣ закричу: смотрите, вотъ молодой щенокъ, который ѣдетъ плѣнять черкешенокъ съ моимъ плевкомъ на лицѣ!

Разумѣется послѣ этого все уже кончено! Департаментъ исчезъ съ лица земли. Меня схватятъ, меня будутъ судить, меня выгонятъ изъ службы, посадятъ въ острогъ, пошлютъ въ Сибирь, на поселеніе. Нужды нѣтъ! Черезъ пятнадцать лѣтъ я потащусь за нимъ въ рублищѣ, нищимъ, когда меня выпустятъ изъ острога. Я отыщу его гдѣ нибудь въ губернскомъ, городѣ. Онъ будетъ женатъ и счастливъ. У него будетъ взрослая дочь... Я скажу: смотри извергъ, смотри на мои ввалившіяся щоки и на мое рублище! Я потерялъ все, — карьеру, счастье искусство, науку, любимую женщину, и все изъ-за тебя. Вотъ пистолеты. Я пришелъ разрядить свой пистолетъ и... и прощаю тебя. Тутъ я выстрѣлю на воздухъ и обо мнѣ ни слуху, ни духу...

Я было даже заплакалъ, хотя совершенно точно зналъ, въ это же самое мгновеніе, что все это изъ Сильвіо и изъ Маскарада Лермонтова. И вдругъ мнѣ стало ужасно стыдно, до того стыдно, что я остановилъ лошадь, вылѣзъ изъ саней и сталъ въ снѣгъ среди улицы. Ванька съ изумленіемъ и вздыхая смотрѣлъ на меня.

Что было дѣлать? И туда было нельзя — выходилъ вздоръ; и оставить дѣла нельзя, потомучто ужь тутъ выйдетъ... Господи! Какъ же это можно оставить! И послѣ такихъ обидъ! Нѣтъ! вскрикнулъ я, снова кидаюсь въ сани: это предназначено, это рокъ! погоняй, погоняй, туда!

И въ нетерпѣніи я ударилъ кулакомъ извощика въ шею.

— Да что ты, чего дерешься? закричалъ мужичонка, стегая однакожь клячу, такъ что та начала лягаться задними ногами.

Мокрый снѣгъ валилъ хлопьями; я раскрылся, мнѣ было не до него. Я забылъ все прочее, потомучто окончательно рѣшился на пощочину и съ ужасомъ ощущалъ, что это вѣдь ужь *непреренно, сейчасъ* теперь случится и *ужь никакими силами остановить нельзя*. Пустынные фонари утрюмо мелькали въ снѣжной мглѣ, какъ факелы на похоронахъ. Снѣгъ набился мнѣ подъ шинель, подъ сертукъ, подъ галстухъ и тамъ таялъ; я не закрывался: вѣдь ужь и безъ того все было потеряно! Наконецъ мы подѣхали. Я выскочилъ почти безъ памяти, взбѣжалъ по ступенькамъ и началъ стучать въ дверь руками и ногами. Особенно ноги, въ колѣнкахъ, у меня ужасно слабѣли. Какъ-то скоро отворили; точно знали о моемъ прїѣздѣ. (Дѣйствительно Симоновъ предувѣдомилъ, что можетъ быть еще будетъ одинъ, а здѣсь надо было предувѣдомлять и вообще брать предосторожности. Это былъ одинъ изъ тѣхъ тогдашнихъ «модныхъ магазиновъ,» которые давно уже теперь истреблены полиціей. Днемъ и въ самомъ дѣлѣ это былъ магазинъ; а по вечерамъ, имѣющимъ рекомендацію, можно было прїѣзжать въ гости). Я прошелъ скорыми шагами черезъ темную лавку въ знакомый мнѣ залъ, гдѣ горѣла всего одна свѣчка и остановился въ недоумѣніи: никого не было.

— Гдѣ, гдѣ-же они? — спросилъ я у кого-то.

Но они, разумѣется, уже успѣли разойтись...

Передо мной стояла одна личность, съ глупой улыбкой, сама хозяйка, отчасти меня знавшая. Черезъ минуту отворилась дверь и вошла другая личность.

Не обращая ни на что вниманія я шагаль по комнатѣ и кажется говорилъ самъ съ собой. Я былъ точно отъ смерти спасенъ и всѣмъ существомъ своимъ радостно это предчувствовалъ: вѣдь я бы далъ пощочину, я бы непремѣнно, непремѣнно далъ пощочину! Но теперь ихъ нѣтъ и... все исчезло, все перемѣнилось!.. Я оглядывался кругомъ. Я еще не могъ сообразить. Машинально я взглянулъ на вошедшую дѣвушку: передо мной мелькнуло свѣжее, молодое, нѣсколько блѣдное лицо, съ прямыми темными бровями, съ серьезнымъ и какъ-бы нѣсколько удивленнымъ взглядомъ. Мнѣ это тотчасъ же понравилось; я бы возненавидѣлъ ее, еслибъ она улыбалась. Я сталъ вглядываться пристальнѣе и какъ-бы съ усиленіемъ: мысли еще не всѣ собрались. Что-то простодушное и доброе было въ этомъ лицѣ, но какъ-то до странности серьезное. Я увѣренъ, что она этимъ здѣсь проигрывала и изъ тѣхъ дураковъ ее никто не замѣтилъ. Впрочемъ она не могла назваться красавицей, хоть и была высокаго роста, сильна, хорошо сложена. Одѣта чрезвычайно просто. Что-то гадкое укусило меня; я подошелъ прямо къ ней...

Я случайно поглядѣлся въ зеркало. Вздурараженное лицо мое мнѣ показалось до крайности отвратительнымъ: блѣдное, злое, подлое, съ лохматыми волосами. «Это пусть, этому я радъ, подумалъ я; я именно радъ что покажусь ей отвратительнымъ; мнѣ это прїятно»...

VI.

...Гдѣ-то за перегородкой, какъ будто отъ какого-то сильнаго давленія, какъ-будто кто-то душилъ ихъ — захрипѣли часы. Послѣ неестественно долгаго хрипѣнья послѣдовалъ тоненькій, гаденькій и какъ-то неожиданно-частый звонъ, — точно кто-то вдругъ впередъ выскочилъ. Пробыло два. Я очнулся, хоть и не спалъ, а только лежалъ въ полузабытіи.

Въ комнатѣ узкой, тѣсной и низкой, загроможденной огромнымъ платянымъ шкапомъ и забросанной картонками, тряпьемъ и всяческимъ одежнымъ хламомъ, — было почти совсѣмъ темно. Огарокъ, свѣтившій на столѣ въ концѣ комнаты, совсѣмъ потухалъ, изрѣдка чуть-чуть вспыхивая. Черезъ нѣсколько минутъ должна была наступить совершенная тьма.

Я приходилъ въ себя недолго; все разомъ, безъ усилій, тотчасъ-же мнѣ вспомнилось, какъ будто такъ и сторожило меня чтобъ опять накинуться. Да и въ самомъ забытьи все-таки въ памяти постоянно оставалась какъ будто какая-то точка, никакъ не забывавшаяся, около которой тяжело ходили мои сонныя грезы. Но странно было: все, что случилось со мной въ этотъ день, показалось мнѣ теперь, по пробужденіи, уже давнымъ-давно прошедшимъ, какъ будто я уже давно-давно выжилъ изъ всего этого.

Въ головѣ былъ угаръ. Что-то какъ будто носилось надо мной и меня задѣвало, возбуждало и беспокоило. Тоска и жолчь снова накопили и искали исхода. Вдругъ, рядомъ со мной, я увидѣлъ два открытые глаза, любопытно и упорно меня разсматривавшіе. Взглядъ былъ холодно-безучастный, угрюмый, точно совсѣмъ чужой; тяжело отъ него было.

Угрюмая мысль зародилась въ моемъ мозгу и прошла по всему тѣлу какимъ-то сквернымъ ощущеніемъ, похожимъ на то, когдаходишь въ подполье, сырое и затхлое. Какъ-то неестественно было, что именно только теперь, эти два глаза вздумали меня начать разсматривать. Вспомнилось мнѣ тоже, что въ продолженіе двухъ часовъ я не сказалъ съ этимъ существомъ ни одного слова и совершенно не счелъ этого нужнымъ; даже это мнѣ давеча почему-то нравилось. Теперь-же, мнѣ вдругъ ярко представилась нелѣпая, отвратительная какъ паукъ, идея разврата, который безъ любви, грубо и безстыже, начинаетъ прямо съ того, чѣмъ настоящая любовь вѣнчается. Мы долго смотрѣли такъ другъ на друга, но глазъ своихъ она, передъ моими, не опускала и взгляду своего не мѣняла, такъ что мнѣ стало наконецъ отчего-то жутко.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я отрывисто, чтобъ поскорѣй кончить.

— Лизой, отвѣтила она почти шопотомъ, но какъ-то совсѣмъ непривѣтливо и отвела глаза.

Я помолчалъ.

— Сегодня погода... снѣгъ... гадко! проговорилъ я почти про себя, тоскливо заложивъ руку за голову и смотря въ потолокъ. Она не отвѣчала. Безобразно все это было.

— Ты здѣшняя? спросилъ я черезъ минуту, почти въ сердцахъ, слегка поверотивъ къ ней голову.

— Нѣтъ.

— Откуда?

— Изъ Риги, — проговорила она, нехотя.

— Нѣмка?

— Русская.

— Давно здѣсь?

— Гдѣ?

— Въ домѣ.

— Двѣ недѣли. Она говорила все отрывистѣе и отрывистѣе. Свѣчка совершенно потухла; я не могъ уже различать ея лица.

— Отецъ и мать есть?

— Да... нѣтъ... есть.

— Гдѣ они?

— Тамъ... въ Ригѣ.

— Кто они?

— Такъ...

- Какъ: такъ? Кто, какого званія?
- Мѣщане.
- Ты все съ ними жила?
- Да.
- Сколько тебѣ лѣтъ?
- Двадцать.
- Зачѣмъ-же ты отъ нихъ ушла?
- Такъ...

Это *такъ* означало: отвяжись, тошно. Мы замолчали.

Богъ знаетъ почему я неуходилъ. Мнѣ самому становилось все тошнѣе и тоскливѣе. Образы всего прошедшаго дня какъ-то сами собой, безъ моей воли, беспорядочно стали проходить въ моей памяти. Я вдругъ вспомнилъ одну сцену, которую видѣлъ утромъ на улицѣ, когда озабоченно трусилъ въ должность.

— Сегодня гробъ выносили и чуть не уронили, вдругъ проговорилъ я вслухъ, совсѣмъ и нежелая начинать разговора, а такъ, почти нечаянно.

- Гробъ?
- Да, на Сѣнной; выносили изъ подвала.
- Изъ подвала?
- Не изъ подвала, а изъ подвального этажа... ну знаешь... тамъ, внизу... изъ дурного дома... Грязь такая была кругомъ... Скорлупа, соръ... пахло... Мерзко было.

Молчаніе.

- Скверно сегодня хоронить! началъ я опять, чтобы только не молчать.
- Чѣмъ скверно?
- Снѣгъ, мокрять... (Я зѣвнулъ).
- Все равно, вдругъ сказала она, послѣ нѣкотораго молчанья.
- Нѣтъ, гадко... (Я опять зѣвнулъ). Могильщики вѣрно ругались, оттого что снѣгъ мочилъ. А въ могилѣ вѣрно была вода.

— Отчего въ могилѣ вода? спросила она съ какимъ-то любопытствомъ, но выговаривая еще грубѣе и отрывочнѣе чѣмъ прежде. Меня вдругъ что-то начало подзадоривать.

— Какже, вода, на днѣ, вершковъ на шесть. Тутъ ни одной могилы, на Волковомъ, сухой не выроешь.

— Отчего?

— Какъ отчего? Мѣсто водяное такое. Здѣсь вездѣ болото. Такъ въ воду и кладутъ. Я видѣлъ самъ... много разъ...

(Ни одного разу я не видалъ, да и на Волковомъ никогда не былъ, а только слышалъ какъ рассказывали).

- Неужели тебѣ все равно, умирать-то?
- Да зачѣмъ я помру? — отвѣчала она какъ-бы защищаясь.
- Когданибудь да умрешь-же и также точно умрешь, какъ давешняя покойница. Это была... тоже дѣвушка одна... Въ чахоткѣ померла.

— Дѣвка въ больницѣ-бы померла.. (Она ужъ объ этомъ знаетъ подумалъ я, и сказала: дѣвка, а не дѣвушка).

— Она хозяйкѣ должна была, возразилъ я все болѣе и болѣе подзадориваясь споромъ, — и до самаго почти конца ей служила, хоть и въ чахоткѣ была. Извошки кругомъ говорили съ солдатами, рассказывали это. Вѣрно ее знакомые бывшіе. Смѣялись. Еще въ кабакѣ ее помянутъ собирались. (Я и тутъ много привралъ).

Молчанье, глубокое молчаніе. Она даже не шевелилась.

- А въ больницѣ-то, лучше что-ль помирать?
- Не все-ль одно?.. Да съ чего мнѣ помирать? прибавила она раздражительно.
- Не теперь такъ потому?

— Ну и потомь...

— Какъ-бы не такъ! — Ты вотъ теперь молода, хороша, свѣжа, — тебя во столько и цѣнять. А черезъ годъ этой жизни ты не то ужъ будешь, увянешь.

— Черезъ годъ?

— Во всякомъ случаѣ черезъ годъ тебѣ будетъ меньше цѣна, продолжалъ я съ злорадствомъ. Ты и перейдешь отсюда куда нибудь ниже, въ другой домъ. Еще черезъ годъ — въ третій домъ, все ниже и ниже, а лѣтъ черезъ семь и дойдешь на Сѣнной до подвала. Это еще хорошо-бы. А вотъ бѣда коль у тебя кромѣ того объявится какая болѣзнь, ну тамъ слабость груди... аль сама простудишься, али что нибудь. Въ такой жизни болѣзнь туго проходитъ. Привяжется, такъ пожалуй и не отвяжется. Вотъ и помрешь.

— Ну и помру, — отвѣтила она, совсѣмъ ужъ злобно и быстро пошевелинулась.

— Да вѣдь жалко.

— Кого?

— Жизни жалко.

Молчанье.

— У тебя былъ женихъ? а?

— Вамъ начто?

— Да я тебя не допытываю. Мнѣ что. Чего ты сердишься? У тебя конечно могли быть свои непріятности. Чего мне? А такъ, жаль.

— Кого?

— Тебя жаль.

— Нечего... шепнула она чуть слышно, и опять шевельнулась.

Меня это тотчасъ-же подозлило. Какъ! я такъ-было кротко съ ней, а она...

— Да ты что думаешь? На хорошей ты дорогѣ, а?

— Ничего я не думаю.

— То и худо что не думаешь. Очнись пока время есть. А время-то есть. Ты еще молода, собой хороша; могла-бы полюбить, замужь пойти, счастливой быть...

— Не всѣ замужемъ-то счастливыя, — отрѣзала она прежней грубой скороговоркой.

— Не всѣ, конечно, — а все-таки лучше гораздо, чѣмъ здѣсь. Невпримѣрь лучше. А съ любовью и безъ счастья можно прожить. И въ горѣ жизнь хороша, хорошо жить на свѣтѣ, даже какъ-бы ни жить. А здѣсь что, кромѣ... смрада. Фуй!

Я повернулся съ омерзеньемъ; я уже нехолодно резонерствовалъ. Я самъ начиналъ чувствовать что говорю и горячился. Я уже свои завѣтные *идейки* въ углу выжитыя жаждалъ изложить. Что-то вдругъ во мнѣ загорѣлось, какая-то цѣль «явилась».

— Ты не смотри на меня, что я здѣсь, я тебѣ не примѣрь. Я можетъ еще тебя хуже. Я, впрочемъ, пьяный сюда зашолъ, поспѣшилъ я все-таки оправдать себя. Ктому-жъ мужчина женщинѣ совсѣмъ непримѣрь. Дѣло розное; я хоть и гажу себя и мараю, да за то ни чей я не рабъ; былъ да пошолъ и нѣтъ меня. Стряхнулъ съ себя и опять не тотъ. А взять то, что ты съ перваго начала, раба. Да, раба! Ты все отдаешь, всю волю. И порвать потомъ эти цѣпи захочешь, да ужъ нѣтъ: все крѣпче и крѣпче тебя будетъ опутывать. Это ужъ такая цѣпь проклятая. Я ее знаю. Ужъ о другомъ я и не говорю, ты и не поймешь, пожалуй, а вотъ скажи-ка: Вѣдь ты навѣрно ужъ хозяйкѣ должна? Ну вотъ видишь! прибавилъ я, хотя она мнѣ не отвѣтила, а только молча всѣмъ существомъ своимъ слушала; — вотъ тебѣ и цѣпь! Ужъ никогда теперь не откупишься. Такъ сдѣлають. Все равно что чорту душу... ..И к тому ж я... может быть, тоже такой же несчастный, почем ты знаешь, и нарочно в грязь лезу, тоже с тоски. Ведь пьют же с горя: ну, а я вот здесь — с горя. Ну скажи, ну что тут хорошего: вот мы с тобой... сошлись... давеча, и слова мы во всё время друг с дружкой не молвили, и ты меня, как дикая, уж потом рассматривать стала; и я тебя также. Разве эдак любят? Разве эдак человек с человеком сходиться должны? Это безобразие одно, вот что!

— Да! — рѣзко и поспѣшно она мнѣ поддакнула. Меня даже удивила поспѣшность этого *да*. Значить и у ней можетъ быть таже самая мысль бродила въ головѣ, когда она давеча меня разсматривала? Значить и она уже способна къ нѣкоторымъ мыслямъ?.. Чортъ возьми, это любопытно, это — *сродни*, думалъ я, чуть не потирая себѣ руки. Да и какъ съ молодой такой душой не справиться?..

Болѣе всего меня игра увлекала.

Она повернула свою голову ближе ко мнѣ и, показалось мнѣ въ темнотѣ, подперлась рукой. Можетъ быть меня разсматривала. Какъ жалѣлъ я, что не могъ разглядѣть ея глазъ. Я слышалъ ея глубокое дыханье.

— Зачѣмъ ты сюда пріѣхала? — началъ я уже съ нѣкоторою властью.

— Такъ...

— А вѣдь какъ хорошо въ отцовскомъ-то-бы домѣ жить! Тепло, привольно; гнѣздо свое.

— А коль того хуже?

Въ тонъ надо попасть, мелькнуло во мнѣ; сантиментальностью то пожалуй не много возьмешь.

Впрочемъ это такъ только мелькнуло. Клянусь она и въ самомъ дѣлѣ меня интересовала. Ктому-же я былъ какъ то разслабленъ и настроенъ. Да и плутовство вѣдь такъ легко уживается съ чувствомъ.

— Кто говоритъ! поспѣшилъ я отвѣтить; — все бываетъ. Я вѣдь вотъ увѣренъ, что тебя кто нибудь обидѣлъ и скорѣй передъ тобой виноваты, чѣмъ ты передъ *ними*. Я вѣдь ничего изъ твоей исторіи не знаю, но такая дѣвушка какъ ты вѣрно не съ охоты своей сюда попадетъ...

— Какая такая я дѣвушка? прошептала она едва слышно; но я разслышалъ.

Чортъ возьми, да я льщу. Это гадко. А можетъ и хорошо... Она молчала.

— Видишь, Лиза, — я про себя скажу! Была-бы у меня семья съ дѣтства, не такой-бы я былъ какъ теперь. Я объ этомъ часто думаю. Вѣдь какъ-бы ни было въ семьѣ худо — все отецъ съ матерью, а не враги, не чужіе. Хотя въ годъ разъ любовь тебѣ выкажутъ. Все таки ты знаешь, что ты у себя. Я вотъ безъ семьи выросъ; оттого вѣрно такой и вышелъ... безчувственный.

Я выждалъ опять.

«Пожалуй и не понимаетъ, думалъ я; да и смѣшно: — мораль».

— Еслибъ я былъ отецъ и была-бъ у меня своя дочь, я-бы кажется дочь больше чѣмъ сыновей любилъ, право; — началъ я сбоку, точно не объ томъ, чтобъ развлечь ее. Признаюсь, я краснѣлъ.

— Это зачѣмъ? спросила она.

А, стало быть слушаетъ!

— Такъ; не знаю, Лиза. Видишь: я зналъ одного отца, который былъ строгой, суровый человекъ, а передъ дочерью на колѣнкахъ простаивалъ, руки-ноги ей цаловалъ, налюбоваться не могъ, право. Она танцуетъ на вечерѣ, а онъ стоитъ пять часовъ на одномъ мѣстѣ, съ нее глазъ не спускаетъ. Помѣшался на ней; я это понимаю. Она ночью устанетъ — заснетъ; а онъ проснется и пойдетъ сонную ее цаловать и крестить. Самъ въ сертучишкѣ засаленомъ ходитъ, для всѣхъ скупой, а ей изъ послѣдняго покупаетъ, подарки даритъ богатые, и ужъ радость ему коль подарокъ понравится. Отецъ всегда дочерей больше любитъ, чѣмъ мать. Весело иной дѣвущкѣ дома жить! А я-бы кажется свою дочь и замужъ не выдавалъ.

— Да какже? спросила она, чуть чуть усмѣхнувшись.

— Ревноваль-бы, ей Богу. Ну какъ это другого она станетъ цаловать? чужого больше отца любить? Тяжело это и вообразить. Конечно все это вздоръ; конечно всякой подъ конецъ образумится. Но я-бъ кажется, прежде чѣмъ отдать, ужъ одной заботой себя замучилъ: всѣхъ-бы жениховъ перебраковалъ. А кончилъ-бы все таки тѣмъ, что выдалъ бы

за того, кого она сама любить. Вѣдь тотъ, кого дочь сама полюбитъ, всегда всѣхъ хуже отцу кажется. Это ужъ такъ. Много изъ за этого въ семьяхъ худа бываетъ.

— Другіе-то продать рады дочь, не то что честью отдать!, проговорила она вдругъ.

А вон оно что!

— Это Лиза, въ тѣхъ семьяхъ проклятыхъ, гдѣ ни Бога ни любви не бываетъ, съ жаромъ подхватилъ я, а гдѣ любви не бываетъ, тамъ и разсудка не бываетъ. Такія есть семьи, правда, да я не объ нихъ говорю. Ты видно въ своей семьѣ не видала добра, что такъ говоришь. Подлинно несчастная ты какая нибудь. Гм. Больше по бѣдности все это бываетъ.

— А у господь-то лучше что-ль! И по бѣдности честные люди хорошо живутъ.

— Гм... да. Можетъ быть. Опять и то, Лиза: человекъ только свое горе любить считать, а счастья своего не считаетъ. А счель-бы какъ должно, такъ и увидѣль-бы что на всякую долю его запасено. Ну а что коли въ семьѣ все удастся, Богъ благословитъ, мужъ выйдетъ хорошей, любить тебя, лелѣть тебя, не отходить отъ тебя! хорошо въ той семьѣ! Даже, иной разъ, и съ горемъ пополамъ хорошо; да и гдѣ горя нѣтъ? Выйдешь, можетъ, замужъ, *сама узнаешь*. За то взять хоть первое-то время замужемъ за тѣмъ кого любишь: счастья-то, счастья-то сколько иной разъ придетъ! да и сплошь да рядомъ. Въ первое-то время даже и ссоры съ мужемъ хорошо кончаются. Иная сама, чѣмъ больше любить, тѣмъ больше ссоры съ мужемъ завариваетъ. Право; я зналъ такую: «такъ-вотъ, люблю дескать очень, и изъ любви тебя мучаю, а ты чувствуй.» Знаешь-ли, что изъ любви нарочно человекъ можно мучить? Все больше женщины. А сама про себя думаетъ: «За то ужъ такъ буду потомъ любить, такъ заласкаю, что не грѣхъ теперь и помучить.» И въ домѣ всѣ на васъ радуются, и хорошо и весело и мирно и честно.. Вотъ другія тоже ревнивы бываютъ. Уйдетъ онъ куда, я зналъ одну, не стерпитъ, да въ самую ночь и выскочитъ, да и бѣжитъ потихоньку смотрѣть: не тамъ-ли, не въ томъ-ли домѣ, не съ той-ли? Это ужъ худо. И сама знаетъ что худо, и сердце у ней замираетъ и казнится, да вѣдь любить; все отъ любви. А какъ хорошо послѣ ссоры помириться, самой передъ нимъ повиниться, али его простить! И такъ хорошо обоимъ, такъ хорошо вдругъ станеть, — точно вновь они встрѣтились, вновь повѣнчались, вновь любовь у нихъ началась. И никто-то, никто-то не долженъ знать что между мужемъ и женой происходитъ, коль они любятъ другъ друга. И какая-бы ни вышла у нихъ ссора, — мать родную, и ту, не должны себѣ въ судьи звать и одинъ про другого рассказывать. Сами они себѣ судьи. Любовь — тайна Божія и отъ всѣхъ глазъ чужихъ должна быть закрыта, чтобы тамъ ни произошло. Святѣе отъ этого, лучше. Другъ друга больше уважаютъ, а на уваженіи много основано. И коль разъ ужъ была любовь, коль по любви вѣнчались, зачѣмъ любви проходить! Неужто нельзя ее поддержать? Рѣдко такой случай, что нельзя поддержать. Ну, а какъ мужъ человекъ добрый и честный удастся, такъ какъ тутъ любовь пройдетъ? Первая брачная любовь пройдетъ, правда; а тамъ прійдетъ любовь еще лучше. Тамъ душой сойдутся, всѣ дѣла свои сообща положутъ; тайны другъ отъ друга не будетъ. А дѣти пойдутъ, такъ тутъ каждое, хоть и самое трудное время счастьемъ покажется; только бы любить, да быть мужественнымъ. Тутъ и работа весела, тутъ и въ хлѣбѣ себѣ иной разъ отказываешь для дѣтей, и то весело. Вѣдь они-жъ тебя будутъ за это потомъ любить; себѣ-же значить копишь: — дѣти растутъ, — чувствуешь, что ты имъ примѣръ, что ты имъ поддержка; что и умрешь ты, они всю жизнь чувства и мысли твои будутъ носить на себѣ, такъ какъ отъ тебя получили, твой образъ и подобіе примутъ; Значить это великій долгъ. Какъ тутъ не сойтись тѣснѣй отцу съ матерью? Говорятъ вотъ дѣтей имѣть тяжело? Кто это говорить? Это счастье небесное! Любишь ты маленькихъ дѣтей, Лиза? я ужасно люблю. Знаешь, — розовенькой такой мальчикъ, грудь тебѣ сосетъ, да у какого мужа сердце повернется на жену, глядя какъ она съ его ребенкомъ сидитъ! Ребеночекъ

розовенькой, пухленькой, раскинется, нѣжится; ножки-ручки наливныя, ноготочки чистенькіе, маленькіе, такіе маленькіе что глядѣть смѣшно, глазки, точно ужь онѣ все понимаетъ. А сосеть — грудь тебѣ ручонкой теребитъ, играетъ. Отецъ подойдетъ, — оторвется отъ груди, перегнется весь назадъ, посмотритъ на отца, засмѣется, — точно ужь и Богъ знаетъ какъ смѣшно, — и опять, опять сосать примется. А то возьметъ, да и прикуситъ матери грудь, коль ужь зубки прорѣзываются, а самъ глазенками-то коситъ на нее: «видишь прикусилъ!» Да развѣ не все тутъ счастье, когда они трое, мужъ, жена и ребенокъ вмѣстѣ? За эти минуты много можно простить. Нѣтъ, Лиза, знать самому сначала нужно жить выучиться, а потомъ ужь другихъ обвинять!

«Картинками, вотъ этими-то картинками тебя надо!» — подумалъ я про себя, хотя ей богу съ чувствомъ говорилъ, и вдругъ покраснѣлъ, «А ну если она вдругъ расхохочется, куда я тогда полѣзу?» — Эта идея меня привела въ бѣшенство. Къ концу-то рѣчи я дѣйствительно разгорячился и теперь самолюбіе какъ-то страдало. Молчаніе длилось. Я даже хотѣлъ толкнуть ее.

— Чтой-то вы... начала она вдругъ и остановилась.

Но я уже все понялъ: въ ея голосѣ уже что-то другое дрожало, не рѣзкое, не грубое и несдающееся, какъ недавно, а что-то мягкое и стыдливое, до того стыдливое, что мнѣ самому какъ-то вдругъ передъ ней стыдно стало, виновато стало.

— Что? спросилъ я съ нѣжнымъ любопытствомъ.

— Да вы...

— Что?

— Чтой-то вы... точно какъ по книгѣ, сказала она, и что-то какъ-будто насмѣшливое, вдругъ опять слышалось въ ея голосѣ.

Больно ущипнуло меня это замѣчанье. Я не того ожидалъ.

Я и не понялъ, что она нарочно маскировалась въ насмѣшку, что это обыкновенная послѣдняя уловка стыдливыхъ и цѣломудренныхъ сердцемъ людей, которымъ грубо и навязчиво лѣзутъ въ душу и которые до послѣдней минуты не сдаются отъ гордости и боятся передъ вами высказать свое чувство. Уже по робости, съ которой она приступала, въ нѣсколько пріемовъ, къ своей насмѣшкѣ и наконецъ только рѣшилась высказать, я-бы долженъ былъ догадаться. Но я не догадался, и злое чувство обхватило меня.

— Пстой-же, подумалъ я.

VII.

— Э, полно Лиза, какая ужь тутъ книга, когда мнѣ самому гадко вчужѣ. Да и не вчужѣ. У меня все это теперь въ душѣ проснулось... Неужели, неужели тебѣ самой не гадко здѣсь? Нѣтъ, видно много значить привычка! Чортъ знаетъ, что привычка можетъ изъ человѣка сдѣлать. Да неужели-жъ ты серьезно думаешь, что никогда не состарѣешься, вѣчно хороша будешь и что тебя здѣсь вѣки-вѣчные держать будутъ? Я не говорю ужь про то, что и здѣсь пакость... А впрочемъ я вотъ что тебѣ про это скажу, про теперешнее-то твое житье: вотъ ты теперь хоть и молодая, пригожая, хорошая, съ душой, съ чувствомъ; ну, а знаешь-ли ты, что вотъ я какъ только давеча очнулся, мнѣ тотчасъ и гадко стало быть здѣсь съ тобой! Только въ пьяномъ видѣ вѣдь и можно сюда попасть. А будь ты въ другомъ мѣстѣ, живи какъ добрые люди живутъ, такъ я, можетъ быть, не то что волочился-бъ за тобой, а просто влюбился-бъ въ тебя, радъ бы взгляду былъ твоему, не то что слову; у воротъ-бы тебя подстерегалъ, на колѣнкахъ-бы передъ тобой выстаивалъ; какъ на невѣсту-бъ свою на тебя смотрѣлъ, да еще за честь почиталъ. Подумать про тебя что нибудь нечистое не осмѣлился-бы. А здѣсь я вѣдь знаю, что я только свисни и ты, хочешь не хочешь, иди за мной и ужь не я съ твоей волей

спрашиваюсь, а ты съ моей. Послѣдній мужикъ найметя въ работники, — все-таки не всего себя закабалить, да и знаетъ, что ему срокъ есть. А гдѣ твой срокъ? Подумай только: что ты здѣсь отдаешь? что кабаишь? Душу, душу, въ которой ты невластна, кабаишь вмѣстѣ съ тѣломъ! Любовь свою на поруганіе всякому пьяницѣ отдаешь! — Любовь! — да вѣдь это все, да вѣдь это алмазь, дѣвичье сокровище, любовь-то! Вѣдь чтобъ заслужить эту любовь, иной готовъ душу положить, на смерть пойти. А во что твоя любовь теперь цѣнится? Ты вся куплена, вся цѣликомъ и зачѣмъ ужъ тутъ любви добиваться, когда и безъ любви все возможно. Да вѣдь обиды сильнѣе для дѣвушки нѣтъ, понимаешь-ли ты? — Вотъ, слышалъ я, тѣшутъ васъ дурь, — позволяютъ вамъ любовниковъ здѣсь имѣть. Да вѣдь это одно баловство, одинъ обманъ, одинъ смѣхъ надъ вами, а вы вѣрите. Что онъ въ самомъ дѣлѣ, что-ли, любить тебя, любовникъ-то? Не вѣрю. Какъ онъ будетъ любить, коли знаетъ, что тебя отъ него сейчасъ кликнутъ. Пакосникъ онъ послѣ этого? Уважаетъ-ли онъ тебя хоть на каплю? Что у тебя съ нимъ общаго? Смѣется онъ надъ тобой, да тебя-же обкрадываетъ, — вотъ и вся его любовь! Хорошо еще что не бьетъ. А можетъ и бьетъ. Спроси-ка его, коли есть такой у тебя: женится ли онъ на тебѣ? Да онъ тебѣ въ глаза расхохочется, если только не наплюетъ иль не прибьетъ, — а ему самому, можетъ всей-то цѣны — два сломанныхъ гроша. И за что, подумаешь, ты здѣсь жизнь свою погубила? Что тебя кофеемъ поятъ, да кормятъ сытно? Да вѣдь для чего кормятъ-то? У другой-бы, честной, въ горло такой кусокъ не пошоль, потомучто знаетъ для чего кормятъ. — Ты здѣсь должна, ну и все будешь должна и до конца концовъ должна будешь, до тѣхъ самыхъ поръ, что тобой гости брезгать начнутъ. А это скоро прійдетъ, не надѣйся на молодость. Тутъ вѣдь это все на почтовыхъ летить. Тебя и вытолкаютъ. Да и не просто вытолкаютъ, а за-долго сначала придираются начнутъ, попрекать начнутъ, ругать начнутъ, — какъ-будто не ты ей здоровье свое отдала, молодость и душу даромъ для нее загубила, а какъ-будто ты-то ее и разорила, по міру пустила, обокрала. И не жди поддержки: другія подруги-то твои, тоже на тебя нападутъ, чтобъ ей подслужиться, потомучто здѣсь всѣ въ рабствѣ, совѣсть и жалость давно потеряли. Исподлились и ужъ гаже, подлѣе, обиднѣе этихъ ругательствъ и на землѣ не бываетъ. И все-то ты здѣсь положишь, все, безъ завѣта, — и здоровье и молодость и красоту и надежды, и въ двадцать два года будешь смотрѣть какъ тридцати-пяти лѣтняя, и хорошо еще коль не больная, моли Бога за это. Вѣдь ты теперь небось думаешь, что тебѣ и работы нѣтъ, гульба! Да тяжеле и каторжнѣе работы на свѣтѣ нѣтъ и никогда не бывало. Одно сердце кажется все-бы слезами изошло. — И ни слова не посмѣешь сказать, ни полслова когда тебя погонять отсюда, пойдешь какъ виноватая. Перейдешь ты въ другое мѣсто, потомъ въ третье, потомъ еще куда нибудь и доберешься наконецъ до Сѣнной. А тамъ ужъ походя бить начнутъ; это любезность тамошняя; тамъ гость и приласкать не прибивъ не умѣетъ. Ты не вѣришь, что тамъ такъ противно? Ступай посмотри когда нибудь, можетъ своими глазами увидишь. Я вонъ разъ видѣлъ тамъ в Новый годъ одну, у дверей. Ее вытолкали въ насмѣшку своей, проморозить маленько, за то, что ужъ очень ревѣла, а дверь за ней притворили. Въ девять-то часовъ утра она ужъ была совсѣмъ пьяная, растрепанная, полунагая, вся избитая. Сама набѣлена, а глаза въ чернякахъ; изъ носа и изъ зубовъ кровь течетъ, извощикъ какой-то только что починилъ. Съла она на каменной лѣсенкѣ, въ рукахъ у ней какая-то соленая рыба была; она ревѣла, что-то причитала про свою «учась», а рыбой колотила по лѣстничнымъ ступенямъ. А у крыльца столпились извощики, да пьяные солдаты и дразнили ее. Ты не вѣришь, что и ты такая же будешь? И я бы не хотѣлъ вѣрить, а почему ты знаешь, можетъ быть лѣтъ десять, восемь назадъ, эта же самая, съ соленой-то рыбой, — пріѣхала сюда откуда нибудь свѣженькая, какъ херувимчикъ, невинная, чистенькая; зла не знала, на каждомъ словѣ краснѣла. Можетъ быть такая же какъ ты была, гордая, обидчивая, на другихъ не похожая, королевной смотрѣла и сама знала, что цѣлое счастье того ожидаетъ кто бы ее полюбилъ и кого

бы она любила. Видишь чѣмъ кончилось? И что если въ ту самую минуту, когда она колотила этой рыбой о грязныя ступени, пьяная да растрепанная, что если въ ту минуту ей припомнились всѣ ея прежніе, чистые годы въ отцовскомъ домѣ, когда еще она въ школу ходила, а сосѣдскій сынъ ее на дорогѣ подстерегалъ, увѣрялъ что всю жизнь ее любить будетъ, что всю судьбу свою ей положить, и когда они вмѣстѣ положили любить другъ друга на вѣки и обвѣнчаться только что выростутъ большіе! Нѣтъ Лиза, счастье, счастье тебѣ, если гдѣ нибудь тамъ, въ углу, въ подвалѣ, какъ давешняя, въ чахоткѣ поскорѣе помрешь. Въ больницу говоришь ты? Хорошо свезутъ, а если ты еще хозяйкѣ нужна? Чахотка такая болѣзнь; это не горячка. Тутъ до послѣдней минуты человѣкъ надѣется и говоритъ что здоровъ. Самъ себя тѣшитъ. А хозяйкѣ то и выгодно. Не безпокойся это такъ; душу значить продала, а ктому же деньги должна, значить и пикнуть не смѣешь. А умирать будешь, всѣ тебя бросятъ, всѣ отвернутся, — потому, что съ тебя тогда взять? Еще тебя же попрекнутъ, что даромъ мѣсто занимаешь, не скоро помираешь. Питъ не допросишься, съ ругательствомъ подадутъ: «когда дескать ты, подлячка, издохнешь; спать мѣшаешь — стонешь, гости брезгають». Это вѣрно; я самъ подслушалъ такія слова. Сунуть тебя, издыхающую въ самый смрадный уголъ въ подвалѣ, — темень, сырость; что ты, лежа-то одна тогда передумаешь? Помрешь, — соберутъ наскоро, чужой рукой, съ ворчаньемъ, съ нетерпѣніемъ, — никто-то не благословитъ тебя, никто-то не вздохнетъ по тебѣ, только бы поскорѣй тебя съ плечъ долой. Купятъ колоду, вынесутъ какъ сегодня ту, бѣдную, выносили, въ кабакъ поминать пойдутъ. Въ могилѣ слякоть, мразь, снѣгъ мокрый, — не для тебя же церемониться? «Спускай-ка ее Ванюха ишь вѣдь «учась» и тутъ верхъ ногами пошла, таковская. Укороти веревки-то пострѣль». — Ладно и такъ. «Чего ладно? Ишь на боку лежитъ. Человѣкъ тоже былъ, али нѣтъ? Нуда ладно, засыпай». И ругаться-то изъ за тебя долго не захотятъ. Засыплютъ поскорѣй мокрой синей глиной и уйдутъ въ кабакъ... Тутъ и конецъ твоей памяти на землѣ: къ другимъ дѣти на могилу ходятъ, отцы, мужья, а у тебя — ни слезы, ни вздоха, ни поминанія, и никто-то, никто-то, никогда въ цѣломъ мірѣ не придетъ къ тебѣ; имя твое исчезнетъ съ лица земли — такъ какъ бы совсѣмъ тебя никогда не бывало и не рождалось! Грязь да болото, хоть стучи себѣ тамъ, по ночамъ, когда мертвецы встають, въ гробовую крышу: «Пустите добрые люди на свѣтъ пожить! Я жила — жизни не видала, моя жизнь на обтирку пошла; ее въ кабакъ на Сѣнной пропили; пустите добрые люди еще разъ на свѣтъ пожить!...»

Я вошелъ въ пафосъ, до того, что у меня самого горловая спазма приготовлялась и... вдругъ я остановился, приподнялся въ испугъ и, наклонивъ боязливо голову, съ бьющимся сердцемъ началъ прислушиваться. Было отчего и смутиться.

Давно уже предчувствовалъ я, что перевернулъ всю ея душу и разбилъ ея сердце и чѣмъ больше я удостовѣрялся въ томъ, тѣмъ больше желалъ поскорѣе и какъ можно сильнѣе достигнуть цѣли. Игра, игра увлекала меня; впрочемъ не одна игра...

Я зналъ, что говорю туго, выдѣланно, даже книжно, однимъ словомъ я иначе и не умѣлъ, какъ «точно по книжкѣ». Но это не смущало меня; я вѣдь зналъ, предчувствовалъ что меня поймутъ и что самая эта книжность можетъ еще больше подспорить дѣлу. Но теперъ, достигнувъ эффекта, я вдругъ струсиль. Нѣтъ, никогда, никогда еще я не былъ свидѣтелемъ такого отчаянія! Она лежала ничкомъ, крѣпко уткнувъ лицо въ подушку и обхвативъ ее обѣими руками. Ей разрывало грудь. Все молодое тѣло ея вздрагивало какъ въ судорогахъ. Спершіяся въ груди рыданія тѣснили, рвали ее и вдругъ воплями, криками вырывались наружу. Тогда еще сильнѣе приникала она къ подушкѣ: ей не хотѣлось чтобы кто нибудь здѣсь, хоть одна живая душа, узнала про ея терзаніе и слезы. Она кусала подушку, прокусила руку свою въ кровь; (я видѣлъ это потомъ) или вцѣпившись пальцами въ свои распутавшіяся косы, такъ и замирала въ усиліи, сдерживая дыханіе и стискивая зубы. Я было началъ что-то говорить ей, просить ее успокоиться, но почувствовалъ что не смѣю и вдругъ самъ, весь въ какомъ-

то ознобѣ, почти въ ужасѣ, бросился ощупью, кое-какъ наскоро собраться въ дорогу. Было темно, какъ ни старался я, но не могъ кончить скоро. Вдругъ я ощупалъ коробку спичекъ и подсвѣчникъ съ цѣльной непочатой свѣчой. Только лишь свѣтъ озарилъ комнату, Лиза вдругъ вскочила, сѣла и съ какимъ-то искривленнымъ лицомъ, съ полусумасшедшей улыбкой, почти бессмысленно посмотрѣла на меня. Я сѣлъ подлѣ нея и взялъ ея руки; она опомнилась, бросилась ко мнѣ, хотѣла было обхватить меня, но не посмѣла и тихо наклонила передо мной голову.

— Лиза, другъ мой, я напрасно... ты прости меня, — началъ было я, но она сжала въ своихъ пальцахъ мои руки съ такою силою, что я догадался, что не то говорю, и пересталъ.

— Вотъ мой адресъ, Лиза, приходи ко мнѣ.

— Приду... прошептала она рѣшительно, все еще не подымая своей головы.

— А теперь я уйду, прощай... до свиданія.

Я всталъ, встала и она и вдругъ вся покраснѣлась, вздрогнула, схватила лежавшій на стулѣ платокъ и набросила себѣ на плечи до самаго подбородка. Сдѣлавъ это она опять какъ-то болѣзненно улыбнулась, покраснѣла и странно поглядѣла на меня. Мнѣ было больно; я спѣшилъ уйти, стушеваться.

— Подождите, сказала она вдругъ, уже въ сѣняхъ у самыхъ дверей, останавливая меня рукою за шинель, поставила въ попыхахъ свѣчу и убѣжала, — видно вспомнила про что-то, или хотѣла мнѣ принести показать. Убѣгая она вся покраснѣла, глаза ея блестѣли, на губахъ показалась улыбка, — чтобы такое? Я поневолѣ дождался; она воротилась черезъ минуту, со взглядомъ, какъ будто просившимъ прощенія за что-то. Вообще это уже было не то лицо, не тотъ взглядъ какъ давеча, — угрюмый, недоувѣрчивый и упорный. Взглядъ теперь ея былъ просящій, мягкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчивый, ласковый, робкой. Такъ смотря дѣти на тѣхъ кого очень любятъ и у кого чего нибудь просятъ. Глаза у ней были свѣтло-каріе, прекрасные глаза, живые, умѣвшіе отразить въ себѣ и любовь и угрюмую ненависть.

Не объясняя мнѣ ничего, — какъ-будто я, какъ какое нибудь высшее существо, долженъ былъ знать все безъ объясненій, — она протянула мнѣ бумажку. Все лицо ея такъ и просіяло въ это мгновеніе самымъ наивнымъ, почти дѣтскимъ торжествомъ. Я развернулъ. Это было письмо къ ней отъ какого-то медицинскаго студента или въ этомъ родѣ, — очень высокопарное, цвѣтистое, но чрезвычайно почтительное объясненіе въ любви. Не припомню теперь выраженій, но помню очень хорошо, что сквозь высокій слогъ проглядывало истинное чувство, котораго не поддѣлаешь. Когда я дочиталъ, то встрѣтилъ горячій, любопытный и дѣтски-нетерпѣливый взглядъ ея на себѣ. Она приковалась глазами къ моему лицу и въ нетерпѣніи ждала — что я скажу? Въ нѣсколькихъ словахъ, на скоро, но какъ-то радостно и какъ будто гордясь, она объяснила мнѣ, что была гдѣ-то на танцевальномъ вечерѣ, въ семейномъ домѣ, у однихъ «очень, очень хорошихъ людей, семейныхъ людей и гдѣ ничего еще не знаютъ, совсѣмъ ничего», — потому что она и здѣсь-то еще только вновѣ и только такъ... а вовсе еще не рѣшилась остаться и непременно уйдетъ какъ только долгъ заплатитъ... — «Ну и тамъ былъ этотъ студентъ, весь вечеръ танцевалъ, говорилъ съ ней и оказалось, что онъ еще въ Ригѣ, еще ребенкомъ былъ съ ней знакомъ вмѣстѣ играли только ужъ очень давно — и родителей ея знаетъ, но что *объ этомъ* онъ ничего-ничего-ничего не знаетъ и не подозрѣваетъ! И вотъ на другой день послѣ танцевъ (три дня назадъ), онъ и прислалъ черезъ пріятельницу, съ которой она на вечеръ ѣздила это письмо... и... ну вотъ и все.»

Она какъ-то стыдливо опустила свои сверкавшіе глаза, когда кончила рассказывать.

Бѣдненькая, она хранила письмо этого студента какъ драгоценность и сбѣгала за этой единственной своей драгоценностью не желая, чтобы я ушелъ не узнавъ объ

томъ, что и ее любятъ честно и искренно, что и съ ней говорятъ почтительно. Навѣрно этому письму такъ и суждено было пролежать въ шкатулкѣ безъ послѣдствій. Но все равно; я увѣренъ что она всю жизнь его хранила бы какъ драгоценность, какъ гордость свою и свое оправданіе, и вотъ теперь сама въ такую минуту вспомнила и принесла это письмо, чтобъ наивно погордиться передо мной, возстановить себя въ моихъ глазахъ, чтобъ и я видѣлъ, чтобъ и я похвалилъ. Я ничего не сказалъ, пожалъ ей руку и вышелъ. Мнѣ такъ хотѣлось уйти... Я прошелъ всю дорогу пѣшкомъ не смотря на то, что мокрый снѣгъ все еще валилъ хлопьями. Я былъ измученъ, раздавленъ, въ недоумѣніи. Но истина уже сверкала изъ-за недоумѣнія. Гадкая истина!

VIII.

Я впрочемъ нескоро согласился признать эту истину. Проснувшись наутро, послѣ нѣсколькихъ часовъ глубокаго, свинцоваго сна и тотчасъ-же сообразивъ весь вчерашній день, — я даже изумился моей вчерашней *сантиментальности* съ Лизой, всѣмъ этимъ «вчерашнимъ ужасамъ и жалостямъ.» «Вѣдь нападетъ-же такое бабье разстройство нервовъ, тьфу!» порѣшилъ я. — «И на что это мой адресъ всучилъ я ей? Что если она придетъ? А впрочемъ пожалуй пусть и придетъ; ничего...» Но очевидно главное и самое важное дѣло теперь было не въ этомъ: Надо было спѣшить, и во что-бы ни стало скорѣе, спасти мою репутацію въ глазахъ Звѣркова и Симонова. Вотъ въ чемъ было главное дѣло. А про Лизу я даже совсѣмъ и забылъ въ это утро, захопотавшись.

Прежде всего надо было немедленно отдать вчерашній долгъ Симонову. Я рѣшился на отчаянное средство: занять цѣлыхъ пятнадцать рублей у Антона Антоныча. Какъ нарочно онъ былъ въ это утро въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа и тотчасъ-же выдалъ, по первой просьбѣ. Я такъ этому обрадовался, что, подписывая росписку, съ какимъ-то ухорскимъ видомъ, *небрежно* сообщилъ ему, что вчера «покутили съ пріятелями, въ Hotel de Paris; провожали товарища, даже, можно сказать, друга дѣтства, и знаете, — кутила онъ большой, избалованъ, — ну, разумѣется хорошей фамилии, значительное состояніе, блестящая карьера, остроумень, милъ, интригуешь съ этими дамами, понимаете: выпили лишнихъ «поддюжины» и...» И вѣдь ничего; произносилось все это очень легко, развязно и самодовольно.

Прійдя домой я немедленно написалъ Симонову.

До сихъ поръ люблюсь, вспоминая истинно джентльменскій, добродушный, открытый тонъ моего письма. Ловко и благородно, а главное совершенно безъ лишнихъ словъ, — я обвинилъ себя во всемъ. Оправдывался я, «если только позволительно мнѣ еще оправдываться» тѣмъ, что, по совершенной непривычкѣ къ вину, опьянѣлъ съ первой рюмки, которую (будто-бы) выпилъ еще до нихъ, когда поджидалъ ихъ въ Hotel de Paris, съ пяти до шести часовъ. Извиненія просилъ я преимущественно у Симонова; его же просилъ передать мои объясненія и всѣмъ другимъ, особенно Звѣркову, котораго, «помнится мнѣ какъ сквозь сонъ», я кажется оскорбилъ. Я прибавлялъ, что и самъ-бы ко всѣмъ поѣхалъ, да голова болитъ, а пуще всего — совѣстно. Особенно доволенъ остался я этой «нѣкоторой легкостью», даже чуть не небрежностью (впрочемъ совершенно приличною), которая вдругъ отразилась въ моемъ перѣ и лучше всѣхъ возможныхъ резоновъ, сразу, давала имъ понять, что я смотрю «на всю эту вчерашнюю гадость» довольно независимо; совсѣмъ-таки, вовсе-таки не убить на повалъ, какъ вы, господа, вѣроятно думаете, а напротивъ смотрю такъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на это спокойно уважающе себя джентльмену. «Быль дескать молодцу не укорь.»

— Даже вѣдь какая-то игривость маркизская? любовался я, перечитывая записку. — А все оттого, что развитой и образованный человѣкъ! Другіе-бы на моемъ мѣстѣ не знали какъ и выпутаться, а я вотъ вывернулся и кучу себѣ вновъ и все потому что

«образованной и развитой человекъ нашего времени». — Да и впрямь, пожалуй, это все отъ вина вчера произошло. Гм... ну нѣтъ, не отъ вина. Водки-то я вовсе не пилъ, отъ пяти-то до шести часовъ, когда ихъ поджидалъ. Солгалъ Симонову; солгалъ безсовѣстно; да и теперъ несовѣстно...

А впрочемъ наплевать! — Главное то, что отдѣлался.

Я вложилъ въ письмо шесть рублей, запечаталъ и упробилъ Аполлона снести къ Симонову. Узнавъ, что въ письмѣ деньги, Аполлонъ сталъ почтительнѣе и согласился сходить. Къ вечеру я вышелъ пройтись. Голова у меня еще болѣла и кружилась со вчерашняго. Но чѣмъ болѣе наступалъ вечеръ и чѣмъ гуще становились сумерки, тѣмъ болѣе мѣнялись и путались мои впечатленья, а за ними и мысли. Что-то не умирало во мнѣ внутри, въ глубинѣ сердца и совѣсти, нехотѣло умереть и сказывалось жгучей тоской. Толкался я больше по самымъ люднымъ, промышленнымъ улицамъ, по Мѣщанскимъ, по Садовой у Юсупова сада. Особенно любилъ я всегда прохаживаться по этимъ улицамъ въ сумерки, именно когда тамъ густѣетъ толпа всякаго прохожаго, промышленнаго и ремесленнаго люду, съ озабоченными до злости лицами, расходящаяся по домамъ съ дневныхъ заработковъ. Нравилась мнѣ именно эта грошовая суетня, эта наглая прозаичность. Въ этотъ разъ вся эта уличная толкотня еще больше меня раздражала. Я никакъ не могъ съ собой справиться, концовъ найти. Что-то подымалось, подымалось въ душѣ непрерывно, съ болью и нехотѣло утомониться. Совсѣмъ разстроенный я воротился домой. Точно какъ будто на душѣ моей лежало какое-то преступленіе.

Мучила меня постоянно мысль, что придетъ Лиза. Странно мнѣ было то, что изъ всѣхъ этихъ вчерашнихъ воспоминаній, воспоминаніе о ней какъ-то особенно, какъ-то совсѣмъ отдѣльно меня мучило. Обо всемъ другомъ я къ вечеру уже совсѣмъ успѣлъ забыть, рукой махнулъ и все еще совершенно оставался доволенъ моимъ письмомъ къ Симонову. Но тутъ я какъ-то ужъ не былъ доволенъ. Точно какъ будто я одной Лизой и мучился. Что если она придетъ? думалъ я непрерывно. Ну что жъ, ничего, пусть и придетъ. Гм. Скверно ужъ одно то, что она увидитъ, напимѣръ, какъ я живу. Вчера я такимъ передъ ней показался... героемъ... а теперъ гм! Это впрочемъ скверно, что я такъ опустился. Просто нищета въ квартирѣ. И я рѣшился вчера ѣхать въ такомъ платьѣ обѣдать! А клеенчатый диванъ-то мой, изъ котораго мочалка торчитъ! А халатъ-то мой, которымъ нельзя закрыться! Какія ключья... И она это все увидитъ; и Аполлона увидитъ. Эта скотина навѣрно ее оскорбитъ. Онъ придерется къ ней чтобъ мнѣ сдѣлать грубость. А я ужъ разумѣется, по обычаю, струшу, сѣменить передъ ней начну, закрываться полами халата, улыбаться начну, лгать начну. У, скверность! Да и не въ этомъ главная то скверность! Тутъ есть что-то главнѣе, гаже, подлѣе! да, подлѣе! И опять, опять надѣвать эту безчестную, лживую маску!..

Дойдя до этой мысли я такъ и вспыхнулъ:

— Для чего безчестную? Какую безчестную? Я говорилъ вчера искренно. Я помню, во мнѣ тоже было настоящее чувство. Я именно хотѣлъ вызвать въ ней благородныя чувства... если она поплакала, то это хорошо, это благотворно подѣйствуетъ...

Но все-таки я никакъ не могъ успокоиться.

Весь этотъ вечеръ, уже когда я и домой воротился, уже послѣ девяти часовъ, когда по расчету никакъ не могла придти Лиза, мнѣ все-таки она мерещилась, и, главное, вспоминалась все въ одномъ и томъ-же положеніи. Именно одинъ моментъ изъ всего вчерашняго мнѣ особенно ярко представлялся; это когда я освѣтилъ спичкой комнату и вдругъ увидалъ ея блѣдное, искривленное лицо, съ мученическимъ взглядомъ. И какая жалкая, какая неестественная, какая искривленная улыбка у ней была въ ту минуту! Но я еще не зналъ тогда, что и черезъ пятнадцать лѣтъ я все-таки буду представлять себѣ Лизу именно съ этой жалкой, искривленной, ненужной улыбкой, которая у ней была въ ту минуту.

На другой день я уже опять готовъ былъ считать все это вздоромъ, развозившимися нервами, а главное — *преувеличеніемъ*. Я всегда сознавалъ эту мою слабую струнку и иногда очень боялся ея: «все-то я преувеличиваю, тѣмъ и хромаю», повторялъ я себѣ ежечашно. Но впрочемъ, «впрочемъ все-таки Лиза, пожалуй, придетъ» — вотъ пришѣвъ, которымъ заключались всѣ мои тогдашнія разсужденія. До того я безпокоился, что приходилъ иногда въ бѣшенство: «Придетъ! непременно придетъ!» восклицалъ я; бѣгая по комнатѣ; «не сегодня, такъ завтра придетъ, а ужъ отыщеть! И таковъ проклятый романтизмъ всѣхъ этихъ *чистыхъ сердецъ*! О мерзость, о глупость, о ограниченность этихъ «поганныхъ сантиментальныхъ душъ»! Ну какъ не понять, какъ-бы кажется не понять?»... Но тутъ я самъ останавливался и даже въ большомъ смущеніи.

И какъ мало, какъ мало, — думалъ я мимоходомъ — нужно было словъ, какъ мало нужно было идилии (да и идилии-то еще напускной, книжной, сочиненной), чтобъ тотчасъ-же и повернуть всю человѣческую душу по своему. То-то дѣвственность-то! То-то свѣжесть-то почвы!

Иногда мнѣ приходила мысль самому сѣздить къ ней, «разсказать ей все» и упросить ее не приходите ко мнѣ. Но тутъ, при этой мысли, во мнѣ подымалась такая злоба, что кажется я-бы такъ и раздавилъ эту «проклятую» Лизу, если-бы она возлѣ меня вдругъ случилась, оскорбилъ-бы ее, оплевалъ-бы, выгналъ-бы, ударилъ-бы!

Прошолъ однакожь день, другой, третій — она не приходила и я начиналъ успокоиваться. Особенно ободрялся и разгуливался я послѣ девяти часовъ, даже начиналъ иногда мечтать и довольно сладко; «Я, напримѣръ, спасаю Лизу, именно тѣмъ, что она ко мнѣ ходитъ, а я ей говорю... Я ее развиваю, образываю. Я, наконецъ, замѣчаю что она меня любить, страстно любить. Я прикидываюсь что не понимаю (не знаю впрочемъ для чего прикидываюсь; такъ, для красоты вѣроятно). Наконецъ она, вся смущенная, прекрасная, дрожа и рыдая, бросается къ ногамъ моимъ и говоритъ что я ее спаситель и что она меня любить больше всего на свѣтѣ. Я изумляюсь, но.. — «Лиза, говорю я, неужели-жь ты думаешь, что я не замѣтилъ твоей любви? Я видѣлъ все, я угадалъ, но я не смѣлъ посягать на твое сердце первый, потомучто имѣлъ на тебя влияніе и боялся, что ты, изъ благодарности, нарочно заставишь себя отвѣчать на любовь мою, сама насильно вызовешь въ себѣ чувство, котораго можетъ быть нѣтъ, а я этого не хотѣлъ, потомучто это.. деспотизмъ... Это неделикатно (ну однимъ словомъ я тутъ зарпортовывался въ какой нибудь этакой европейской, Жоржъ-Зандовской, неизъяснимо благородной тонкости..) «Но теперь, теперь — ты моя, ты мое созданье, ты, чиста, прекрасна, ты — прекрасная жена моя»

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

Затѣмъ мы начинаемъ жить-поживать, ѣдемъ за границу и т. д. и т. д. Однимъ словомъ самому подло становилось и я кончалъ тѣмъ, что дразнилъ себя языкомъ.

— Да и не пустятъ ее «мерзавку!» думалъ я. Ихъ вѣдь, кажется, гулять-то не очень пускаютъ, тѣмъ болѣе вечеромъ (мнѣ почему-то непременно казалось, что она должна придти вечеромъ и именно въ семь часовъ). А впрочемъ она сказала, что еще не совсѣмъ тамъ закабалилась, на особыхъ правахъ состоитъ; значить гм! Чортъ возьми, придетъ, непременно придетъ!

Хорошо еще, что развлекалъ меня въ это время Аполлонъ своими грубостями. Изъ терпѣнья послѣдняго выводилъ! Это была язва моя, бичъ, посланный на меня провидѣнемъ. Мы съ нимъ пикировались постоянно, нѣсколько лѣтъ сряду и я его ненавидѣлъ. Богъ мой, какъ я его ненавидѣлъ! Никого въ жизни я еще кажется такъ не ненавидѣлъ какъ его, особенно въ иныя минуты. Человѣкъ онъ былъ пожилой, важный, занимавшійся отчасти портняжествомъ. Но неизвѣстно почему онъ презиралъ меня,

даже сверхъ всякой мѣры и смотрѣлъ на меня нестерпимо свысока. Впрочемъ онъ на всѣхъ смотрѣлъ свысока. Взглянуть только на эту бѣлобрысую, гладко причесанную голову, на этотъ кокъ, который онъ взбиваль себѣ на лбу и подмасливалъ постнымъ масломъ, на этотъ солидный ротъ, всегда сложенный ижицей, — и вы уже чувствовали передъ собой существо, не сомнѣвавшееся въ себѣ никогда. Это былъ педантъ въ высочайшей степени и самый огромный педантъ изъ всѣхъ, какихъ я только встрѣчалъ на землѣ, и при этомъ съ самолюбіемъ, приличнымъ развѣ только Александру Македонскому. Онъ былъ влюбленъ въ каждую пуговицу свою, въ каждый свой ноготь, — непременно влюбленъ, онъ тѣмъ смотрѣлъ! — Относился онъ ко мнѣ вполнѣ деспотически, чрезвычайно мало говорилъ со мной, а если случалось ему на меня взглядывать, то смотрѣлъ твердымъ, величаво самоувѣреннымъ и постоянно насмѣшливымъ взглядомъ, приводившимъ меня иногда въ бѣшенство. Исполнялъ онъ свою должность съ такимъ видомъ, какъ-будто дѣлалъ мнѣ высочайшую милость. Впрочемъ онъ почти ровно ничего для меня не дѣлалъ и даже вовсе не считалъ себя обязаннымъ что-нибудь дѣлать. Сомнѣнія быть не могло, что онъ считалъ меня за самаго послѣдняго дурака на всемъ свѣтѣ и если «держалъ меня при себѣ,» то единственно потому только, что отъ меня можно было получать каждый мѣсяць жалованье. Онъ соглашался «ничего не дѣлать» у меня за семь рублей въ мѣсяць. Мнѣ за него много простится грѣховъ. Доходило иногда до такой ненависти, что меня бросало чуть не въ судороги отъ одной его походки. Но особенно гадко было мнѣ его пришепетываніе. У него былъ языкъ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ, или что-то въ родѣ этого, оттого онъ постоянно шепелявилъ и сюсюкалъ и кажется этимъ ужасно гордился, воображая что это придаетъ ему чрезвычайно много достоинства. Говорилъ онъ тихо, размѣренно, заложивъ руки за спину и опустивъ глаза въ землю. Особенно бѣсилъ онъ меня, когда бывало начнетъ читать у себя за перегородкой псалтырь. Много битвъ вынесъ я изъ-за этого чтенья. Но онъ ужасно любилъ читать по вечерамъ, тихимъ ровнымъ голосомъ, на распѣвъ, точно какъ по мертвомъ. Любопытно, что онъ тѣмъ и кончилъ: онъ теперь занимается читать псалтырь по покойникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ истребляетъ крысъ и дѣлаетъ ваку. Но тогда я не могъ прогнать его, точно онъ былъ слитъ съ существованіемъ моимъ химически. Ктому-же онъ бы и самъ не согласился отъ меня уйти ни за что. Мнѣ нельзя было жить въ шамбръ-гарни: моя квартира была мой особнякъ, моя скорлупа, мой футляръ, въ который я прятался отъ всего человѣчества, а Аполлонъ, чортъ знаетъ почему казался мнѣ принадлежащимъ къ этой квартирѣ и я цѣлыхъ семь лѣтъ не могъ согнать его.

Задержать, напимѣрь, его жалованье хоть два, хоть три дня было невозможно. Онъ бы такую завель исторію, что я-бы не зналъ куда и дѣваться. Но въ эти дни я до того былъ на всѣхъ озлобленъ, что рѣшился, почему-то и для чего-то, *наказать* Аполлона и не выдавать ему еще двѣ недѣли жалованья. Я давно ужъ, года два, собирался это сдѣлать, — единственно чтобъ доказать ему, что онъ не смѣетъ такъ ужъ важничать надо мной и что если я захочу, то всегда могу не выдать ему жалованія. Я положилъ не говорить ему объ этомъ и даже нарочно молчать, чтобъ побѣдить его гордость и заставить его самого, перваго, заговорить о жалованіи. Тогда я вынулъ всѣ семь рублей изъ ящика, покажу ему, что они у меня есть и нарочно отложены, но что я «не хочу, не хочу, просто не хочу выдать ему жалованье, не хочу, потомучто *такъ хочу,*» потомучто на это «моя воля господская,» потомучто онъ не почтителенъ, потомучто онъ грубіанъ; но что если онъ попроситъ почтительно, то я, пожалуй, смягчусь и дамъ; не то еще двѣ недѣли прождетъ, три прождетъ, цѣлый мѣсяць прождетъ...

Но какъ я ни былъ золь, а все-таки онъ побѣдилъ. Я и четырехъ дней не выдержалъ. Онъ началъ съ того, съ чего всегда начиналъ въ подобныхъ случаяхъ, потомучто подобные случаи уже бывали, пробовались (и, замѣчу, я зналъ все это заранѣе, я зналъ наизусть его подлую тактику) именно: онъ начиналъ съ того, что устремить, быва-

ло, на меня чрезвычайно строгій взглядъ, не спускаеть его нѣсколько минутъ сряду, особенно встрѣчая меня, или провожая изъ дому. Если напримѣръ я выдерживалъ и дѣлалъ видъ, что не замѣчаю этихъ взглядовъ, онъ, по прежнему молча, приступалъ къ дальнѣйшимъ истязаніямъ. Вдругъ, бывало, ни съ того ни съ сего, войдетъ тихо и плавно въ мою комнату, когда я хожу или читаю, остановится у дверей, заложитъ одну руку за спину, отставитъ ногу и устремитъ на меня свой взглядъ, ужъ не то что строгій, а совсѣмъ презрительный. Если я вдругъ спрошу его, что ему надо? онъ не отвѣтитъ ничего, продолжаетъ смотрѣть на меня въ упоръ еще нѣсколько секундъ, потомъ, какъ-то особенно сжавъ губы, съ многозначительнымъ видомъ, медленно повернется на мѣстѣ и медленно уйдетъ въ свою комнату. Часа черезъ два вдругъ опять выйдетъ и опять также передо мной появится. — Случалось, что я, въ бѣшенствѣ, ужъ и не спрашивалъ его: чего ему надо? а просто самъ, рѣзко и повелительно, подымалъ голову и тоже начиналъ смотрѣть на него въ упоръ. Такъ смотримъ мы бывало другъ на друга минуты двѣ; наконецъ онъ повернется, медленно и важно, и уйдетъ опять на два часа.

Если я и этимъ все еще не вразумлялся и продолжалъ бунтоваться, то онъ вдругъ начнетъ вздыхать на меня глядя, вздыхать долго, глубоко, точно измѣряя однимъ этимъ вздохомъ всю глубину моего нравственнаго паденія и разумѣется кончалось наконецъ тѣмъ, что онъ одолѣвалъ вполне: я бѣсился, кричалъ, но то объ чѣмъ дѣло шло все-таки принуждаемъ былъ исполнить.

Въ этотъ-же разъ, едва только начались обыкновенные маневры «строгихъ взглядовъ», какъ я тотчасъ же вышелъ изъ себя и въ бѣшенствѣ на него накинулся. Слишкомъ ужъ я былъ и безъ того раздражонъ.

— Стой! закричалъ я въ изступленіи, когда онъ медленно и молча повертывался, съ одной рукой за спиной, чтобъ уйти въ свою комнату, — стой! воротись, воротись, говорю я тебѣ! и должно быть я такъ неестественно рявкнулъ, что онъ повернулся и даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ сталъ меня разглядывать. Впрочемъ продолжалъ не говорить ни слова, а это-то меня и бѣсило.

— Какъ ты смѣешь входить ко мнѣ безъ спросу и такъ глядѣть на меня, отвѣчай!

Но посмотрѣвъ на меня спокойно съ пол-минуты, онъ снова началъ повертываться.

— Стой! заревѣлъ я подбѣгая къ нему; ни съ мѣста! Такъ. Отвѣчай теперь: чего ты входилъ смотрѣть?

— Если гаперича вамъ есть что мнѣ приказать, то мое дѣло исполнить, — отвѣчалъ онъ, опять таки помолчавъ, тихо и размѣренно сюсюкая, поднявъ брови и спокойно перегнувъ голову съ одного плеча на другое — и все это съ ужасающимъ спокойствіемъ.

— Не объ этомъ, не объ этомъ, я тебя спрашиваю, палачъ! закричалъ я трясясь отъ злобы. Я скажу тебѣ, палачъ, самъ, для чего ты приходишь сюда: ты видишь, что я не выдаю тебѣ жалованія, самъ не хочешь, по гордости, поклониться — попросить, и для того приходишь съ своими глупыми взглядами меня наказывать, мучить, и не подозр-р-рѣваешь ты, палачъ какъ это, глупо, глупо, глупо, глупо, глупо!

Онъ было молча опять сталъ повертываться, но я ухватилъ его.

— Слушай, кричалъ я ему! Вотъ деньги, видишь, вотъ они! (я вынулъ ихъ изъ столика) всѣ семь рублей, но ты ихъ не получишь, не па-алучишь, до тѣхъ самыхъ поръ пока не придешь, почтительно, съ повинной головой, просить у меня прощенія. Слышалъ!

— Быть того не можетъ! отвѣчалъ онъ съ какою-то неестественною самоувѣренностью.

— Будеть! кричалъ я, даю тебѣ честное слово мое, будетъ!

— И не въ чемъ мнѣ у васъ прощенія просить, — продолжалъ онъ какъ-бы совсѣмъ не замѣчая моихъ криковъ, — потому вы-же обозвали меня «палачомъ», на чемъ я съ васъ могу въ кварталѣ всегда за обиду просить.

— Иди! Проси! заревѣль я, иди сейчасъ, сію минуту, сію секунду! А ты все таки палачъ! палачъ! палачъ! — Но онъ только посмотрѣлъ на меня, затѣмъ повернулся и уже не слушая призывныхъ криковъ моихъ, плавно пошелъ къ себѣ, не оборачиваясь.

«Еслибъ не Лиза, не было-бъ ничего этого!» рѣшилъ я про себя. Затѣмъ постоявъ съ минуту, важно и торжественно, но съ медленно и сильно бьющимся сердцемъ, я отправился самъ къ нему за ширмы.

— Аполлонъ! сказалъ я тихо и съ разстановкой, но задыхаясь: сходи тотчасъ-же и нимало не медля за квартальнымъ надзирателемъ!

Онъ было ужъ усѣлся тѣмъ временемъ за своимъ столомъ, надѣлъ очки и взялъ что-то шить. Но услышавъ мое приказанье вдругъ фыркнулъ со смѣху.

— Сейчасъ, сію минуту иди! — иди, или ты и не воображаешь что будетъ!

— Подлинно вы не въ своемъ умѣ, замѣтилъ онъ даже не поднявъ головы, также медленно сюсюкая и продолжая вдѣвать нитку. — И гдѣ это видано, чтобъ человѣкъ самъ противъ себя за начальствомъ ходилъ? А касательно страху, — напрасно только надсажаетесь, потому — ничего не будетъ.

— Иди! визжалъ я, хватая его за плечо. Я чувствовалъ, что сейчасъ ударю его.

Но я и не слыхалъ какъ въ это мгновеніе вдругъ дверь изъ сѣней тихо и медленно отворилась и какая-то фигура вошла, остановилась и съ недоумѣніемъ начала насъ разглядывать. Я взглянулъ, обмеръ отъ стыда и бросился въ свою комнату. Тамъ, схвативъ себя обѣими руками за волосы, я прислонился головой къ стѣнѣ и замеръ въ этомъ положеніи.

Минуты черезъ двѣ послышались медленные шаги Аполлона.

— Тамъ *какая то* васъ спрашиваетъ, — сказалъ онъ особенно строго смотря на меня, потомъ посторонился и пропустилъ — Лизу. Онъ не хотѣлъ уходить и насмѣшливо насъ разсматривалъ.

— Ступай! ступай! командовалъ я ему потерявшись. Въ эту минуту мои часы принадужились, прошипѣли и пробили семь.

IX.

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

(Изъ той же поэзіи).

Я стоялъ передъ ней убитый, ошельмованный, омерзительно-сконфуженный и кажется улыбался, всѣми силами стараясь запахнуться полами моего лохматого, ватнаго халатишки, — ну точь въ точь какъ еще недавно, въ упадкѣ духа, представлялъ себѣ. Аполлонъ, постоявъ надъ нами минуты двѣ, ушелъ, но мнѣ было не легче. Хуже всего, что и она тоже вдругъ сконфузилась, до того, что я даже и не ожидалъ. На меня глядя разумѣется.

— Садись, сказалъ я машинально и придвинулъ ей стулъ возлѣ стола, самъ же сѣлъ на диванъ. Она тотчасъ же и послушно усѣлась, смотря на меня во всѣ глаза и очевидно чего-то сейчасъ отъ меня ожидая. Эта-то наивность ожиданія и привела меня въ бѣшенство, но я сдержалъ себя.

— Тутъ-то бы и стараться ничего не замѣчать какъ будто все по обыкновенному, а она... — И я смутно почувствовалъ, что она дорого мнѣ *за все это* заплатитъ.

— Ты меня застала въ странномъ положеніи, Лиза, — началъ я заикаясь и зная, что именно такъ-то и не надо начинать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не думай чегонибудь! вскричалъ я, увидѣвъ что она вдругъ ужасно покраснѣла: — я не стыжусь моей бѣдности... Напротивъ я гордо смотрю на мою бѣдность. Я бѣденъ, но благороденъ... Можно быть бѣднымъ и благороднымъ, бормоталъ я. Впрочемъ... хочешь чаю?

— Нѣтъ... начала было она.

— Подожди!

Я вскочилъ и побѣжалъ къ Аполлону. Надо же было куданибудь провалиться.

— Аполлонъ, зашепталъ я лихорадочной скороговоркой, бросая передъ нимъ семь рублей, оставшіяся все время въ моемъ кулакѣ, — вотъ твое жалованье; видишь, я выдаю; но за то ты долженъ спасти меня: немедленно принеси изъ трактира чаю и десять сухарей. Если ты не захочешь пойти, то ты сдѣлаешь несчастнымъ человѣка! Ты не знаешь какая это женщина... Это — все! Ты можетъ быть чтонибудь думаешь... Но, ты не знаешь какая это женщина!..

Аполлонъ, уже усѣвшійся за работу и уже надѣвшій опять очки, сначала, не покидая иглы, молча накосился на деньги; потомъ, не обращая на меня никакого вниманія и не отвѣчая мнѣ ничего, продолжалъ возиться съ ниткой, которую все еще вдѣвалъ. Я ждалъ минуты три, стоя передъ нимъ, съ сложенными а la Napoleon руками. Виски мои были смочены потомъ; самъ я былъ блѣденъ, я чувствовалъ это. Но, слава Богу, вѣрно ему стало жалко, смотря на меня. Кончивъ съ своей ниткой, онъ медленно всталъ съ мѣста, медленно отодвинулъ стулъ, медленно снялъ очки, медленно пересчиталъ деньги и наконецъ, спросивъ меня черезъ плечо: взять ли полную порцію? медленно вышелъ изъ комнаты. Когда я возвращался къ Лизѣ, мнѣ пришлось на умъ дорогой: не убѣжать ли такъ какъ есть, въ халатишкѣ, куда глаза глядятъ, а тамъ будь что будетъ.

Я усѣлся опять. Она смотрѣла на меня съ безпокойствомъ. Нѣсколько минутъ мы молчали.

— Я убью его! вскричалъ я вдругъ, крѣпко хлопнувъ по столу кулакомъ, такъ что чернила плеснули изъ чернильницы.

— Ахъ, что вы это! вскричала она вздрогнувъ.

— Я убью его, убью его! визжалъ я стуча по столу, совершенно въ изступленіи и совершенно понимая въ то же время какъ это глупо быть въ такомъ изступленіи.

— Ты не знаешь, Лиза, что такое этотъ палачъ для меня. Онъ мой палачъ... Онъ пошолъ теперь за сухарями; онъ...

И вдругъ я разразился слезами. Это былъ припадокъ. Какъ мнѣ стыдно-то было между всхлипываній; но я ужъ ихъ не могъ удержать.

Она испугалась. — Что съ вами! что это съ вами! вскрикивала она, суетясь около меня.

— Воды, подай мнѣ воды, вонъ тамъ! бормоталъ я слабымъ голосомъ, сознавая, Впрочемъ, про себя, что я очень бы могъ обойтись безъ воды и не бормотать слабымъ голосомъ. Но я, что называется, представлялся, чтобъ спасти приличія, хотя припадокъ былъ и дѣйствительный.

Она подала мнѣ воды, смотря на меня какъ потерянная. Въ эту минуту Аполлонъ внесъ чай. Мнѣ вдругъ показалось, что этотъ обыкновенный и прозаическій чай ужасно неприличенъ и мизеренъ послѣ всего что было, и я покраснѣлъ. Лиза смотрѣла на Аполлона даже съ испугомъ. Онъ вышелъ не взглянувъ на насъ.

— Лиза, ты презираешь меня? сказалъ я, смотря на нее въ упоръ, дрожа отъ нетерпѣнія узнать что она думаетъ.

Она сконфузилась и не сумѣла ничего отвѣтить.

— Пей чай! проговорилъ я злобно. Я злился на себя, но разумѣется достаться должно было ей. Страшная злоба противъ нея закипѣла вдругъ въ моемъ сердцѣ; такъ бы и убилъ ее кажется. Чтобъ отмстить ей я поклялся мысленно не говорить съ ней во все время ни одного слова. «Она же всему причиною,» думалъ я.

Молчаніе наше продолжалось уже минутъ пять. Чай стоялъ на столѣ; мы до него не дотрогивались: я до того дошолъ, что нарочно не хотѣлъ начинать пить, чтобъ этимъ отяготить ее еще больше; ей же самой начинать было неловко. Нѣсколько разъ она съ грустнымъ недоумѣніемъ взглянула на меня. Я упорно молчалъ. Главный мученикъ былъ конечно я самъ, потомучто вполнѣ сознавалъ всю омерзительную низость моей злобной глупости, и въ то же время никакъ не могъ удержать себя.

— Я оттуда... хочу... совсѣмъ выйти, — начала было она, чтобы какъ нибудь прервать молчанье, но, бѣдная! именно объ этомъ-то и не надо было начинать говорить въ такую, и безъ того глупую минуту, такому, и безъ того глупому какъ я человѣку. Даже мое сердце заняло отъ жалости на ея неумѣлость и ненужную прямоту. Но что-то безобразное подавило во мнѣ тотчасъ же всю жалость; даже еще подзадорило меня еще болѣе: пропадай все на свѣтъ! Прошло еще пять минутъ.

— Не помѣшала ли я вамъ? начала она робко, чуть слышно, и стала вставать.

Но какъ только я увидалъ эту первую вспышку оскорбленнаго достоинства, я такъ и задрожалъ отъ злости и тотчасъ же прорвался.

— Для чего ты ко мнѣ пришла, скажи ты мнѣ пожалуста? началъ я, задыхаясь, и даже не соображаясь съ логическимъ порядкомъ въ моихъ словахъ. Мнѣ хотѣлось все разомъ высказать, залпомъ; я даже не заботился съ чего начинать.

— За чѣмъ ты пришла? Отвѣчай! Отвѣчай! — вскрикивалъ я, едва помня себя. — Я тебѣ скажу, матушка, за чѣмъ ты пришла. Ты пришла потому, что я тебѣ тогда *жалкія слова* говорилъ. Ну вотъ ты и разнѣжилась и опять тебѣ «жалкихъ словъ» захотѣлось. Такъ знай же, знай, что я тогда смѣялся надъ тобой. И теперь смѣюсь. Чего ты дрожишь? да, смѣялся! Меня передъ тѣмъ оскорбили, за обѣдомъ, вотъ тѣ, которые тогда передо мной пріѣхали. Я пріѣхалъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобъ исколотить одного изъ нихъ офицера; но не удалось, не засталъ; надо же было обиду на комъ нибудь выместить, свое взять, ты подвернулась, я надъ тобой и вылилъ зло и насмѣялся. Меня унизили, такъ и я хотѣлъ унижить; меня въ тряпку растерли, такъ и я власть захотѣлъ показать... Вотъ что было, а ты ужь думала, что я тебя спасать нарочно тогда пріѣзжалъ, да! ты это думала? Ты это думала?

Я зналъ, что она можетъ быть запутается и не пойметъ подробностей; но я зналъ тоже, что она отлично хорошо пойметъ сущность. Такъ и случилось. Она поблѣднѣла, какъ платокъ, хотѣла что-то проговорить, губы ея болѣзненно искривились; но какъ будто ее топоромъ подсѣкли, упала на стулъ. И все время потомъ она слушала меня, раскрывъ ротъ, открывъ глаза, и дрожа отъ ужаснаго страха. Цинизмъ, цинизмъ моихъ словъ придавилъ ее...

— Спасать! продолжалъ я, вскочивъ со стула и бѣгая передъ ней взадъ и впередъ по комнатѣ, — отъ чего спасать! Да я можетъ самъ тебя хуже. Что ты мнѣ тогда же не кинула въ рожу, когда я тебѣ рацеи-то читалъ: «А ты молъ самъ зачѣмъ къ намъ зашолъ? Мораль что ли читать?» — Власти, власти мнѣ надо было тогда, игры было надо, слезъ твоихъ надо было добиться, униженія, истерики твоей — вотъ чего надо мнѣ было тогда! Я вѣдь и самъ тогда не вынесъ, потомучто я дрянъ, перепугался и чортъ знаетъ, для чего далъ тебѣ сдуру адресъ. Такъ я потомъ, еще домой не дойдя, ужь тебя ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ за этотъ адресъ. Я ужь ненавидѣлъ тебя, потомучто я тебѣ тогда лгалъ. Потомучто я только на словахъ поиграть, въ головѣ помечтать, а на дѣлѣ мнѣ надо, знаешь чего: чтобъ вы провалились, вотъ чего! Мнѣ надо спокойствія. Да я за то чтобъ меня небезпокоили, весь свѣтъ сейчасъ-же за копѣйку продамъ. Свѣту ли провалиться или вотъ мнѣ чаю непить? Я скажу что свѣту провалиться, а чтобъ мнѣ

чай всегда пить. Знала-ль ты это, иль нѣтъ. Ну, а я вотъ знаю, что я мерзавецъ, подлець, себялюбецъ, лѣнтяй. Я вотъ дрожалъ эти три дня отъ страха, что ты придешь. А знаешь, что всѣ эти три дня меня особенно безпокоило? А то, что вотъ я тогда героемъ такимъ передъ тобой представился, а тутъ вотъ ты вдругъ увидишь меня въ этомъ рваномъ халатишкѣ, нищаго, гадкаго. Я тебѣ сказалъ давеча, что я не стыжусь своей бѣдности; такъ знай-же, что стыжусь, больше всего стыжусь, пуще всего боюсь, пуще того еслибъ я воровалъ, потомучто я тщеславенъ такъ, какъ будто съ меня кожу содрали и мнѣ ужъ отъ одного воздуха больно. Да неужели-жъ ты даже и теперь еще не догадалась, что я тебѣ никогда, никогда не прощу того, что ты застала меня въ этомъ халатишкѣ, когда я бросался, какъ злая собачонка на Аполлона. Воскреситель-то, бывший-то герой, бросается какъ паршивая, лохматая шавка на своего лакея, а тотъ смѣется надъ нимъ! И слезъ давишнихъ, которыхъ передъ тобой я, какъ пристыженная баба, не могъ удержать, никогда тебѣ не прощу! И того, въ чемъ теперь тебѣ признаюсь, тоже никогда *тебѣ* не прощу! Да, — ты, одна ты за все это отвѣтить должна, потомучто ты такъ подвернулась, потомучто я мерзавецъ, потомучто я самый гадкой, самый смѣшной, самый мелочной, самый глупый, самый завистливый изъ всѣхъ на землѣ червяковъ, которые вовсе не лучше меня, но которые чортъ знаетъ отчего, никогда не конфузятся; а вотъ я такъ всю жизнь, отъ всякой гниды буду щелчки получать и это моя черта! Да какое мнѣ дѣло до того, что ты этого ничего не поймешь! И какое, ну какое, какое дѣло мнѣ до тебя и до того погибаешь ты тамъ, или нѣтъ? Да понимаешь-ли ты, какъ я теперь, высказавъ тебѣ это, тебя ненавидѣть буду, за то что ты тутъ была и слушала? Вѣдь человекъ разъ въ жизни только такъ высказывается, да и то въ истерикѣ!.. Чего-жъ тебѣ еще? Чего-жъ ты еще, послѣ всего этого, торчишь передо мной, мучаешь меня, не уходишь?

Но тутъ случилось вдругъ странное обстоятельство.

Я до того привыкъ думать и воображать все по книжкѣ и представлять себѣ все на свѣтѣ, такъ какъ самъ еще прежде въ мечтахъ сочинилъ, что даже сразу и не понялъ тогда этого страннаго обстоятельства. А случилось вотъ что: Лиза, оскорбленная и раздавленная мною, поняла гораздо больше, чѣмъ я воображалъ себѣ. Она поняла изъ всего этого то, что женщина всегда прежде всего пойметъ, если искренно любить, а именно: что я самъ несчастливъ.

Испуганное и оскорбленное чувство смѣнилось на лицѣ ея сначала горестнымъ изумленіемъ. Когда-же я сталъ называть себя подлецомъ и мерзавцемъ и полились мои слезы, (я проговорилъ всю эту тираду со слезами) все лицо ея передернулось какой-то судорогой. Она хотѣла было встать, остановить меня; когда-же я кончилъ, она не на крики мои обратила вниманіе: «Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ не уходишь!» — а на то, что мнѣ должно быть очень тяжело самому было все это выговорить. Да и забитая она была такая, бѣдная; она считала себя безконечно ниже меня; гдѣ жъ ей было озлиться, обидѣться? Она вдругъ вскочила со стула въ какомъ-то неудержимомъ порывѣ, и вся стремясь ко мнѣ, но все еще робѣя и не смѣя сойти съ мѣста, протянула ко мнѣ руки... Тутъ сердце и во мнѣ перевернулось. Тогда она вдругъ бросилась ко мнѣ, обхватила мою шею руками и заплакала. Я тоже не выдержалъ и зарыдалъ такъ, какъ никогда еще со мной не бывало...

— Мнѣ не даютъ.. Я не могу быть... добрымъ! — едва проговорилъ я, затѣмъ дошолъ до дивана, упалъ на него ничкомъ и четверть часа рыдалъ въ настоящей истерикѣ. Она припала ко мнѣ, обняла меня и какъ-бы замерла въ этомъ объятіи.

Но все-таки штука была въ томъ, что истерика должна-же была пройти. И вотъ (я вѣдь омерзительную правду пишу) лежа ничкомъ на диванѣ, накрѣпко, и уткнувъ лицо въ дрянную кожаную подушку мою, я началъ помаленьку, издалека, неволью, но неудержимо ощущать, что вѣдь мнѣ теперь неловко будетъ поднять голову и посмотрѣть Лизѣ прямо въ глаза. Чего мнѣ было стыдно? — не знаю, но мнѣ было стыдно. При-

шло мнѣ тоже въ взбудораженную мою голову, что роли вѣдь теперь окончательно перемѣнились, что героиня теперь она, а я точно такое-же униженное и раздавленное созданіе, какимъ была она передо мной въ ту ночь, — четыре дня назадъ... И все это ко мнѣ пришло еще въ тѣ минуты, когда я лежалъ ничкомъ на диванѣ!

Боже мой! да неужели-жъ я тогда ей позавидовалъ?

Не знаю, до сихъ поръ еще не могу рѣшить, а тогда конечно еще меньше могъ это понять чѣмъ теперь. Безъ власти и тиранства надъ кѣмъ нибудь, я вѣдь не могу прожить... Но... но вѣдь разсужденіями ничего не объяснишь, а слѣдственно и разсуждать нечего.

Я однакожъ преодолѣлъ себя и приподнялъ голову; надобно-жъ было когда-нибудь поднять... И вотъ, я до сихъ поръ увѣренъ, что именно потому, что мнѣ было стыдно смотрѣть на нее, въ сердцѣ моемъ вдругъ тогда зажглось и вспыхнуло другое чувство... чувство господства и обладанія. Глаза мои блеснули страстью и я крѣпко стиснулъ ея руки. Какъ я ненавидѣлъ ее и какъ меня влекло къ ней въ эту минуту! Одно чувство усиливало другое. Это походило чуть не на мщеніе!.. На лицѣ ея изобразилось сначала какъ-будто недоумѣніе, какъ будто даже страхъ, но только на мгновеніе. Она восторженно и горячо обняла меня...

Х.

Черезъ четверть часа я бѣгалъ взадъ и впередъ въ бѣшеномъ нетерпѣніи по комнатѣ, поминутно подходилъ къ ширмамъ и, въ щелочку поглядывалъ на Лизу. Она сидѣла на полу, склонивъ на кровать голову и, должно быть, плакала. Но она не уходила, а это-то и раздражало меня. Въ этотъ разъ она уже все знала. Я оскорбилъ ее окончательно, но... нечего разсказывать. Она догадалась, что порывъ моей страсти былъ именно мщеніемъ, новымъ ей униженіемъ, и что къ давешней моей почти безпредметной ненависти, прибавилась теперь уже *личная, завистливая* къ ней ненависть... А впрочемъ не утверждаю, чтобъ она это все поняла отчетливо; но за то она вполнѣ поняла, что я человѣкъ мерзкій и, главное, не въ состояніи любить ее.

Я знаю, мнѣ скажутъ, что это невѣроятно, — что невѣроятно быть такъ злымъ, глупымъ, какъ я; пожалуй еще прибавятъ что невѣроятно было не полюбить ее или по крайней мѣрѣ не оцѣнить этой любви. Отчего-же невѣроятно? Вопервыхъ я и полюбить ужъ не могъ, потомучто, повторяю, любить у меня — значило тиранствовать и нравственно превосходить. Я всю жизнь не могъ даже представить себѣ иной любви, и до того дошолъ, что иногда теперь думаю, что любовь-то и заключается въ добровольно дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать. Я и въ мечтахъ своихъ подпольныхъ иначе и не представлялъ себѣ любви, какъ борьбою, начиналъ ее всегда съ ненависти и кончалъ нравственнымъ покореніемъ, а потомъ ужъ и представить себѣ не могъ что дѣлать съ покореннымъ предметомъ. Да и что тутъ невѣроятнаго, когда я ужъ до того успѣлъ растлить себя нравственно, до того отъ «живой жизни» отвыкъ, что давеча вздумалъ попрекать и стыдить ее тѣмъ, что она пришла ко мнѣ «жалкія слова» слушать; а и не догадался самъ, что она пришла вовсе не для того, чтобъ жалкія слова слушать, а чтобъ любить меня, потомучто для женщины въ любви-то и заключается все воскресеніе, все спасеніе отъ какой-бы то ни было гибели и все возрожденіе, да иначе и проявиться не можетъ, какъ въ этомъ. Впрочемъ я не очень ужъ такъ ее ненавидѣлъ, когда бѣгалъ по комнатѣ и въ щелочку заглядывалъ за ширмы. Мнѣ только невыносимо тяжело было, что она здѣсь. Я хотѣлъ чтобъ она исчезла. «Спокойствія» я желалъ, остаться одинъ въ подпольѣ желалъ. «Живая жизнь» съ непривычки придавила меня, до того что даже дышать стало трудно.

Но прошло еще нѣсколько минутъ, а она все еще не подымалась, какъ будто въ забытїи была. Я имѣлъ безсовѣстность тихонько постучать въ ширмы, чтобъ напомнить ей... Она вдругъ встрепенулась, схватилась съ мѣста и бросилась искать свой платокъ, свою шляпку, шубу, точно спасаясь отъ меня куда-то... Черезъ двѣ минуты она медленно вышла изъ за ширмъ и тяжело на меня поглядѣла. Я злобно усмѣхнулся, впрочемъ насильно, для *приличія* и отворотился отъ ея взгляда.

— Прощайте, — проговорила она направляясь къ двери.

Я вдругъ подбѣжалъ къ ней, схватилъ ея руку, разжалъ ее, вложилъ... и потомъ опять зажалъ. За тѣмъ тотчасъ-же отвернулся и отскочилъ поскорѣй въ другой уголъ, чтобъ не видѣть покрайней мѣрѣ...

Я хотѣлъ было сію минуту солгать, — написать, что я сдѣлалъ это нечаянно, не помня себя, потерявшись, съ дуру. Но я не хочу лгать и потому говорю прямо, что я разжалъ ей руку и положилъ въ нее... со злости. Мнѣ это пришло въ голову сдѣлать, когда я бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, а она сидѣла за ширмами. Но вотъ что я навѣрно могу сказать: я сдѣлалъ эту жестокость, хоть и нарочно, но не отъ сердца, а отъ дурной моей головы. Эта жестокость была до того напускная, до того головная, нарочно подсочиненная, *книжная*, что я самъ не выдержалъ даже минуты, — сначала отскочилъ въ уголъ, чтобъ не видѣть, а потомъ, со стыдомъ и отчаяніемъ, бросился вслѣдъ за Лизой. Я отворилъ дверь въ сѣни и сталъ прислушиваться.

— Лиза! Лиза! крикнулъ я на лѣстницу, но не смѣло, вполголоса...

Отвѣта не было, мнѣ показалось, что я слышу ея шаги на нижнихъ ступеняхъ.

— Лиза! крикнулъ я громче.

Нѣтъ отвѣта. Но въ ту же минуту я услышалъ снизу какъ тяжело съ визгомъ отворилась тугая, наружная стеклянная дверь на улицу и туго захлопнулась. Гулъ поднялся по лѣстницѣ.

Она ушла. Я воротился въ комнату въ раздумьи. Ужасно тяжело мнѣ было.

Я остановился у стола возлѣ стула, на которомъ она сидѣла и бессмысленно смотрѣлъ передъ собой. Прошло съ минуту, вдругъ я весь вздрогнулъ: прямо передъ собой, на столѣ, я увидалъ... однимъ словомъ я увидалъ смятую синюю пятирублевую бумажку, ту самую, которую минуту назадъ зажалъ въ ея руку. Это была та бумажка; другой и быть не могло; другой и въ домѣ не было. Она стало быть успѣла выбросить ее изъ руки на столъ въ ту минуту, когда я отскочилъ въ другой уголъ.

Что жъ? я могъ ожидать что она это сдѣлаетъ. Могъ ожидать? Нѣтъ. Я до того былъ эгоистъ, до того неуважалъ людей на самомъ дѣлѣ, что даже и вообразить не могъ что и она это сдѣлаетъ. Этого я не вынесъ. Мгновеніе спустя я, какъ безумный, бросился одѣваться, накинулъ на себя что успѣлъ въ попыхахъ, и стремглавъ выбѣжалъ за ней. Она и двухсотъ шаговъ еще не успѣла уйти, когда я выбѣжалъ на улицу.

Было тихо, валилъ снѣгъ и падалъ почти перпендикулярно, настилая подушку на тротуаръ и на пустынную улицу. Никого не было прохожихъ, никакого звука не слышалось. Уныло и бесполезно мерцали фонари. Я отбѣжалъ шаговъ двѣсти, до перекрестка и остановился. — Куда пошла она? и зачѣмъ я бѣгу за ней? Зачѣмъ? Упасть передъ ней, зарыдать отъ раскаянія, цаловать ея ноги, молить о прощеніи! Я и хотѣлъ этого; вся грудь моя разрывалась на части и никогда, никогда не вспомяну я равнодушно эту минуту. Но, — зачѣмъ? подумалось мнѣ. Развѣ я не возненавижу ее, можетъ быть завтра-же, именно за то, что сегодня цаловалъ ея ноги? Развѣ дамъ я ей счастье? Развѣ я не узналъ сегодня опять, въ сотый разъ, цѣны себѣ? Развѣ я не замучу ее!

Я стоялъ на снѣгу, всматриваясь въ мутную мглу и думалъ объ этомъ.

— И не лучше-ль, не лучше-ли будетъ, фантазировалъ я уже дома, послѣ, заглушая фантазіями живую сердечную боль, — не лучше-ль будетъ если она на вѣки унесетъ теперь съ собой оскорбленіе? Оскорбленіе, — да вѣдь это очищеніе; это самое ѣдкое и больное сознание! Завтра-же я-бы загрязнилъ собой ея душу и утомилъ

ея сердце. А оскорбленіе не замретъ въ ней теперь никогда, и какъ бы ни была гадка грязь, которая ее ожидаетъ, — оскорбленіе возвыситъ и очиститъ ее... ненавистью... гм..., можетъ и прощеніемъ... А впрочемъ легче-ль ей отъ всего этого будетъ?

А въ самомъ дѣлѣ: вотъ я теперь ужь отъ себя задаю одинъ праздный вопросъ: что лучше, — дешевое-ли счастье, или возвышенныя страданія? Ну-ка, что лучше?

Такъ мнѣ мерещилось, когда я сидѣлъ въ тотъ вечеръ у себя дома, едва живой отъ душевной боли. Никогда я не выносилъ еще столько страданія и раскаянія; но развѣ могло быть хоть какое-либо сомнѣніе, когда я выбѣгалъ изъ квартиры, что я не возвращусь съ поддороги домой! Никогда больше я не встрѣчалъ Лизу и ничего не слыхалъ о ней. Прибавлю тоже, что я надолго остался доволенъ *фразой* о пользѣ отъ оскорбленія и ненависти, не смотря на то, что самъ чуть не заболѣлъ тогда отъ тоски.

Даже и теперь, черезъ столько лѣтъ, все это какъ-то слишкомъ *не хорошо* мнѣ припоминается. Многое мнѣ теперь не хорошо припоминается, но... не кончить-ли ужь тутъ «Записки»? Мнѣ кажется я сдѣлалъ ошибку, начавъ ихъ писать. Покрайней мѣрѣ мнѣ было стыдно, все время какъ я писалъ эту *повѣсть*: стало быть это ужь не литература, а исправительное наказаніе. Вѣдь рассказывать, на примѣръ, длинныя повѣсти о томъ, какъ я манкировалъ свою жизнь нравственнымъ разстлѣніемъ въ углу, недостаткомъ среды, отвычкой отъ живого и тщеславной злобой въ подпольѣ, — ей богу не интересно; въ романѣ надо героя, а тутъ *нарочно* собраны всѣ черты для анти-героя, а главное все это произведетъ пренеприятное впечатлѣніе, потомучто мы всѣ отвыкли отъ жизни, всѣ хромаемъ, всякой болѣе или менѣе. Даже до того отвыкли, что чувствуемъ подѣ-часъ къ настоящей, «живой жизни» какое-то омерзѣніе, а потому и терпѣть не можемъ, когда намъ напоминаютъ про нее. Вѣдь мы до того дошли, что настоящую «живую жизнь» чуть не считаемъ за трудъ, почти что за службу, и всѣ мы про себя согласны, что по книжкѣ лучше. И чего копошимся мы иногда, чего блажимъ, чего просимъ? Сами не знаемъ чего. Намъ-же будетъ хуже, если наши блажныя просьбы исполнять. Ну попробуйте, ну дайте намъ, на примѣръ, побольше самостоятельности, развяжите любому изъ насъ руки, расширьте кругъ дѣятельности, ослабьте опеку, и мы... да увѣряю же васъ: мы тотчасъ-же попросимся опять обратно въ опеку. Знаю, что вы можетъ быть на меня за это разсердитесь, закричите, ногами затопаете: «говорите, дескать про себя одного, и про ваши мизеры въ подпольѣ, а не смѣйте говорить: «*всѣ мы*». Позвольте, господа, вѣдь не оправдываюсь-же я этимъ *всѣмствомъ*. Что-же собственно до меня касается, то вѣдь я только доводилъ, въ моей жизни, до крайности то, что вы не осмѣливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразуміе, и тѣмъ утѣшались, обманывая сами себя. Такъ что я, пожалуй, еще «живѣе» васъ выхожу. Да взгляните пристальнѣе! Вѣдь мы даже незнаемъ гдѣ и живое-то живетъ теперь и что оно такое, какъ называется? Оставьте насъ однихъ, безъ книжки, и мы тотчасъ запутаемся, потеряемся, — не будемъ знать куда примкнуть, чего придержаться; что любить и что ненавидѣть, что уважать и что презирать? Мы даже и человѣками-то быть тяготимся, — человѣками съ настоящимъ, *собственнымъ* тѣломъ и кровью; стыдимся этого, за позоръ считаемъ, и нарочимъ быть какими-то небывалыми общечеловѣками. Мы-мертворожденные, да и рождаемся-то, давно ужь, не отъ живыхъ отцовъ, и это намъ все болѣе и болѣе нравится. Во вкусъ входимъ. Скоро выдумаемъ родиться какъ-нибудь отъ идеи. Но довольно; — не хочу я больше писать «изъ Подполья»...

Впрочемъ здѣсь еще не кончаются «записки» этого парадоксалиста. Онъ не выдержалъ и продолжалъ далѣе. Но намъ тоже кажется, что здѣсь можно и остановиться.

Федоръ Достоевскій.